

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(Самарский университет)



ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XXV Всероссийская конференция
молодых историков
(Самара, 13–14 декабря 2019 г.)

Материалы и доклады

Самара
2020

УДК 94
ББК 63.3
П37

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. П.С. Кабытов (отв. редактор);
д-р ист. наук, проф. Э.Л. Дубман;
д-р ист. наук, проф. М.М. Леонов;
д-р ист. наук, проф. Н.Н. Кабытова;
д-р ист. наук, проф. Ю.Н. Смирнов;
канд. ист. наук, доц. В.А. Тюрин (отв. секретарь)

П37 Платоновские чтения: материалы и доклады XXV Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 13–14 декабря 2019 г.) / отв. редактор П.С. Кабытов. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2020. – 238 с.

ISBN 978-5-6043678-7-2

Сборник содержит статьи участников XXV Всероссийской конференции «Платоновские чтения», проходившей в Самарском университете 13–14 декабря 2019 г.

Проблематика материалов сборника представляет собой широкий спектр сюжетов социально-экономической истории, международных связей, истории взаимоотношений власти и общества, а также основных направлений общественной и исторической мысли, истории культуры и этносов России.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-6043678-7-2

© Авторы, 2020
© Самарский университет, 2020
© Центр периодических изданий Самарского университета, оформление, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Секция I. Социально-экономические, внешнеполитические проблемы истории России

Никитин И.Н. Берестологические источники как научно-информационный ресурс	14
Раскин А.М. Состояние русской армии в 1670-1680 годы	17
Попова Е.М. Городовой воевода — должностное лицо в Великом Новгороде в период шведской оккупации в начале XVII в.	19
Жуйкова С.С. Западная Грузия во второй четверти XVII в. глазами русского посла (по статейному списку Федота Елчина)	21
Крылова А.В. Русская женщина на переломе веков (конец XVII — начало XVIII вв.)	24
Кривова Д.А. Специфика назначений в Кабинет министров при Анне Иоанновне	26
Мионов И.В. Политика «свободы рук» в российской дипломатии конца XVIII — начала XIX века	30
Пискунов А.В. «Система Петра Великого». Внешнеполитическая концепция канцлера А.П. Бестужева-Рюмина	32
Сметанин Д.В. Патрон-клиентские отношения в повседневной практике управления Новороссийским генерал-губернаторством. Генерал-губернатор М.С. Воронцов и правитель канцелярии С.В. Сафонов	35
Зиновьева Ю.А. Развитие аукционной торговли предметами историко-культурного значения в России в XVIII-XIX вв.	38
Торунов В.А. Роль адмирала В.А. Корнилова в обороне Севастополя 1854—1855 гг.	40
Елисеева Е.А. Женский монастырь в пространстве уездного города второй половины XIX — начала XX вв.	43
Макарова А.Ю. Культурная и церковная жизнь Самарской губернии начала 1870-х годов в отчете епископа Герасима (Добросердова) Святейшему Синоду	45
Хренова А.Б. Лингвокультурологический портрет немцев в России на примере представителя сословия служащих и российского немца	48
Зубкова А.А. Работа куйбышевских колхозных рынков в первые годы Великой Отечественной войны	50

Секция II. Власть и общество в истории России

Котов А.В. Образование казахского населения и его интеграция в российское общество (XVIII — середина XIX вв.)	54
--	----

Гривастова А.Н. Власть и частная благотворительность в Российской империи в середине XIX века: опыт Общества посещения бедных	56
Зверева А.А. Дискуссии в Самарском губернском комитете по улучшению быта помещичьих крестьян	58
Анисимова В.Ю. Дворяне Сатины и местное самоуправление в контексте становления земств в пореформенный период (по материалам Тамбовской губернии)	61
Айзенштадт Е.О. Положение еврейской интеллигенции в России на примере жизни М. Винавера	64
Кисленко А.О. Контроль за вырубкой леса и эколого-санитарные аспекты в деятельности Казанской городской думы в 1870-1880-х гг.	66
Елисеев А.И. Самарские депутаты I Государственной Думы и Выборгское воззвание	69
Валевко С.В. Причины восстания 1916 года в Средней Азии по воспоминаниям А.Н. Куропаткина и А.Ф. Керенского	71
Голованев М.А. Февраль 1917 года и духовенство Оренбургской Епархии: проблема восприятия новой власти	73
Герасимова М.С. «Галлиполи был занят без боя...» — «галлиполийское сидение» в истории становления Русского общевойскового союза	76
Романов А.С. Великий князь Николай Николаевич-младший на посту Верховного главнокомандующего	78
Фролова А.М. Механизм формирования, состав, организационная деятельность I Государственной Думы в начале XX века	81
Павлов Н.С. Основные направления деятельности советской власти в области здравоохранения в Самарской губернии в годы гражданской войны	84
Кирдяшев М.С. Деятельность общественных организаций в Бузулукском уезде Самарской губернии во время голода 1921-1923 гг.	86
Кудряшова Н.В. Охрана материнства и детства в Куйбышевской области в 1946 г.	88
Аблаев Э.Ю. Налогообложение советской деревни в послевоенный период: политика государства и реакция населения	90
Ванин А.А. «Борьба с излишествами» и переходный период в формировании городского пространства Саратова (1950-е — начало 1960-х гг.)	93

Секция III. История общественной и исторической мысли, политических партий, общественных движений и организаций

Бучинский А.С. Проблема влияния французских мыслителей на Екатерину II в отечественной историографии	96
Зотова А.А. Образ Америки в дискурсе российского общества XVIII-XIX вв.	98
Евлоева Р.Д. А. Я. Дашков о специфике американского общества и культуры	100

Токарева Н.Д. Отношение членов императорской фамилии к появлению в России Государственной думы	103
Трубицын И.О. Модели дворянских корпораций в России	105
Хахалева В.С. «Женский вопрос» в идеологии и практике большевиков	107
Шляхов А.В. Первая мировая война на страницах журнала «Историк-марксист» (1926 – 1941 гг.)	110
Беляева К.В. Голод в Поволжье и историческая имагология: к постановке новых проблем	112
Панкеева К.В. «Панисламизм» глазами российских чиновников и европейских СМИ начала XX в.	114
Романова В. Правовое положение русских эмигрантов во Франции	117
Ерофеев И.Д. Императорский Варшавский университет в конце XIX – начале XX века в оценке современников	119
Вербовой В.А. Митрополит Иоанн (Снычѳв) в отечественной историографии	121
Горбунов А.Г. Советы в отечественной историографии	123
Кузнецова А.А. Повседневная жизнь студентов Куйбышевского государственного университета в 80-е годы XX века	126
Андросова А.А. Селфи как исторический источник будущего	128
Губанова Т.С. Проблема гендера в системе российского школьного образования	130

Секция IV. Русская культура, история этносов и повседневность

Космынина Н.Н. Женщины в семье С.Т. Аксакова	132
Сабитова К.Б. Духовное и светское в судьбе священника на рубеже XIX–XX вв.: на примере жизни протоиерея А.В. Смирнова	134
Панова А.Р. Надежда Ламанова: судьба на рубеже эпох	136
Мишустин Д.В. Культурные и просветительские практики противодействия хулиганству в Самарской губернии начала XX века	138
Борисова В.А. Самарский городской ландшафт глазами М. Горького	141
Титова О.А. Самарский обыватель в революции (1905–1907 гг.). Литература и тексты поведения	143
Заруцкий А.Г. Повседневная жизнь членов секты «Людей Божьих» в Оренбургской губернии в начале XX века	145
Протасова А.В. Состояние сектантских организаций по Сызранскому округу и их религиозная пропаганда	147
Вострикова А.В. Карнавальные практики 1920-х гг., как форма театрализации советской праздничной культуры	149
Алексеевко Е.В. Тактики и стратегии повседневной жизни женщин Самарской губернии в 1920–1930-е гг.	151
Писарева А.И. Изменения в культурной жизни Самары в годы НЭПА	154

Селифонтова Д.Ю. Повседневность Китая: оценки советских военных	157
Янцен И.Д. Образ женщины в его социальное содержание в советском кинематографе конца 1930-х – начала 1940-х гг.	159
Сочнева Д.В. Путь из подполья на страницы районных газет: религиозные меньшинства в Ульяновской области во второй половине XX века	162
Гумеров М.М. Исламское образование в Куйбышевской области в 1945–1985 гг.	164
Мкртчян Л.Г. Самарский архитектор и краевед Ваган Гайкович Каркарьян	166
Афанасьева Д.А. Ирландский паб в России: глобальное и локальное в культуре	168

Секция V. История России в XX в.: проблемы, поиски решения

Глотова А.Е. Функционирование кожно-венерологических диспансеров в СССР в кон. 1930-х – середине 1940-х гг. (по материалам Куйбышевского областного кожно-венерологического диспансера)	171
Трофимов М.О. Сопrotивление как способ выживания советских военнопленных (по воспоминаниям И.С. Дикова)	173
Савенков Э.И. Особенности применения больших групп бронетехники в ходе наступлений в 1942 году: на примере боевого крещения 50-й и 51-й танковых бригад саратовского формирования	176
Рыбакова А.А. Восстановление Сталинграда в 1943 году	179
Принько А.К. Неизвестные солдаты Великой Отечественной войны (на примере братьев Володичкиных)	182
Игонин А.А. Размещение рабочих эвакуированных предприятий на территории г. Ульяновска в период Великой Отечественной войны	184
Маркарян Т.Ю. Женщины Куйбышевской области на трудовом фронте в годы Великой Отечественной войны (на примере Ставропольского района)	186
Вишнякова А.А. Участие жителей города Чапаевска в республиканских социалистических соревнованиях по благоустройству города в 1946-1948 гг.	188
Павловская Я.А. Настроения москвичей в первые послевоенные годы	190
Елгина И.И. Процесс реформирования Советской пенитенциарной системы: март 1953 – июль 1954 года (на материалах Куйбышевской области)	192
Рамм Д.А. Жилищная проблема на промышленном предприятии в 1950-1960-е гг. (на примере Тольяттинского электротехнического завода)	194
Бахута Н.В. Групповая динамика партийной номенклатуры и органов политического руководства Куйбышевской области 50-х гг. XX в.	197

Глотов А.И. «Устранение нервозности»: механизм сбора предложений коммунистов по поправкам к Уставу КПСС в 1965–1966 гг.	199
Кожевникова О.Д. Отношение политических партий РФ к интеграции на постсоветском пространстве в 1990-е гг.	201
Абрашкин С.Н. Взаимоотношения Губернатора Самарской области Константина Алексеевича Титова и первого президента РФ Бориса Николаевича Ельцина	203
Габитова К.Р. Роль СССР в стремительном объединении Германии: сознательная позиция или неправильная оценка ситуации?	206
Коракова М.И. Russiagate в материалах американской прессы	208

Стеновые доклады

Батырев Д.М. Социокультурный облик архиереев Оренбургской епархии	211
Заседателева Е.И. Взаимосвязь политических процессов второй половины XIX века и замедления развития научно-технического прогресса	213
Авданов А.В. Михаил Владимирович Родзянко – председатель Государственной Думы Российской империи	214
Сухова О.К. Институционализация науки о древностях в Самарской и Симбирской губерниях до 1917 года	217
Лаушкина О.Н. История путешествий А.И. Стрелковой по Среднему Поволжью в первой половине XIX в.	219
Николаев С.В. «И пусть назад, нельзя назад вернуть тех дней»: трансформация лирического жанра в советской эстрадной песне второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. (на примере творчества композитора – исполнителя Вячеслава Добрынина)	221
Соколова А.В. Изучение истории США в Самарском педагогическом университете	223
Лощилова А.М. Место России в стратегической доктрине США	225
Панкратова А.А. Интеллектуальная эмиграция из России в США в XX–XXI вв.	227
Чепурнова Е.И. Периферия губернского города второй половины XIX – начала XX вв.	230
Денисова А.Д. Проблема освещения антикатолического религиозного законодательства елизаветинской эпохи в трудах отечественных историков	232
Парахин А.С. Социалистические соревнования в Куйбышевской области в 1941–1946 гг. по материалам СОГАСПИ	235

XXV ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2019 Г.

13–14 декабря 2019 г. в Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королева на базе кафедры российской истории состоялась ежегодная конференция студентов и молодых ученых – XXV Всероссийские Платоновские чтения.

Это была юбилейная конференция российских студентов – историков и молодых ученых. Уже четверть века Платоновские чтения традиционно считаются одним из самых известных и популярных межвузовских исторических форумов научной молодежи России. В них принимают участие молодые исследователи из многих регионов европейской части страны, Урала и Сибири, а также некоторых стран зарубежья. По Положению о Платоновских Чтениях в работе конференции разрешается принимать участие бакалаврам и магистрам, а также аспирантам, научным сотрудникам и преподавателям в возрасте не старше 30 лет, не имеющим ученой степени или звания. В основе работы Чтений заложен конкурсный принцип.

Начиная с первой конференции, состоявшейся в 1996 г., при организации каждых новых Чтений их Оргкомитет ставит перед собой важнейшие задачи:

- содействовать развитию научного творчества молодежи,
- пропагандировать российское национальное историческое наследие.

За всю историю проведения Платоновских Чтений они показали высокую эффективность для развития отечественной науки, приобрели особую значимость и привлекательность для молодых исследователей. В среднем в работе каждой из ежегодных конференций принимало участие до 120–200 студентов, соискателей и аспирантов; выступало от 50 до 90 докладчиков. Тексты всех представленных к участию и прошедших конкурсную экспертизу докладов были опубликованы.

Чтения получили заслуженное признание в среде студенчества и молодых ученых. Их базовой особенностью является постоянство, регулярность, единство требований к уровню научных работ и составу участников. Проведение конференции стало общероссийской научной традицией. В Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Казани, Чебоксарах, Оренбурге, Саратове, Волгограде, Пензе и других городах нашей страны сложился круг постоянных участников этого форума научной молодежи.

Начиная с 1996 г., организатором и главным исполнителем Платоновских Чтений являлся Самарский государственный университет (с 2015 г. Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева). В течение ряда лет методическую и научную помощь

в проведении конференции оказывал Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Проведенные в середине декабря 2019 г. XXV Платоновские Чтения были организованы при финансовой и методической поддержке ректората Самарского университета и руководства социально-гуманитарного института.

Проект «Платоновские Чтения» стал неотъемлемой частью системы научной и учебной работы кафедры российской истории исторического факультета Самарского университета, ежегодно проводимых научных конференций молодых ученых и студентов. Чтения объединили эту сферу научно-исследовательской деятельности в области исторических наук в единое целое не только в рамках Самары и других городов Среднего Поволжья, но и всей Российской Федерации.

Традиционным на протяжении многих лет является состав Оргкомитета конференции во главе с профессором П.С. Кабытовым. В 2019 г. в него вошли профессор Самарского университета М.М. Леонов, Ю.Н. Смирнов, Э.Л. Дубман, Н.Н. Кабытова, М.И. Леонов, О.Б. Леонтьева, а также профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге Б.И. Колоницкий, ответственный секретарь Чтений доцент В.А. Тюрин, секретарь Е.В. Алексеенко. Активное участие в организации и проведении Чтений приняли студенты исторического факультета университета.

Как и для предшествующих конференций традиционным для проведения XXV Всероссийских Платоновских Чтений являлось стабильное количество секций. В 2019 г. на конференции работали 5 секций. Проблемы, обсуждавшиеся на работавшей в 2018 г. 6-й секции были перенесены на 1 секцию «Социально-экономические, внешнеполитические проблемы истории России».

Работа Платоновских чтений проходила в 3 этапа:

- церемония открытия конференции -13 декабря 2019 г.,
- заседания секций – 13 декабря 2019 г.,
- пленарное заседание – 14 декабря 2019 г.

Для участия в Чтениях были отобраны 97 докладов (из них 14 стендовых). Докладчики представляли 12 вузовских центров России: Москву представляли: (Московский государственный университет – 6 чел., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – 1 чел.). Саратов – (Саратовский национальный исследовательский государственный университет – 3 чел.). Казань – (Казанский (Приволжский) федеральный университет – 2 чел.). Новгород – (Новгородский государственный университет – 1 чел.), Тамбов – (Тамбовский государственный университет – 1 чел.). Ульяновск – (Ульяновский государственный университет – 2 чел.). Оренбург – (Оренбургский государственный педагогический университет – 5 чел.). Самара – (Самарский национальный ис-

следовательский университет – 57 чел., Самарский государственный социально-педагогический университет – 4 чел., Самарский государственный институт культуры – 5 чел., Самарский филиал Московского городского педагогического университета – 8 чел.). Всего с докладами на всех 5 секциях выступили 83 чел.

На Пленарном заседании и в работе 5 секций Чтений принимало участие более 130 чел.

На первой секции «Социально-экономические, внешнеполитические проблемы истории России» в числе 16 докладчиков были 3 аспиранта, 7 магистрантов и 6 бакалавров. Они представляли Московский государственный (1), Новгородский государственный (1), Самарский национальный исследовательский (11), Самарский государственный социально-педагогический (1) университеты, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва) (1) и Самарский государственный институт культуры (1).

Первое место на секции за доклад «Городовой воевода – должностное лицо в Великом Новгороде в период шведской оккупации в начале XVII в.» присуждено аспирантке Новгородского государственного университета Е.М. Поповой, второе место – магистранту Самарского национального исследовательского университета А.В. Пискунову за доклад «Система Петра Великого. Внешнеполитическая концепция канцлера А.П. Бестужева-Рюмина», третье место – магистранту Самарского государственного социально-педагогического университета А.А. Зубковой за доклад «Работа куйбышевских колхозных рынков в первые годы Великой Отечественной войны».

Вторая секция «Власть и общество в истории России» (17 докладчиков) объединила 6 бакалавров, 9 магистрантов и 2 аспирантов. Из них 2 человека являлись студентами Московского государственного, 1 – Казанского (Приволжского) федерального, 1 – Тамбовского государственного, 6 – Самарского национального исследовательского, 2 – Самарского государственного социально-педагогического, 1 – Саратовского национального исследовательского; 1 – Самарского филиала Московского городского педагогического, 3 – Оренбургского государственного педагогического университета.

Первое место за доклад «Налогообложение советской деревни в послевоенный период: политика государства и реакция населения» получил Э.Ю. Аблаев, бакалавр Московского государственного университета.

Второе место за доклад «Контроль за вырубкой леса и эколого-санитарные аспекты в деятельности Казанской городской думы в 1870-1880-х гг.» было присуждено магистранту Казанского (Приволжского) федерального университета А.О. Кисленко.

Третье место за доклад «Основные направления деятельности советской власти в области здравоохранения в Самарской губернии в годы граждан-

ской войны» было присуждено магистранту Самарского национального исследовательского университета Н.С. Павлову.

В секции «История общественной и исторической мысли, политических партий, общественных движений и организаций» прозвучало 16 докладов (8 магистрантов и 4 бакалавра, 4 аспиранта). Из них Самарский национальный исследовательский университет представляли 12 докладчиков, Московский государственный университет – 2, Самарский государственный социально-педагогический университет – 1, Самарский филиал Московского городского педагогического – 1.

Первое место за доклад «А.Я. Дашков о специфике американского общества и культуры» присуждено магистранту Московского государственного университета Р.Д. Евлоевой; второе место за доклад «Первая мировая война на страницах журнала «Историк-марксист» (1926–1941 гг.)» – аспиранту Самарского национального исследовательского университета А.В. Шляхову; третье место за доклад «Митрополит Иоанн (Снычёв) в отечественной историографии» – магистранту Самарского национального исследовательского университета В.А. Вербовому.

Секция «Русская культура, история этносов и повседневность», на которую было записано 17 докладов (4 магистранта, 8 бакалавров, 4 аспиранта и 1 независимый исследователь), по своему составу выглядела следующим образом. Вузы Самары – 12 докладов, из них национальный исследовательский университет – 9, государственный институт культуры – 1, государственный социально-педагогический университет – 1, Самарский филиал Московского городского педагогического университета – 1. Представители других городов – 4 доклада, в том числе: Саратовский национальный исследовательский государственный университет – 1, Казанский (Приволжский) федеральный университет – 1, Ульяновский государственный университет – 1, Оренбургский государственный педагогический университет – 1.

Первое место за доклад «Повседневная жизнь членов секты «Людей Божьих» в Оренбургской губернии в начале XX века» было дано А.Г. Заруцкому, аспиранту Оренбургского государственного педагогического университета. Второе место за доклад «Состояние сектантских организаций по Сызранскому округу и их религиозная пропаганда» получила А.В. Протасова, магистрант Самарского университета. Третье место за доклад «Культурные и просветительские практики противодействия хулиганству в Самарской губернии начала XX в.» занял Д.В. Мишустин, бакалавр Самарского государственного института культуры.

Пятая секция «История России в XX-XXI вв.: проблемы, поиски решения» объединила 17 докладчиков (4 аспиранта, 5 магистрантов и 8 бакалавров). Из них 7 докладчиков представлял Самарский национальный исследовательский университет, 2 – Московский государственный университет, 1 – Саратовский национальный исследовательский государственный уни-

верситет, 3 – Самарский государственный социально-педагогический университет, 3 – Самарский филиал Московского городского педагогического университета, и 1 – Ульяновский государственный университет.

Первое место на секции за доклад «Особенности применения больших групп бронетехники в ходе наступлений в 1942 году: на примере боевого крещения 50-й и 51-й танковых бригад Саратовского формирования» было присуждено Э.И. Савенкову, аспиранту Саратовского национального исследовательского государственного университета. Второе место получила бакалавр Московского государственного университета Я.А. Павловская за доклад «Настроения москвичей в первые послевоенные годы». Третье место было присуждено аспиранту Самарского национального исследовательского университета А.И. Глову за доклад «Устранение нервозности»: механизм сбора предложений коммунистам по поправкам к Уставу КПСС в 1965-1966 гг.».

Помимо того на Чтениях были представлены 14 стендовых докладов (по 6 бакалаврами и магистрантами, 1 преподавателем и 1 аспирантом). Из них 9 – Самарским национальным исследовательским университетом, 2 – Самарским государственным социально-педагогическим университетом и по 1 – Оренбургским государственным педагогическим университетом, Самарским государственным институтом культуры и Новосибирским радиотехническим колледжем.

14 декабря 2019 г. состоялось пленарное заседание XXV Платоновских Чтений. К участникам конференции обратился председатель Оргкомитета профессор П.С. Кабытов. Он отметил высокий уровень состоявшейся конференции и необходимость дальнейшего совершенствования ее организации, расширения географии участников Чтений, повышения уровня докладов. На пленарном заседании был заслушан вызвавший большой интерес присутствующих доклад Санкт-Петербургского историка, д.и.н., профессора Б.И. Колоницкого «Образы А.Ф. Керенского осенью 1917 года».

Затем состоялся просмотр документально-исторического фильма «Профессор С.Ф. Платонов и Самара».

Вторая часть пленарного заседания была посвящена конкурсным выступлениям соискателей, занявших первые места на своих секциях. Доклады соискателей вызвали многочисленные вопросы присутствующих и были выслушаны с большим интересом. По ряду проблем, поднятых в докладах, развернулась научная дискуссия.

Коллегией профессором звание лауреата XXV Всероссийских Платоновских Чтений было присуждено аспиранту Оренбургского государственного педагогического университета А.Г. Заруцкому за доклад «Повседневная жизнь членов секты «Людей Божьих» в Оренбургской губернии начала XX века».

Юбилейный статус XXV Платоновских чтений был замечен российским научно-образовательным сообществом. В ходе Пленарного заседания

были зачитаны поздравительные адреса: ректора Оренбургского государственного педагогического университета С.А. Алешинной, первого проректора Казанского федерального университета Р.Г. Минзарипова, директора ГКУ Республики Мордовия «НИИ Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» Г.А. Куршевой, директора Оренбургского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации О.М. Масюто, содержащие высокую оценку традиций и достижений конференции и пожелания дальнейших научных успехов. Особенно ценным для Оргкомитета было поздравительное обращение Лауреата III Платоновских Чтений, д.и.н., ведущего научного сотрудника Института истории и археологии Уральского отделения РАН Е.Ю. Казаковой-Апкаримовой.

Пленарное заседание завершилось награждением Лауреата, дипломантов и обладателей поощрительных премий, определившихся по итогам работы секций. В завершающей части пленарного заседания состоялся обмен мнениями о перспективах развития исторической науки в России, необходимости проведения всероссийских и региональных форумов научной молодежи. Участники заседания выступили с инициативой оказать всемерное содействие закреплению уже сложившейся традиции молодежной конференции статуса всероссийского уровня; посчитали необходимым повысить статус предстоящих в конце 2020 гг. XXVI Платоновских Чтений до международного с приглашением зарубежных участников.

П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, М.М. Леонов, В.А. Тюрин

СЕКЦИЯ I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

И.Н. Никитин

Самарский национальный исследовательский университет

БЕРЕСТОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ КАК НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС

Российская историческая наука не может похвастаться хронологической древностью источников. Однако, было всего несколько случаев, когда открытия отечественных историков просто шокировали мировую науку.

Одно из таких открытий — найденные в Новгороде берестяные грамоты. После 90-х годов и по сей день Россия переживает кризис национального самосознания, поэтому активно заимствует идеологию, мировоззрение и культуру других народов. Изучение берестяных грамот, как исторического источника не просто даёт понять корни русской культуры, но позволяет обратиться к опыту предков и рассмотреть развитие сфер общества, языка, политических успехов страны непосредственно из уст современников тех древних дней, что делает это исследование актуальным и социально значимым. Автор ставит целью своей работы показать, как данный источник повлиял на развитие исторической и других наук. Для достижения поставленной цели, мы, проанализировав расшифрованные и опубликованные берестяные грамоты, выделим значимую информацию.

Открытием берестяных грамот мы обязаны археологической экспедиции в Новгороде в 1951 году под руководством Артемия Владимировича Арциховского. Он лично проделал огромную работу по обработке, сохранению и расшифровке источника, а также лично разработал систему издания информации о данном историческом источнике.

В подготовке к печати первого академического издания берестяных грамот участвовали также М. Н. Тихомиров, В. И. Борковский, Б. А. Рыбаков. Так постепенно сформировалось новое направление в исторической науке — берестология.

В 1990-х и 2000-х огромную роль сыграли историк и археолог Янин В.Л. и лингвист Зализняк.

С 1951 года археологи постоянно находят новые грамоты не только в Новгороде, но и в одиннадцати других городах России, таких как Смоленск, Тверь, Торжок, Псков, Старая Русса и др. По данным Зализняка А.А «К концу 2017 г. корпус берестяных грамот имеют 1209 грамот — около

18000 словоупотреблений; общий объем словаря — более 3400 лексических единиц.» Состав: Новгород — 1102, Новгородское («Рюриково») Городище — 1, Старая Русса — 48, Торжок — 19, Смоленск — 15, Псков — 8, Тверь — 5, Москва — 4, Звенигород Галицкий — 3, Витебск — 1, Мстиславль — 1, Вологда — 1, Старая Рязань — 1.

Берестяная грамота, если она дошла до нас в целом виде, внешне представляет собой продолговатый лист бересты, обычно обрезанный по краям. Размеры листа могут варьировать очень сильно, но большинство экземпляров укладывается в рамки: 15–40 см в длину, 2–8 см в ширину. Но все же чаще всего грамоты бывают порваны (или разрезаны) рукой человека: адресат уничтожал таким способом ненужное ему более письмо, не желая, чтобы его могли прочесть посторонние. Буквы выдавливались (выцарапывались) на бересте острием специально предназначенного для этой цели металлического или костяного инструмента — писала с остриём на одном конце и широкой лопаточкой на другой.

Грамоты не просто срывались с дерева для письма, для того, чтобы на них писать, но тщательно готовились в соответствии с собой процедурой подготовки материала: бересту варили в воде, после чего её расслаивали и смягчали, убирая основные грубые слои, делая её тоньше. Скорее всего готовый лист обрезался с 2 сторон и имел правильную прямоугольную форму.

Большая часть грамот найдены именно в земле, условия хранения которой имеют достаточно разрушительные последствия для специально тонкой бересты, которую потом стали использовать для написания чернилами. Грамоты же, на которых писали стилусом, сохранились намного лучше.

Подавляющее большинство ныне известных берестяных грамот найдено в Новгороде и на территории древней Новгородской земли. Лингвистически значимые показания берестяных грамот касаются прежде всего древненовгородского диалекта. Данные по другим древним диалектам пока еще весьма ограничены.

Преобладают грамоты частного характера. В них содержится переписка между двумя людьми, какие-то поручения внутри различных социальных ячеек. Вот содержание очень известной 53 грамоты: «Поклон от Петра Марье. Я скосил пожню, а озеричи (жители деревни Озера) у меня сено отняли. Спиши список (копию) с купчей грамоты да пришли сюда, чтобы мне было понятно, куда поведет купчая грамота (т. е. как проходит граница купленной земли)». В грамотах XII в., происходящих только с Троицкого раскопа, фигурируют имена более двухсот новгородцев, не известных по другим источникам. Сохранение новгородского культурного слоя для исследования и активное продолжение раскопок даст возможность со временем составить «адресные книги» новгородцев для разных столетий истории Новгорода. Шокирующим фактом было именно то, что записки на бересте, судя по исследованиям, могли быть написаны людьми совершенно раз-

ного положения и разного возраста, даже детьми и подростками. Это означало почти поголовную грамотность в Новгороде.

Большое число берестяных грамот посвящено разного рода торговым делам, среди которых очень большую ценность имеют грамоты, затрагивающие систему купеческого складничества. На основании этих надписей можно было судить о развитии торговой системы Руси в принципе.

Исследование в 1997–2000 гг. усадьбы «Е» Троицкого раскопа обнаружило свыше сотни берестяных документов, большинство которых имело отношение к разного рода судебным конфликтам. В грамоте № 724, написанной, вероятно, в зиму 1166/67 г., в которой рассказано о сложности сбора дани на северных землях Новгорода, возникшей в результате столкновения с суздальскими сборщиками, присланными Андреем Боголюбским. Берестяные грамоты, тексты которых связаны со сбором государственных доходов, одновременно оказались и важным источником для изучения административной системы Новгородской земли, а также для решения спорных вопросов ее исторической географии.

Конечно же, есть другие официальные грамоты, несущие в себе информацию о каких-либо административных постановлениях, а также тексты церковно-религиозного характера.

Таким образом, мы видим, что роль открытия берестяных грамот невозможно переоценить: открытие надежнейшим образом воссоединило интересы археологов и специализирующихся в изучении письменных источников историков, и свело за одним рабочим столом историков-археологов и лингвистов. Новгородские находки не только опровергли мнение о безграмотном и отсталом населении средневековой Руси, но и представили прямые свидетельства обучения всех слоёв населения Новгорода грамоте, что вдохновляет и показывает глубину и богатства Русской культуры, которой можно гордиться. На основе исследований Зализняка, мы можем узнать, что современный литературный русский язык предстает как продукт сближения и объединения двух древних диалектных систем — центрально-восточной (ростово-суздальской и рязанской) и северо-западной (новгородско-псковской).

Библиографический список

1. Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте. М.: Наука, 1978.
2. Древнерусские берестяные грамоты. Полная база данных: фотографии, прописи, тексты, переводы. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/document/list/> (дата обращения: 13.11.2019).
3. Зализняк А.А. Новгородская Русь по берестяным грамотам. URL: <http://www.polit.ru/article/2006/11/30/zalizniak/> (дата обращения: 13.11.2019).
4. Янин В.Л. Я послал тебе бересту. Изд. 3. М., 1998.

СОСТОЯНИЕ РУССКОЙ АРМИИ В 1670-1680 ГОДЫ

Время 1670-1680 годов – преддверие реформ Петра I. Одним из важнейших преобразований Петра I была военная реформа. Однако, решал он в ней проблемы, которые были характерны и для обозначенного периода. В этой работе мы постараемся ответить на вопросы – насколько с этими проблемами справлялось допетровское руководство, насколько военные реформы того времени превосходят петровские, и каково было состояние армии в то время. К началу 1670-ых годов, московское войско обладало целым рядом проблем, такими как – нетство, проблемы со снабжением, коммуникациями и плохой мобильностью; низким уровнем дисциплины в дворянском ополчении, и полках нового строя, сложная и запутанная система управления армией.

Нетство особенно массовым было среди служилых людей по отечеству. Например, при формировании армии под началом князя Г.Г. Ромодановского в 1677 году для войны с Турцией, более половины списочного состава полков дворянского ополчения не явилось. Такая же проблема была характерна и для служилых людей по прибору, хотя масштабы ее были не столь значительными [4, с. 290]. Поэтому борьбу с нетством начали именно в дворянских полках. Уклонистов теперь записывали на солдатскую службу, что было для дворян унизительно, поскольку поместную службу они считали своей привилегией. [6, с. 64]. Таким образом, помимо наведения порядка в дворянском ополчении, само значение ополчения стало еще более малозначительным – немалая часть дворян оказалась записанной в солдаты.

Кроме массовой неявки на службу, дворянское ополчение страдало от своей архаичности, и недостатка подготовки. Дворянские сотни, будучи нерегулярными подразделениями, были слабо управляемы в бою, плохо дисциплинированы и не способны держать строй [3, с. 250]. Это также подталкивало руководство к все большему снижению значения дворянского ополчения. Петр I продолжил этот процесс – дворян переводили в гвардейские или драгунские полки, и в конце концов упоминания о дворянских полках исчезают.

Говоря о вопросах дисциплины, следует отметить, что устава, как такового, в русской армии тогда не было. Главным учебным пособием для пехотных полков являлась переводная книга И. Вальхгауза «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», которая хоть и могла исполнять функции устава, но все – таки являлась учебником [2, с. 151-152]. При Петре же принимается первый полноценный воинский устав, являющийся к тому же нормативным документом, в отличие от «учения». Мы не можем точно сказать, как это было с дворянским ополчением, что Петр продол-

жил процесс, начавшийся в XVII веке — даже если «Учение» и использовалось в качестве устава, отметим еще раз, что это в первую очередь учебник.

Что же касается обучения кадров для армии — никаких централизованных учебных заведений не было. Была довольно успешная попытка создать учебный полк Бокховена — образцово-показательный Рейтарский полк, который подготовил будущее ядро русского офицерского корпуса. Но существовал он лишь в 1649–1653 годах и это был единичный случай [5, с. 53–54]. При Петре I же начинается централизованная подготовка военных кадров — открываются военные школы — артиллерийская, инженерная, навигации. В будущем, они стали военными училищами.

К началу 1670-ых гг. система управления войсками была довольно запутанная — существовало 18 различных военных приказов [2, с. 181]. Также важным элементом армейского управления являлись разряды — органы территориального управления армией [6, с. 63]. Зачастую, функции различных приказов пересекались между собой и с функциями разрядов, что создавало неразбериху. Чигиринский поход 1677 г., убедил царя Федора Алексеевича в необходимости реформирования военного управления. Составляется «Роспись перечневая ратным людем, которые в 189 году росписаны в полки по разрядам», в которой устанавливается численность ратных людей различных категорий на различных территориях — разрядах [1, с. 72–93]. Также разрядное деление распространяется на всю территорию Русского государства. Из множества военных приказов оставили три — Разрядный, Рейтарский и Иноземный, во главе с одним человеком — боярином М.Ю. Долгоруким [2, с. 193]. В петровское время, число военных приказов сначала сокращается до двух, а затем они заменяются единой Военной коллегией. Как мы видим, Петр продолжает процесс упорядочивания управления армией, начатый именно в 1670–1680-ые года, и, доводит его до логического завершения — единого военного ведомства.

На основе всего вышеизложенного мы можем сделать вывод — проблемы армии в то время активно преодолевались, но, как правило, окончательное решение этих проблем происходило уже при Петре I. В вопросах дворянского ополчения и управления армией можно проследить преемственность реформ того времени с преобразованиями Петра.

Библиографический список

1. Роспись перечневая ратным людем, которые в 189 году росписаны в полки по разрядам//Описание Государственного Разрядного Архива. М., 1842.
2. Чернов А. В. Вооруженные силы Русского Государства в XV–XVII вв. М., 1954.
3. Епифанов П.П. Войско // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. Материальная культура. Государственный строй. М., 1979.
4. Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006.

5. Кривоченков Р.С. Военные реформы Алексея Михайловича//Вестник Чувашского университета. 2008. №4. С.50-56

6. Малинкин Е.М. Разрядная реформа конца 1670-ых – начала 1680-ых и ее реализация в понизовых городах // Вестник СамГУ. №8/2(99). Самара, 2012.

Е.М. Попова

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

ГОРОВОЙ ВОЕВОДА – ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ В ПЕРИОД ШВЕДСКОЙ ОККУПАЦИИ В НАЧАЛЕ XVII В.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ
в рамках проекта №19-18-00183*

В период Смуты в России Великий Новгород оказался оккупирован шведским военным корпусом, который возглавлял полководец Якоб Делагарди, в связи с чем в городе был установлен особый административный режим, именуемый в современной литературе как «русско-шведская администрация» или «шведско-новгородский политический альянс» [1, с. 175-182]. Во главе данного правительства были поставлены шведский военачальник Делагарди и русский князь Иван Никитич Большой-Одоевский, которые, по сути, и являлись основой всей системы. Однако управлять всей Новгородской землей было бы затруднительно, поэтому на местах были поставлены местные управленцы – городовые воеводы – проводники между центральной властью и местным самоуправлением. В связи с чем нам бы хотелось выяснить, насколько высока была роль городских воевод в период шведского присутствия и каковы их основные функции в данный период.

Городовой воевода – местный управленец, исполняющий руководство порученной ему территорией. Должность воеводы мог занять как представитель русской администрации, так и шведской, что подчеркивает компромиссный характер властных структур [2, л. 1; 3, л. 1]. Городовые воеводы осуществляли контроль над работой и организацией местного самоуправления [4, с. 287], в основном, в случаях особой важности. Об этом свидетельствуют документы. Так, в связи с делом об ограблении судна английского посла в 1616 г., воевода Федор Аминев, по поручению Якоба Делагарди, выполняет предписания, связанные с розыском причастных к преступлению и проведением воеводского суда [5, л. 1-1 об.; 6, л. 1-1об.]. Самым сыском и допросами занимались старосты, воевода же был связующим звеном между указанием высшей власти и выполнением со стороны органов местного самоуправления. Даже решение о задержании потенциальных преступников необходимо было подтвердить у Делагарди [5, л. 1]. Практика воеводского суда в случае серьезности преступления, к слову была не

нова, это обычная московская традиция. Об этом свидетельствуют документы и до шведского присутствия [7, с. 187-188]. Еще одним примером того, что воевода являлся управленцем и организатором работы на местах является документ, обращенный к воеводе города Яма, Фектисту Муравьеву, в котором Якоб Делгарди дает распоряжение о необходимости активизации работы ямского кабака в пользу пополнения казны [8, л. 21]. К функциям городских воевод также можно отнести контроль над сбором налогов и немецких кормов с местного населения [9, л. 148]. Помимо прочего городские воеводы занимались ведением хозяйственных дел. Подобная практика была вполне удобной и не противоречила московской традиции.

Однако, в силу своей слабой административной грамотности без незаменимых для всех помощников – подьячих, воеводы не обходились. Т.к. воеводе было сложно вести дела без помощника, он мог запросить у центральной власти смены подьячего, ввиду болезни последнего: «...да прислан, государь, ко мне для письма дворцовой подьячей Улан Собакин...невозмога и лежит болеит. И у меня, государь, писати некому и вам бы пожаловать велети подьячего для письма» [10, л. 61]. К слову, от воеводы подьячие могли самовольно уйти: «Да велено, государь, у меня быти подьячим на Уланово место Собакина Богдану Берескому и тот подьячей от меня побежал и дела все, и книги, и росписи и отписки свез с собою и у меня, государь, за тем дела всякие стали, писати у меня некому» [11, л. 149]. Возможно, данный факт свидетельствует о том, что воеводы могли перекладывать свои обязательства на подьячих и загружать их работой сверх нормы, что приводило к отказу последних от выполнения работы в принципе.

Подводя стоит отметить, что городские воеводы в Новгороде в период шведского присутствия являлись стандартным элементом московской административной практики. Их задача, в основном, заключалась в координации работы местного самоуправления. Зачастую, большинство дел за воеводу выполняли присланные из центра к ним подьячие, что говорит об опоре шведской администрации, в первую очередь, на низовое звено административного аппарата.

Библиографический список

1. Болдырев Р.В., Кончакова (Попова) Е.М. Шведское присутствие в Великом Новгороде начала XVII в. в свете современной российской историографии // Новгородский исторический сборник. 2015. 15(25).
2. Книги раздачи кормов Тесовского острожка при воеводе Федоре Одинцове. 1615, июль // RA. NOA. Serie I: 81.
3. Отписка боярину и большому ратному воеводе Якову Пунтосовичу Делгарди, боярину князю Ивану Никитичу Большому-Одоевскому, дьяку Семену Лутохину и князю Андрею Константиновичу Шаховскому от Василия Неплюева, Ивана Выповскаго и Ивана Качалова, посланных в Залесскую и Зарусскую поло-

вину Шелонской пятины для сбора кормов немецким людям на стан в Югостицы и для отсылки их к воеводе Воину Новокшенову, о тех препятствиях, которые они встречают при означенном сборе со стороны жителей и со стороны воеводы Еверста Ланкопла // НИА СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Ед. хр. 526.

4. Бовыкин В.В. Местное самоуправление в русском государстве XVI в. СПб., 2012.

5. Отписка воеводы Якоба Деллагарди воеводе Федору Григорьевичу Аминеву в Ивангород о продолжении розыска по делу о грабеже рухляди, книг и писем у английского посла // НИА СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 4. Ед. хр. 661. Л. 1-1 об.

6. Отписка Федора Аминева Новгородскому воеводе Анцу Мартыновичу Бою о произведенном в Ивангороде розыске относительно ограбления судна английского посла на реке Луге Полужскими крестьянами и о высылке трех из них в Новгород // НИА СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Ед. хр. 580. Л. 1-1 об.

7. Указная грамота царя Бориса Федоровича в Терский городок воеводам Степану Васильевичу Кузьмину и кн. Владимиру Васильевичу Кольцову Мосальскому о наказании детей боярских Михаила Тарбеева, Петра Уварова и Макара Раздеришина за продажу казенных судовых снастей. Ноябрь, 1603 // Акты служилых землевладельцев XV-начала XVII века. Т. IV. М., 2008.

8. Грамота Якоба Деллагарди и Ивана Одоевского Фектисту Муравьеву о поправке дел в государеве кабаке на Яме. 1612, август // RA. NOA. Serie II: 174.

9. Грамота бояр и воевод в Тесово Григорию Никитичу Муравьеву о том, чтобы он оставался на заставе в Тесове и не уезжал в Новгород, о сборе кормов для шведских войск и о распространении известия о победах «немецких людей» под Старой Руссой. 1612. 14.02 // RA. NOA. Serie II: 73.

10. Челобитная Григория Муравьева о том, что кормовые сборщики его не слушают и ни кормов, ни денег про немецких людей не собирают. 1612, начало // RA. NOA. Serie II: 75.

11. Грамота бояр и воевод в Тесово Григорию Никитичу Муравьеву о том, чтобы он оставался на заставе в Тесове и не уезжал в Новгород, о сборе кормов для шведских войск и о распространении известия о победах «немецких людей» под Старой Руссой. 1612. 14.02 // RA. NOA. Serie II: 73.

С.С. Жуйкова

Московский государственный университет

ЗАПАДНАЯ ГРУЗИЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII В. ГЛАЗАМИ РУССКОГО ПОСЛА (ПО СТАТЕЙНОМУ СПИСКУ ФЕДОТА ЕЛЧИНА)

Тема русско-грузинских отношений в отечественной историографии рассматривается, преимущественно, начиная с XVIII века, когда Грузия попадает в сферу непосредственного внимания Российской империи. Более ранние связи обычно остаются за пределами внимания ученых, о чем говорит практическое отсутствие отечественной историографии по этому вопросу. Однако нам кажется важным обратить внимание на эти отноше-

ния, поскольку они, в какой-то мере, дополняют картину внешней политики России в данном регионе и её взаимоотношений с Турцией и Ираном, борющихся здесь за влияние.

Итак, в XVII веке русские отношения с Закавказьем устанавливались постольку, поскольку, как уже говорилось, оно входило в сферу интересов Ирана и Турции, дипломатические связи с которыми России были важны [1, с. 22-23; 2, с.12]. В это время Западная Грузия не представляла собой единого образования, а состояла из нескольких территорий: Имеретинского, Мегрельского, Гурельского княжеств и земель современной Абхазии [3, с.39]. Все они находились в определенной степени зависимости от более крупных держав, что накладывало немалый отпечаток на политику, религиозно-культурную и экономическую жизнь. Так, тенденции к объединению этих земель среди местных князей сменялись взаимной враждой, спровоцированной турецко-иранскими действиями. Собственно, и посольство Елчина (1639-40 гг.) было ответом на миссию, отправленную к Михаилу Федоровичу Ливаном II Дадиани – мегрельским князем, искавшим покровительства России в условиях обострения его отношений, как с другими грузинскими княжествами, так и с Ираном и Турцией [4, с. 109-112].

Тем не менее Россия в то время еще не испытывала интереса к этому региону, о чем говорит, например, низкий ранг посла, направленного в Грузию. Федот Елчин был подьячим Посольского приказа и толмачом с татарского языка. Более того, по всей видимости, он был малограмотный, так как записи делал не он сам, а некий Федька Баженов – специально посланный с ним человек для письма [4, с.115]. Это вносит некоторые нюансы в наш источник, ведь статейный список отражает, в сущности, субъективный взгляд конкретного человека (в нашем случае не слишком компетентного) на ту действительность, с которой он столкнулся в чужой стране. Иными словами, он обращал внимание только на то, что был способен воспринять и понять ввиду своего социального положения, культурного уровня и национального менталитета, поэтому многое могло быть интерпретировано им по-своему или вовсе остаться незамеченным. Кроме этого нужно помнить, что посол не был волен в выборе мест для посещения во время пребывания в Грузии. Всё это накладывает на источник большие ограничения и требует его критической оценки.

В политическом плане посольство оказалось безрезультатным, зато в ходе него было собрано много важных наблюдений об экономическом и внешнеполитическом положении Западной Грузии, а также о её религиозной и бытовой жизни.

Итак, на основании источника нам удалось узнать, что во второй половине XVII века Западная Грузия была в очень сложном экономическом и политическом положении – она находилась в вассальной зависимости одновременно от Турции и Ирана и была вынуждена платить дань им обоим [5, с. 212]. Основную статью экспорта составляли рабы, набиравшиеся из

грузинских крестьян [5, с. 212]. Упадок экономики подтверждается наблюдениями Елчина о скудности крестьянского быта [5, с. 224-225]. Однако здесь свою роль играет еще то, что посол обращал внимание исключительно на жизнь низших слоев населения (скорее всего, вследствие своего низкого происхождения), возможно, еще и поэтому создается впечатление о крайнем упадке экономики и бедности населения Западной Грузии. Вероятно, такой образ повлиял на то, что Россия на какое-то время утратила к ней интерес.

Гораздо большее внимание послов привлекла духовная жизнь Грузии. Это связано не только с тем, что задача узнать как можно больше о состоянии веры была одним из главных пунктов наказа посольству [6], но и, на наш взгляд, с тем, что религия в то время пронизывала всю жизнь людей и была основой их мировоззрения. А потому различия в вероисповедании выделялись особенно ярко. Так, совершенно странными для послов были языческие элементы, которые как бы вплетались в канву грузинского православия (например, обычай пророчествовать на крыше церкви или заклание быка в день Святого Георгия [5, с. 214, 219]). Удивление вызывало и несоблюдение людьми некоторых православных канонов, неправильное выполнение церковных обрядов и так далее.

Здесь хочется задаться вопросом, так ли велики были отличия между Грузией и Россией, настолько ли чужой видится Елчину христианская Грузия? Нам думается, что нет. При чтении источника не создается впечатления, что русские послы окунулись в принципиально новую для них культурную среду, которая вызывала бы какие-либо затруднения в установлении контактов с местными жителями. Конечно, большую роль здесь сыграло близкое христианское мировоззрение. Таким образом, послы столкнулись в Грузии с культурой очень похожей на их собственную, однако имеющей ряд отличительных национальных особенностей, которые не могли не привлечь внимания русских людей.

Такой образ Западной Грузии второй половины XVII века раскрыл перед нами источник. Какими бы ни были его особенности и недостатки, этот образ оказался очень важным для создания представлений о Западной Грузии XVIII века в российских кругах того времени, а для нас он полезен не только в качестве политического документа, но и как этнографическое описание Грузии.

Библиографический список

1. Тивадзе Т.Г. Грузия и русско-иранские политические отношения во второй половине XVII века: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Тбилиси, 1980.
2. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. 1615-1640 (Посольства Веревкина, Харитона, Феодосия, Никифорова, Гегенева и Волконского) / под ред. М. Полиевктова. Тбилиси: Б. и., 1937.
3. Накашидзе Н.Т. Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII века. Тбилиси, 1968.

4. Гамахария Д.О. Материалы посольств Гавриила Гегенава, Федота Елчина и Павла Захарьина. Тбилиси, 2014.

5. Статейный список Федота Елчина // Путешествия русских послов XVI-XVII вв. СПб., 2008.

6. Наказ, данный Федоту Елчину; Дополнительные статьи наказа Елчину// Гамахария Д.О. Материалы посольств Гавриила Гегенава, Федота Елчина и Павла Захарьина. Тбилиси, 2014.

А.В. Крылова

Самарский национальный исследовательский университет

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА НА ПЕРЕЛОМЕ ВЕКОВ (КОНЕЦ XVII – НАЧАЛО XVIII ВВ.)

Приступая к изучению русской женщины Московского государства, исследователю может показаться, что материал достаточно пустой и неинтересный, так как в истории, после изложения политической и военной темы, деяний исторических личностей из высших сословий (а, в основном, это представители мужского пола) совсем не осталось место для представительниц прекрасного пола. Но наступает момент, когда женщины выходят из красивых, но закрытых теремов и начинают блистать во всем своем великолепии. Такое преобразование дело рук государя, чье имя вписано в историю России большими буквами, а его реформы, до сих пор, обсуждаются в исторических дискуссиях – Петр Великий.

Время правления Петра I необычайно насыщено переменами и реформами. Проводя всеобъемлющие преобразования, затрагивающие все российское общество, Петр не мог обойтись без изменений, которые не коснулись бы женщин, а, особенно, представительниц шляхетского (дворянского) сословия и городских верхов обеих столиц (и других городов).

При внимательном изучении законодательства Петра Великого можно обнаружить пункты, непосредственно касающиеся положения и поведения женщины, ее места в новом обществе. Для Петра I эта тема предоставляет особую важность, он понимал, что без прекрасного пола невозможно построить новое общество [6, с. 23].

Рассмотрим в качестве примера законодательство о введении в обиход нового «немецкого» платья [6, с. 26]. Указ от 20 августа 1700 года предписывал мужчинам носить венгерскую и немецкую одежду с 1 декабря 1700 года [4, Т. IV, № 1887, с. 182], а женам и дочерям – с 1 января 1701 года, чтобы они были с ними (мужьями и отцами) в этом платье, равными [5, с. 128].

Количество именных императорских указов, постепенное ужесточение наказаний за их неисполнение наглядно показывает, что царь отводил одежде

особую роль в системе проводимых в стране реформ. Ничто не могло остановить Петра Алексеевича в его желании поставить Россию «... на степень европейских народов, нравственных как просвещением наук и художеств, так и обращением и одеждою ...», — свидетельствовал А.К. Нартов [1, с. 180].

Прошло 13 лет после начала введения новых мод, и Петр в 1714 г. обратился к населению с новым указом о запрете продажи русского платья [4, Т. V. № 2874, с. 137]. Это означало, что старые платья еще были в обиходе. В городах принудительно навязанная мода встречала сопротивление у женщин, привязанных к старине. «Они пускались на хитрости, одевая под платье иноземного покроя старинные шубки. Со временем, однако, горожанки перестали воспринимать новую моду как принудительную. Более того, немало было таких, которые приобретали вкус к заморскому платью и стали считать, что это платье делает их более привлекательными» [5, с. 139].

Исследователи подчеркивают, что в культуре переходного времени, в конце XVII века, начинается процесс реабилитации женской природы, но он идет медленно и вяло, пока Петр Великий не вмешивается с реформами образа жизни и культуры. По замыслу преобразователя, выпущенные из терема на бальный паркет и облаченные в платье на европейский манер, женщины могли бы содействовать смягчению нравов русского общества, быстрейшему изменению всех сторон жизни русского человека [1, с. 182].

Петр I прекрасно понимал, что дело преобразования отечества двинется вперед гораздо быстрее, если удастся приобщить к новшествам женщин. И в пользу этого свидетельствует разработка регламента заведения в России ассамблей, в составлении которого, несомненно, принимал участие и сам царь.

Объявление об учреждениях ассамблей, подписанной генерал-полцимейстером Санкт-Петербурга А. Дивиером в 1718 г., гласило подданным, что «ассамблеи...свободное, в каком-то доме, собрание или встреча делается не только для развлечения, но и для делового толка» [4, Т. V. № 3246, с. 597]. Участие женщин, танцы и шахматы имели целью не допустить превращения ассамблей в сугубо деловые собрания [5, с. 201]. Причем было «характерно, что...для женщин вход был свободным. Иного способа привлечения женщин на вечер не было» [5, с. 201]. Иконников говорит о том, что стоит искать прототип будущих ассамблей в Немецкой слободе [2, с. 62]. Девушки и дамы были не только активными участницами вечеринок в слободе, но и подлинным украшением, тогда как «русская боярыня или боярышня отвешивала поклоны за торжественными обедами московской знати, либо церемонно лобызалась с почетными гостями по воле хозяина дома... От теремных красавиц трудно было добиться других ответов, кроме «да», «нет», «не знаю» [3, с. 125].

Решающее значение в статусе женщин знатного происхождения имело принятие Табели о рангах. Придворные женские чины были введены им-

ператором Петром I 24 января 1722 года [4, Т.V. № 3890, с. 486]. Прежний термной штат царицы, состоявший из боярынь, мамушек, кормилиц, по-стельниц и т. д. был превращен в строгий иерархический порядок «дамы и девицы при дворе имеют, пока они действительно в чинах своих обретаются» [4, Т.V. № 3890, с. 490]. Так же, независимо от придворных чинов, статус женщины в обществе определялся положением ее отца или мужа в иерархии рангов. «Все замужные жены поступают в рангах, по чинам мужей их» [4, Т.V. № 3890, с. 486]. Именно в такой жесткой системе, которую образовала Табель о рангах, мужчины и женщины шагнули в новое общество, новый период в российской истории.

Подводя итоги, стоит отметить то, что в своей деятельности по преобразованию общественных порядков и нравов Петр выступал с позиций этицизма, насильственного внедрения новых форм и правил, должных заставить не только мужчин, но и женщин, стать полезными обществу и государству для их же блага. Именно «благодаря» необузданной воле царя-реформатора происходят значительные изменения в положении женщины. Что было бы с прекрасным полом сейчас, если бы тогда Петр не сделал этот шаг? Но, увы, история не знает сослагательного наклонения.

Библиографический список

1. Захарова О.Ю. Светские церемониалы в России XVII – начала XX в. М., 2001.
2. Иконников В.С. Русская женщина накануне реформы Петра Великого и после нее. Киев, 1874.
3. Комиссаренко С.С. Культурные традиции русского общества. СПб., 2003.
4. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Собрание I (1649-1825). СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830 (далее ПСЗ-1). Т. IV-V.
5. Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982.
6. Черникова Т.В. Процесс европейзации в России во второй половине XV – XVII вв.: автореф... дис. канд. ист. наук. М., 2014.

Д.А. Кривова

Самарский национальный исследовательский университет

СПЕЦИФИКА НАЗНАЧЕНИЙ В КАБИНЕТ МИНИСТРОВ ПРИ АННЕ ИОАННОВНЕ

Назначение новых лиц в органы государственных учреждений нередко бывает связано с субъективным фактором, определяющим персональный состав того или иного учреждения. Правление Анны Иоанновны, которое является объектом исследования, не обходится без изучения роли

субъекта — как известно, царствование императрицы Анны связывают с высокой ролью фаворитизма, отразившегося в появлении таких историографических терминов, несущих негативную окраску, как «немецкое засилье» и «бироновщина». Чтобы выяснить, насколько такая оценка соответствовала реальному положению дел в государстве, стоит обратиться к специфике назначения лиц в государственные учреждения, а именно в Кабинет министров, в руках которого было сосредоточено практически все управление страной в данный период. Исследование того, насколько выбор подходящих кандидатур зависел от влияния отдельных личностей или придворных партий, а не от их профессиональных качеств на примере Кабинета министров во многом позволяет сделать вывод о значении субъективного фактора в изучаемую эпоху.

Первоначально, согласно указу от 18 октября 1731 года власть кабинета была отдана трем лицам — «канцлеру Головкину, вице-канцлеру Остерману, действительному Тайному советнику Черкасскому» [5, с. 552].

Современниками тех событий неоднократно отмечалось, что на выбор Г.И. Головкина и А.М. Черкасского в качестве министров, сильно повлияло мнение А.И. Остермана. Так, например, французский посланник Маньян сообщал, что князь Черкасский «в милость вошел лишь на условии союза с Остерманом и потому едва ли стал бы ему противодействовать» [3, с. 17].

Что касается Головкина, то было понятно, что ввиду его болезни, он вряд ли мог бы принимать активное участие в работе Кабинета, и потому его назначение было только номинальным. Кроме того, Остерман был хорошо знаком с ним и, вероятно, знал, что от него можно ожидать, так как было время, когда будущий вице-канцлер работал в дипломатическом ведомстве под началом Головкина [9, с. 70].

Если верить сообщению Маньяна, состав Кабинета мог быть и более расширенным и помимо вышеуказанных фамилий включать еще двух фельдмаршалов — Голицына и Долгорукова, П.И. Ягужинского и князя М.М. Голицына. Такая ситуация не могла устраивать Остермана, поскольку противодействовала его желанию захватить власть в свои руки. Интересно, что и князь Черкасский первое время выступал как противник Остермана и взаимодействовал с Ягужинским [3, с. 117]. Однако позже князь уже не мог навредить вице-канцлеру, потому что лишился милости императрицы [3, с. 206, 218]. Поэтому не случайно, что Остерман сам ходатайствовал перед императрицей о включении Черкасского в состав Кабинета [9, с. 102]. Видя, что противник больше ему не опасен, вице-канцлер предпочел переманить его на свою сторону, сделав его своим должником в данной ситуации. Впоследствии Остерман и Черкасский установили бесконфликтное сотрудничество. Не без причины, позже, характеризуя положение в Кабинете министров, Б.Х. Миних называл Черкасского «телом Кабинета», а Остермана — «душой, но не слишком честной» [4, с. 50].

В то же время, накануне создания Кабинета Остерман стремился удалить своего серьезного соперника П.И. Ягужинского из России, чтобы не вводить его в состав кабинета [7, с. 193]. В этом случае Остерману удалось добиться успеха – Ягужинский был отправлен послом в Берлин [8, с. 398].

Итак, именно Остерман фактически стал главой Кабинета министров. Интересно, что удержаться у власти он мог не только одной хитростью; карьера вице-канцлера в первую очередь была обусловлена не случайными интригами, а заслуженным признанием его талантов. Остермана отличали высокие лингвистические способности, трудолюбие, огромная работоспособность, а также содействие интересам России [9, с. 100].

Ситуация в Кабинете министров практически не меняется со смертью Г.И. Головкина в 1734 году. Сотрудничество Остермана и Черкасского, казалось, окончательно закрепилось в политической практике [9, с. 71].

Однако к этому времени сильную конкуренцию во влиянии на императрицу Остерману составляет ее фаворит Э.И. Бирон, который стремится противодействовать вице-канцлеру при помощи системы «сдержек и противовесов» [9, с. 72]. Вопрос, о том насколько сильным было воздействие Бирона на внутреннюю политику, является спорным. Так, одни исследователи склонны преувеличить могущество фаворита, называя исследуемый период «бироновщиной» [1, с. 270]. Другие же, наоборот, принижали его роль в управлении государством, считая, что фаворит предпочитал ни во что не вмешиваться [10, с. 48].

Пытаясь разрешить эту проблему, стоит вспомнить, что Бирону было сложно конкурировать с Остерманом в управлении государством по уровню образованности и компетентности. В данном случае, становится понятно, какое значение для фаворита приобрела кадровая политика. Бирону было легче назначать своих ставленников, через которых он мог влиять на принятие решений, чем самому участвовать в работе Кабинета [9, с. 78]. Поэтому не исключено, что именно Бирон мог способствовать тому, чтобы в апреле 1735 года Анна назначила на освободившееся место кабинет-министра П.И. Ягужинского – старого врага Остермана. Так, видимо, не случайно, сообщая об изменениях в составе Кабинета, английский посланник К. Рондо полагал, что «так как в настоящее время Бирон чрезвычайно доверяет Ягужинскому, полагают, что впредь, в кабинете будет делаться только то, что угодно его новому члену» [8, с. 394].

Вполне возможно, что ожидания Рондо могли бы и осуществиться, потому что Ягужинский был человеком весьма способным, прекрасно знакомым с внутренними и внешними делами. Впрочем, не пробыв на новом посту и года, он умер 6 апреля 1736 года [8, с. 501].

В историографии давно преобладает точка зрения, что назначение следующего кабинет-министра А.П. Волынского в 1738 году произошло по

протекции Бирона. В подобном утверждении сомневается историк Н.Н. Петрухинцев, обратив внимание на то, что новый министр стал подозрительно быстро отдаляться от своего покровителя. Если протекция Бирона и существовала, то вряд ли она была единственной, так как ранняя стадия карьеры Волынского протекала под влиянием другого фаворита Анны – К.Г. Левенвольде [6, с. 949].

Также нужно брать в расчет и то, что определенную роль в назначении Волынского сыграли и родственные связи в лице его дяди С.А. Салтыкова, который был родственником и доверенным лицом Анны; личные симпатии к нему со стороны императрицы, а также то, что Волынский успел проявить себя с положительной стороны при выполнении ряда поручений [2, с. 17]. Не стоит отрицать, что Волынский был человеком с талантами, которые были отмечены еще Бироном, утверждавшего, что трудно «отыскать между русскими лучшего и способнейшего человека» [10, с. 1618]. Однако новый министр недолго продержался на своем месте – в апреле 1740 года он был казнен по обвинению в измене. Как показали исследования над процессом Волынского, в его падении решающую роль сыграл Остерман [7, с. 10].

По утверждению Б.Х. Миниха, после казни Волынского опять-таки именно по «указке» Бирона в августе 1740 года Анна Иоанновна назначает следующего кабинет-министра – А.П. Бестужева, для того, чтобы уравновесить влияние Остермана [4, с. 60]. Скорее всего, в его словах была большая доля истины, потому что в это время потребность для Бирона иметь в Кабинете своего ставленника сильно возросла – императрица была уже в болезненном состоянии, а сам герцог курляндский находился в плохих отношениях с Анной Леопольдовной и ее мужем. Как бы там ни было, назначение Бестужева в Кабинет оказалось последним в правление Анны – буквально через три месяца после возвышения Бестужева, в ночь с 17 по 18 ноября императрица скончалась [10, с. 1634]. После ее смерти Кабинет министров продолжал действовать до декабря 1741 года, однако его дальнейшая история находится за пределами исследуемого периода.

Таким образом, можно прийти к выводу, что выбор лиц в Кабинет министров при Анне Иоанновне зачастую зависел от столкновения личных амбиций правящей элиты. Безусловным фактом является то, что А.И. Остерман играл руководящую роль в Кабинете министров, и большая часть назначений в Кабинет зависела от него. Многие министры были крестуррами Бирона, желавшего таким образом уменьшить влияние Остермана. Но было бы несколько односторонне утверждать, что все министры были лишь марионетками в руках Остермана или Бирона; среди них были фигуры самостоятельные и талантливые, которые в силу особых обстоятельств не сумели противостоять всеобъемлющему влиянию Остермана.

Библиографический список

1. Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 4. М., 1989.
2. Крючков Н.Н. Артемий Петрович Волинский: личность и деятельность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2008.
3. Маньян. Донесения // Сб. РИО. Т. 81.
4. Миних Б.Х. Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи // Безвременье и временщики. М., 1996.
5. Обь учреждении при дворе Ея Императорского Величества Кабинета // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 8. № 5871.
6. Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740 гг.). М., 2014.
7. Польской С.В. «Артемий Волинский и его злодейския рассуждения и проект» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 10. № 1. Самара, 2008.
8. Рондо К. Донесения // Сб. РИО. Т. 66.
9. Савельева Е.Н. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
10. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 29 т. Т. 20. М., 1993.
11. Строев В.Н. Бироновщина и Кабинет министров. Очерк внутренней политики императрицы Анны. М., 1909. Ч.1.

И.В. Мионов

Самарский национальный исследовательский университет

ПОЛИТИКА «СВОБОДЫ РУК» В РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

Концепция «свободных рук» впервые была использована российской дипломатией по отношению к революционной Франции ещё в первой половине 1790-х гг. Её основными принципами в последние годы царствования Екатерины II стали:

1) Заключение формальных соглашений о союзе исключительно оборонительного характера по отношению к странам-участницам антифранцузской коалиции (де-юре), де-факто – отказ от участия в борьбе с революционной республикой [1, с. 46-47];

2) Приоритет задачи сохранения приобретённых на протяжении XVIII века победами русского оружия приграничных территорий на западном (Польша) и южном (Крым, Тамань, украинские земли до реки Днестр) направлениях [3, с. 111-112];

3) Использование дипломатических акций в решении проблемы сохранения международной стабильности без использования вооружённой силы

в решении французского вопроса. Российская императрица стояла за возвращение в большую игру сильной и влиятельной Франции, способной умерить амбиции Габсбургов и Гогенцоллернов, что стало бы залогом возврата к прежней системе европейского равновесия, существовавшей со времён окончания Тридцатилетней войны [3, с. 112].

При Павле I и Александре I тактика «свободы рук» будет корректироваться и обогащаться новыми принципами, корреспондирующимися с вызовами своего времени – эпохи коренного перелома в системе международных отношений. На рубеже веков преемники Екатерины Великой дополнили концепцию «свободных рук» следующими положениями:

1) Отказ от обременительных союзнических обязательств (как наступательных, так и оборонительных союзов с кем бы то ни было) при одновременном сохранении и развитии торгового сотрудничества с соперничающими державами;

2) Акцент на защиту собственных границ и интересов России в периферийных зонах внешней политики: Кавказ, Закавказье, Ближний и Дальний Восток, которые со временем могли бы стать ключевыми направлениями внешнеполитической деятельности [4, с. 52];

3) Приоритет внутривнутриполитических задач над внешнеполитическими, что особенно сильно проявилось в первый год правления Павла I, когда для проведения многочисленных реформ стала необходима позиция нейтралитета в европейской политике [5, с. 243-244];

4) Избавление от экономической зависимости России по отношению к Англии, которая являлась ведущим торговым партнёром Петербурга, что, в свою очередь, заставляло Российскую империю и в своей внешней политике учитывать интересы Великобритании. В начале XIX в. министром коммерции Румянцевым была выдвинута идея о необходимости освоения морского торгового пути по Чёрному и Азовскому морям, что позволило бы выйти на новые рынки сбыта и уменьшить влияние Лондона на внешнеполитический курс России [4, с. 52-53];

5) Постепенный, но неуклонный отказ от активной защиты принципа легитимизма (идеи реставрации династии Бурбонов на французском престоле) и переход от политики сопротивления к политике приспособления к революционным ценностям и порядкам, что заняло более двенадцати лет, в течение которых предпринимались попытки задуть революцию. Но, в итоге, новый режим, установившийся во Франции, был признан правительством Александра I в октябре 1801 г., когда были заключены русско-французский мирный договор и секретная конвенция [2]. Признание произошедших в республике изменений свидетельствовало о зрелости и прагматичности российской дипломатии.

Именно при Александре Павловиче в 1801-1804 гг. концепция «свободы рук» окончательно оформилась в одну из тактик российской дипломатии в решении французского вопроса. Реализация принципов данной кон-

цепции во многом показала самодостаточность в решении своих внешне-политических задач — одно из главных исторических преимуществ России как ведущего геополитического игрока в мире, коим она стала в результате титанических усилий Петра Великого и Екатерины II, как крупнейшей региональной державы, выгодно использовавшей своё географическое положение для построения собственного проекта великой евразийской империи. Но растущая агрессия экспансионистской политики Французской республики в конце XVIII — начале XIX вв. вносила свои коррективы. Именно опасные для России действия Франции — угроза распространения «революционной заразы» на западные окраины или стремление Парижа подобрать ключи к черноморским проливам — вынуждали Петербург принимать активное участие в концерте великих держав Европы, что требовало отказа от нейтралитета, участия в революционных и наполеоновских войнах и определяло скоротечность, прерывность и непоследовательность политики «свободы рук», которая, в конечном итоге, так и не превратилась из временной тактики в последовательную и долговременную стратегию внешней политики России.

Библиографический список

1. Иголкин И.Ю. Российско-французские отношения в конце XVIII — начале XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2010.
2. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XIII. СПб., 1892.
3. Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн / Под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. М., 2012.
4. Сироткин В.Г. Наполеон и Александр I: Дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801-1812 гг. М., 2003.
5. Федин А.В. Англо-русские отношения вокруг Великой Французской революции: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2001.

А.В. Пискунов

Самарский национальный исследовательский университет

«СИСТЕМА ПЕТРА ВЕЛИКОГО». ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КАНЦЛЕРА А.П. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА

XVIII век, вошедший в историю под названием «века Просвещения», имеет большое значение для развития всей европейской цивилизации. Для России XVIII столетие — время колоссальных перемен, переломная эпоха, исключительно важный и невероятно сложный этап отечественной истории. Огромное значение в этот период приобретает внешняя политика государства.

Новое положение России как великой державы требовало активизации ее внешней политики, которая всегда занимала особое место в истории нашей страны. Поэтому характер политики государства начинает постепенно меняться. В это время формируются основные направления международной активности России, вырабатывается идеология, закладываются традиции – все то, чем правящие круги империи будут руководствоваться в XIX и начале XX века.

После смерти Петра I его предшественники на российском троне в целом придерживались петровских традиций, хотя их деятельность в международных делах порой была непоследовательна и подвержена колебаниям. Это в полной мере относится и к периоду правления Елизаветы Петровны. Став императрицей, любимая дочь Петра решила следовать заветам своего отца и продолжать его внешнеполитический курс. Двадцатилетнее елизаветинское царствование характеризуется двойственностью, а порой и хаотичностью внешней политики. Это было время противостоящих друг другу политических группировок, а также влиятельных фаворитов, имевших большое влияние на императрицу. В то же время елизаветинская эпоха выдвинула ряд выдающихся дипломатов, талантливых политиков, сыгравших заметную роль в европейских делах и внесших огромный вклад в становление российской дипломатии.

К моменту вступления на престол Елизаветы ход европейских дел приобрел вполне определенные черты. Для людей, разбирающихся в политике, было очевидно, что политическое равновесие в Европе сохраняется благодаря балансу сил Австрии и Франции, самых могущественных в ту пору государств Старого Света. Задача же других стран – не допустить нарушения этого равновесия, если один из двух гегемонов захочет взять верх над другим [1, с. 163]. Начало царствования дочери Петра как раз и пришлось на время, когда политическое равновесие в Европе оказалось под угрозой. Франция нашла удобный повод, чтобы избавиться от сильного и опасного соперника: прекращение мужской линии Габсбургского дома. Людовик XV строит планы раздела австрийских земель. Прусский король Фридрих II, пользуясь ситуацией, спешит поучаствовать в этом разделе. В декабре 1741 г., через два месяца после смерти Карла VI, Пруссия захватила Силезию [2, с. 88; 3, с. 87]. В мае следующего года версальский двор заключил союз с Испанией и Баварией, к которому вскоре примкнули Саксония, Неаполь, Пьемонт и Модена, также считавшие себя «наследниками» Карла VI. Назревал крупный общеевропейский конфликт [4, с. 75-76]. Борьба за «австрийское наследство» приводит в беспокойство Англию и Голландию. Морские державы толкуют о восстановлении баланса сил, но без сильного союзника на континенте сделать ничего не могут. Таким потенциальным союзником они видят Россию. В свою очередь Франция и Пруссия пытаются склонить Россию на свою сторону. Петербург в это время становится средоточием европейской дипломатической деятельности, местом битвы

различных европейских дворов [1, с. 164]. Российские государственные мужи оказываются перед выбором: чью сторону принять? И готова ли вообще Россия к той великой роли, которую определил ей Петр Великий?

В это важнейшее для страны время внешнеполитическое ведомство возглавил Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. Приблизительно к середине 1740-х гг. в его сознании сложилось совершенно четкое понимание российской внешней политики. Разработанной в это время концепции Бестужев придерживался на протяжении всей своей карьеры, даже несмотря на то, что со временем она стала «давать сбои». Он назвал свою внешнеполитическую концепцию «системой Петра Великого», подчеркивая этим, что Россия должна придерживаться идей и заветов Петра I. Суть системы Алексея Петровича излагал в письмах к Елизавете Петровне и конференц-министру М.И. Воронцову [5, с. 18-23]. По словам Бестужева, у России всегда были постоянные союзники – «морские державы» Англия и Голландия, с которыми у нее не существовало территориальных споров. С этими странами Россия вела взаимовыгодную торговлю, они помогали контролировать ситуацию в Северной Европе и обеспечивали русскую армию субсидиями. Еще более важным союзником Бестужев считал Австрию, которая нужна была России для борьбы с Османской империей и обеспечения контроля над Польшей. В качестве еще одного союзника рассматривалась Саксония, которой правил российский ставленник курфюрст Август III. В качестве естественных противников России Бестужев рассматривал Францию, Швецию и Пруссию, чья политика расходилась с национальными интересами русской державы.

«Система» была широко обсуждаема как современниками вице-канцлера, так и его потомками. Сейчас, спустя почти три столетия, становится очевидно, что избранный Бестужевым курс на сближение с Англией и Австрией был, пожалуй, единственным, который отвечал в то время интересам Российской империи. «Система» Бестужева, конечно, не могла в полной мере повторять внешнюю политику Петра I, т. к. наступили уже другие времена. Но она содержала главные постулаты петровской политики: укрепление авторитета России на международной арене и защита национальных интересов страны. «Система» не была выражена в программных документах. Ее основные пункты содержались в письмах А.П. Бестужева к сановникам и в предписаниях русским дипломатам в Европе [6, с. 104-105]. Императрица горячо поддержала концепцию вице-канцлера, т. к. верила, что сохранение основных идей ее отца – залог могущества России и незыблемости ее личной власти над страной [7, с. 183-184]. Но в то же время политике Елизаветы были присущи элементы демагогии. Заявления на преемственность петровским принципам не мешали императрице неоднократно отступать от них [2, с. 50].

Библиографический список

1. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 15 кн. М., 1963-1965. Кн. 11.
2. Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М., 1986.
3. История внешней политики России. XVIII век. М., 1998.
4. Русский двор сто лет тому назад. СПб., 1907.
5. Архив князя Воронцова: в 40 кн. М., 1870-1895. Кн. 2.
6. Григорьев Б.Н. Бестужев-Рюмин. М., 2013.
7. Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. М., 2005.

Д.В. Сметанин

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)*

ПАТРОН-КЛИЕНТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ПРАКТИКЕ УПРАВЛЕНИЯ НОВОРОССИЙСКИМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВОМ. ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР М.С. ВОРОНЦОВ И ПРАВИТЕЛЬ КАНЦЕЛЯРИИ С.В. САФОНОВ

В 1838 г. М.С. Воронцов желает выехать в Англию для решения семейных вопросов — об этом мы узнаем из ответного письма С.В. Сафонова от 4 марта 1838 г. [1, с. 321-323]. По действующим тогда указам Екатерины II о генерал-губернаторах и наместниках в Российской империи, начальник, находящийся в поездке, обязан также полно исполнять свои обязанности, как если бы он находился в самом наместничестве [2, с. 991-992]. По этой причине Воронцов посылает своего правителя канцелярии и личного секретаря С.В. Сафонова в Петербург для одновременного решения нескольких задач: 1) выхлопотать право и разрешение на отъезд из России в Англию; 2) согласовать с императором и министрами кандидатуру для временной замены М.С. Воронцова на посту генерал-губернатора Новороссийского края и Бессарабской области; 3) предоставить императору ежемесячный рапорт об управлении краем; 4) выяснить положение М.С. Воронцова при дворе — наладить связи с его «друзьями» и выстроить стратегию поведения графа для получения права выезда за границу [1, с. 322-323]. По тому же екатерининскому законодательству о генерал-губернаторах князь Воронцов имел полное право затребовать личной аудиенции у Николая I и решить все эти вопросы (за исключением 4-го) лично с государем. Кроме этого, по закону, генерал-губернатор был подотчетен и подконтролен лично императору [3, с. 396]. Однако в этом эпизоде важно учесть, что полномочия и обязанности генерал-губернатора, юридически, были расплывчаты, и все свои решения он был обязан согласовывать с центральными уч-

реждениями и ведомствами — поэтому, любой донос министра или чиновника из администрации Воронцова о превышении или злоупотреблении полномочий мог подорвать влияние и авторитет наместника.

4 марта 1838 г. С.В. Сафонов докладывает М.С. Воронцову: «... отдал рапорт камердинеру императора, как последний проснулся... я явился к графу Бенкендорфу, который полчаса расспрашивал о вас и прочих делах... Граф Бенкендорф спрашивал меня, действительно ли вам нужно и вы поедете в Англию?... Он меня спрашивал, кого вы полагаете на ваше место на время вашего отсутствия? Впрочем он мне сказал, что надеется завтра непременно лично видеть Государя и обо всем переговорить...» [1, с. 323]. Из данного письма видно, что Сафонов решает практически все задачи и вопросы, которые перед ним поставил Воронцов: Степан Васильевич связывается через «личных друзей» императора с целью достижения поставленных целей. Так, благодаря общению с Бенкендорфом — ближайшим другом Николая I — Сафонов обеспечивает активную проработку этого вопроса на самом высоком уровне. В том же письме С.В. Сафонов разрабатывает «план» для получения права на отъезд в Англию с двумя «друзьями» М.С. Воронцова при дворе — графом Браницким (родной брат жены М.С. Воронцова) и личным секретарем императрицы Н.М. Лонгиновым (который начал свою карьеру по протекции отца М.С. Воронцова) [1, с. 322]. Для получения «отпуска» Сафонов советует приехать Воронцову с супругою на именины императрицы, которая «часто говорит о графине, как только можно говорить о своей близкой приятельнице или равной... Приезд сюда графини произвел бы самое лучшее действие...» [1, с. 322]. Таким образом, можно увидеть, что С.В. Сафонов достаточно четко и точно исполняет данные ему поручения и является не только его секретарем и подчиненным, но и «другом» — клиентом, который преданно ему служит с целью получения новых материальных и статусных благ [4, с. 255–287]. В качестве «награды» за исполнение поручений патрона он получает орден Св. Владимира лично из рук Николая I — как он сам пишет в письме 8 марта 1838 г. «...Позвольте мне принести вашему сиятельству чувство душевной благодарности за этот новый знак вашего ко мне доброго расположения...» [1, с. 324]. Следовательно, Воронцов награждает своего клиента за верную службу — поэтому Степан Васильевич и благодарит графа за эту награду. Кроме этого, личное награждение подчиненного М.С. Воронцова можно считать и знаком расположения императора к фигуре генерал-губернатора. Таким образом, Сафонов устраивает личные дела М.С. Воронцова (ему предоставляют длительный отпуск в Англию) и укрепляет положение генерал-губернатора при дворе, согласовывая вопросы с «личным другом» Николая I — А.Х. Бенкендорфом и приближенным к императорской фамилии секретарем Н.М. Лонгиновым. Следовательно, налаживая связи с «друзьями» М.С. Воронцова и государя, Сафонов С.В. создает основу для «противодействия» клевете и доносам на политику и управле-

ние М.С. Воронцова при дворе, и, тем самым, защищает его администрацию и систему управления в Новороссийском крае.

Эти неформальные связи помогают генерал-губернатору Новороссийского края и Бессарабской области успешно защититься от доносов графа Толстого – военного губернатора Одессы в 1837-1840 гг. [1, с. 360-361]. В январе 1839 г. Сафонов сообщает Воронцову, что градоначальник Одессы доносит на имя императора о злоупотреблениях властью и «неправильной» политики М. С. Воронцова в крае, и потому намерен все рассказать государю на личной аудиенции [1, с. 360]. Степан Васильевич сообщает в письме 16 января 1839 г. Михаилу Семеновичу, что едет в Петербург по приказу П.И. Федорова для «защиты Новороссийского края от нападок гр. Толстого» и просит прислать своего покровителя инструкции для решения данного вопроса [1, с. 361]. В инструкции, если судить по письму Сафонов за 28 января 1839 г., говорилось, с кем нужно увидеться и поговорить для решения данного вопроса – так, там фигурируют лишь А.Х. Бенкендорф и граф Браницкий [1, с. 362-363]. В этом же письме Степан Васильевич сообщает, что «Бенкендорф почти устроил дело» [1, с. 362], а в письме за 29 января 1839 г. сообщает о положительном решении вопроса в пользу Воронцова [1, с. 364-366]. В итоге, император требует доказать факты злоупотребления полномочиями генерал-губернатора в управлении Одесой от Толстого и публично высмеивает этот донос на ужине у графа Нессельроде на 40 персон, о чем сообщает С.В. Сафонов М.С. Воронцову в том же письме [1, с. 366]. Следовательно, исход этого дела в пользу графа Воронцова был решен благодаря нескольким факторам: 1) наличию «друзей» при дворе и неформальных связей с близкими к Николаю I людьми; 2) благосклонностью императора к фигуре Воронцова, что проявилось в награждении его клиентов и даче отпуска; 3) умелому использованию патрон-клиентских неформальных связей для решения деликатных вопросов, связанных с управлением Новороссийским генерал-губернаторством и Бессарабской областью.

Таким образом, для М.С. Воронцова патрон-клиентские связи важны сразу в нескольких аспектах: 1) «легитимизация» решений генерал-губернатора через использование неформальных связей (так как практически все решения генерал-губернаторов, по законодательству, должны были согласовываться с центральными ведомствами и министерствами), чтобы иметь в дальнейшем защиту от законных доносов о превышении полномочий; 2) защита «своей» администрации, власти и политики в Новороссийском крае и Бессарабской области от доносов и посягательств; 3) решение личных деликатных (отъезд в Англию) и государственных вопросов (решение вопроса о назначении временно исполняющего обязанности генерал-губернатора Новороссийского края и Бессарабской области). Сами неформальные связи позволяют Воронцову не «подставлять себя под удар» и использовать для решения вопросов своих клиентов, сохраняя и укрепляя

свое положение при дворе и в своем крае. Патрон-клиентские связи также помогают спланировать аппарат управления генерал-губернатора вокруг него, так как новые награждения, выгодные назначения и получение материальных благ зависит от близости к Воронцову, успешного выполнения его поручений. Выгода С.В. Сафонова, прежде всего, в получении новых материальных и престижных благ от успешного выполнения поручений графа М.С. Воронцова – например, получение лично из рук императора ордена Св. Владимира, увеличение доверия со стороны генерал-губернатора и появление связей с влиятельными придворными. Из этих писем мы видим, что С.В. Сафонов играет роль «клиента при дворе», который активно использует связи с «друзьями-клиентами-посредниками» (в качестве посредника можно считать А.Х. Бенкендорфа).

Библиографический список

1. Бартенев П.И. Архив князя Воронцова : в 40 кн. Кн. 38. М. : Университетская типография, 1892. 554 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXI. 1781–1783 гг. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1070 с.
3. Бартенев П.И. Архив князя Воронцова : в 40 кн. Кн. 35. М.: Университетская типография, 1889.
4. Кром М.М. Патронат и клиента в истории России: (материалы «круглого стола») // Новая политическая история. СПб. : Алетейя, 2004. С. 255–287.

Ю.А. Зиновьева

Самарский национальный исследовательский университет

РАЗВИТИЕ АУКЦИОННОЙ ТОРГОВЛИ ПРЕДМЕТАМИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЗНАЧЕНИЯ В РОССИИ В XVIII–XIX ВВ.

Аукционные площадки по-прежнему являются наиболее преимущественным способом продажи предметов историко-культурной ценности по ряду причин. Во-первых, в процессе торгов на предмете продажи фокусируется внимание не одного, а сразу нескольких потенциальных покупателей, что способствует повышению стоимости лота. Во-вторых, прозрачность и открытость, позволяют наблюдать за процессом аукционных торгов.

В России становление и формирование аукционных домов во многом проходило наряду с развитием частного коллекционирования, огромный интерес к которому был проявлен в начале XVIII в. первым лицом государства [5, с. 15]. В 1722 г. был принят Адмиралтейский регламент, раздел которого (артикул № 53) определял характер развития аукционной торговли в стране на протяжении всего XVIII в. В соответствии с ним, аукцион-

ные продажи, начинают применяться в первую очередь в качестве принудительных распродаж частного имущества при отсутствии возможности должников оплатить долги Адмиралтейству и недостатка иных необходимых для этого средств [4, с. 525-607].

Последующее обращение к нормативно-правовым основам аукционной деятельности произошло лишь в начале XIX столетия и связано с указом Александра I «О правилах, на коих должна быть производима аукционная продажа» 1808 г. К тому моменту назрела необходимость разграничения проведения принудительных и добровольных продаж имущества, а также потребовалось совершенствование регламента каждого типа торгов в отдельности. В соответствии с данным нормативно-правовым документом, принудительные аукционные продажи осуществлялись только после получения распоряжения суда в аукционных камерах. Добровольные аукционные торги в свою очередь проводились с распоряжения губернатора, который был обязан предварительно изучить список выставленных на торги предметов с заявленной стоимостью перед вынесением своего окончательного решения. Введение подобной ступени в регламент было связано в первую очередь с установлением принадлежности вещей, губернатор таким образом подтверждал, что лицо, выставляющее предметы на продажу, является реальным владельцем. Необходимо заметить, что данный документ впервые закрепил в отечественной правовой системе понятие «аукционный дом» [3, с. 519].

Со второй половины XVIII в. повышенное внимание к развитию различных видов искусства и русской культуры в целом во многом способствовало возникновению специализации аукционной продажи по типу выставляемых на торги предметов [1, с. 26]. Тем не менее, букинистические, книжные аукционы, в рамках которых начинают фигурировать исторические рукописи и документы, на данном этапе пока не получили настоящего широкого развития по сравнению с выделившимися специализированными аукционами по продаже живописи и декоративно-прикладного искусства.

Совершенно особая ситуация в сфере коллекционирования, а затем и аукционной продажи возникает в XIX в. Для наиболее просвещённой части русского дворянства сохранение памятников отечественной истории, в том числе различных рукописей, старинных книг приняло характер нравственно-патриотического влечения, стало одним из способов служения гуманистическим идеалам человечества. Так, путём коллекционирования они сберегали памятники истории и старины. Наиболее удачным образом, на наш взгляд, мировоззрение людей той эпохи охарактеризовал М.Ю. Лотман, говоря об «историческом сознании людей XIX века» [2, с. 209].

К этому времени относится значительное повышение интереса библиофилов и коллекционеров к существовавшим уже более полувека аукционным распродажам. В частности, известно, что А.С. Пушкин посещал аук-

ционы. Им было приобретено первое полное собрание сочинений Н. Макиавелли на французском языке. На обороте обложки первого тома собрания рукой А.С. Пушкина написано: «Acheté dans une vente publique (avec de sorts commentaries au crayon)», то есть «Куплено на аукционе (комментарии на отдельном листе прилагаются)». Тем не менее, лист с комментариями не сохранился, вполне вероятно, что он содержал подробности этой покупки [6, с.111].

Таким образом, после заимствования из зарубежной практики и на протяжении всего XIX столетия аукционная форма продажи осуществлялась в рамках государственного контроля, первоначально отличаясь универсальностью ассортимента при постепенном формировании узкоспециализированных тематических аукционов. Несмотря на цели извлечения прибыли, аукционный рынок способствовал сохранению историко-культурных ценностей, как со стороны организаторов торгов, так и со стороны новых владельцев.

Библиографический список

1. Игнатьева О. В. Частное коллекционирование в процессе европеизации России в XVIII – начале XX века // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2014. №2 (25). С. 22-27.
2. Лотман Ю.М. Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века // Избранные статьи в 3 томах. Таллин: Александра, 1992. Т.2. 478 с.
3. О правилах, на коих должна быть производима аукционная продажа // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXX. СПб., 1837. С. 519-523.
4. Регламент об управлении Адмиралтейства и верфи // Полное Собрание Законов Российской Империи. Т. VI. СПб., 1830. № 3937. С. 525-607.
5. Северюхин Д.Я. Старый художественный Петербург. Рынок и самоорганизация художников. СПб: издательский дом «МІРЪ», 2008. 536 с.
6. Сёмина А.С. История антикварных книжных аукционов в России: диссертация кандидата исторических наук: 05.25.03. Московский государственный университет печати, 2008. 275 с.

В.А. Торунوف

Самарский национальный исследовательский университет

РОЛЬ АДМИРАЛА В.А. КОРНИЛОВА В ОБОРОНЕ СЕВАСТОПОЛЯ 1854—55 ГГ.

Ключевым событием в истории Крымской войны традиционно считается момент, связанный с героической обороной Севастополя, которая продолжалась 349 дней. Эту оборону ещё называют «Первой обороной Севастополя», поскольку на начальном этапе Великой Отечественной Войны

в 1941-42 годах город также находился в положении осады. Одним из тех лиц, которым выпала возможность руководить обороной Севастополя, был адмирал Владимир Алексеевич Корнилов (1806-1854).

Новый этап Крымской кампании начался в декабре 1853 года, когда флот объединённой англо-французской коалиции вышел из Босфора в Чёрное море, а в марте 1854 года Британия и Франция объявили России войну. На тот период времени обе державы имели различные причины для борьбы с успехами России в кампании. Так, правительство королевы Виктории опасалось за возможный подрыв морского, политического и экономического могущества Британской империи, которому угрожали притязания российского монарха на Балканах. Что касается Франции, то император Наполеон III, племянник Наполеона I жаждал реванша за поражение своего дяди в кампании 1812 года и поэтому «готов был заключить военный союз даже с исконным врагом – Англией, лишь бы против врага злейшего – России» [2].

Главнокомандующим Крымской армией и флотом был назначен князь А.С. Меншиков, потомок знаменитого сподвижника Петра Великого князя А.Д. Меншикова. В отличие от своего предка, опытного полководца и участника сражений Северной войны, А.С. Меншиков начисто был лишён полководческого таланта, и это обстоятельство, таким образом, сыграло роковую роль в Крымской войне и судьбе Корнилова. Если обратить внимание на характер взаимоотношений между Меншиковым и Корниловым, то выясняется, что князем явно руководили гордыня и зависть к таланту флотоводца, чувство превосходства над жителями осаждённого Севастополя и чрезмерный оптимизм в то, что союзники не смогут высадиться в Крыму и нанести удар. Вот как описывал взаимоотношения между главнокомандующими Е.В. Тарле: «...Меншиков не мог обойтись без Корнилова в делах по флоту, но это не значило, что он должен был лишать себя удовольствия попортить кровь преемнику, когда тот подставлялся. Светлейшему доставляло утончённое наслаждение цинически творить зло под видом блага, ибо зло это бесило Корнилова, безнаказанно изводить его ханжескими речами... Разве это не являлось шедевром злословия — выставить севастопольцев, то есть прежде всего офицеров флота во главе с Корниловым, трусами, которые затряслись от страха ещё до первого пушечного выстрела в Крыму?.. Светлейший сделал всё от него зависящее, чтобы его словцо имело огласку и докатилось до Петербурга» [4]. Это отношение А.С. Меншикова привело к тому, что когда император Николай I приказал Меншикову построить укрепления в виде вала между третьим и четвёртым бастионом из грунта к будущей весне 1855 года, англо-французский альянс уже совершил высадку на полуострове, а необходимые для возведения укрепления инструменты привезли лишь через 3 дня после данной высадки.

На военном совете 9 сентября 1854 года адмирал В.А. Корнилов предлагал следующий план действий: выйти в море и атаковать союзный англо-французский флот. При удаче этой операции союзники бы были лишены

продовольствия и подкреплений, а при неудаче Корнилов предлагал взорвать себя и часть неприятельского флота на воздух и умереть со славой. Однако члены военного совета во главе с главнокомандующим А.С. Меншиковым не одобрили столь рискованный план, поскольку кораблей защитников было вдове меньше неприятельских и к тому же, они все были парусными. Более того, противники плана Корнилова были уверены в том, что в случае возможной победы над противником, союзники, сумев привлечь подкрепление, смогли бы ворваться в Севастополь. Поэтому, было в итоге решено затопить старые корабли на фарватере и усилить гарнизон за счёт их экипажей [1].

Н.С. Милошевич в своих «Записках севастопольца» также указывает на правильность, выбранных на военном совете действий защитников города, но, не отрицая при этом возможный результат рискованного плана Корнилова. При этом Милошевич выделяет тот факт, что при Корнилове – первом руководителе обороны – всё население город от матросов и солдат до женщин и детей по приказу адмирала в кратчайшие сроки возвели укрепления на подступах к Севастополю. Таким образом, за полмесяца (сентября) были вооружены батареи на важнейших пунктах [3].

Корнилов организовал оборону Севастополя, где особо ярко проявился его талант как военного руководителя. Командуя гарнизоном в 7 тысяч человек, он показал пример умелой организации активной обороны. Корнилов по праву считается основоположником позиционных методов ведения войны (непрерывные вылазки обороняющихся, ночные поиски, минная война, тесное огневое взаимодействие кораблей и крепостной артиллерии).

В. А. Корнилов погиб на Малаховом кургане 5 октября 1854 года во время первой бомбардировки города англо-французскими войсками. Обстоятельства гибели Владимира Алексеевича в ходе обороны Севастополя 1854 года были связаны с письмом адмирала Владимира Ивановича Истомина, командовавшего обороной Малахова кургана. В нём Истомин просил Корнилова не приезжать к нему на позиции из-за бомбардировки союзников. Однако начальник Штаба поспешил на Малахов курган, где и погиб в результате разрыва вражеского снаряда. Это говорит о самоотверженности и героизме адмирала.

Хотя адмирал Корнилов погиб, тем не менее, первая бомбардировка Севастополя привела к тому, что уверенность сил защитников возросла, и они смогли выстоять под ударами противников вплоть до осени 1855 года.

Библиографический список

1. Дубровин Н.Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. СПб, 1871-1872.
2. Кузьмина С.Б. Адмирал Корнилов. М.: Молодая Гвардия, 2007.
3. Милошевич Н.С. Из записок севастопольца. СПб., 1904.
4. Тарле Е.В. Крымская война. Т. 1, 2. М.-Л., 1941-1944.

ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ В ПРОСТРАНСТВЕ УЕЗДНОГО ГОРОДА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Вторая половина XIX века ознаменована развитием городов Поволжья. Так, к началу XX века уездный центр Симбирской губернии – Сызрань стал крупным железнодорожным узлом страны. В 1875 году была открыта – Моршано-Сызранская железная дорога [1, с. 27]. Это поспособствовало увеличению территории города и выходу за границы плана 1804 года. Появились кварталы и улицы, соединяющие исторический центр города с железнодорожным вокзалом. Новая планировочная структура, связанная с пореформенным периодом развития, сформировала «анатомию» города.

В данной статье мы предприняли попытку рассмотреть роль и место женского монастыря в социальном и культурном пространстве уездного города. Исторические источники свидетельствуют о том, что по площади уездный город Сызрань можно было сравнить с губернским Симбирском. Однако по презентабельности «только центр города...имел шеголеватый вид» [2, с. 131]. Перспективу главной улицы города – Большой – завершал Сызранский Сретенский женский монастырь. Женская община была основана в северо-восточной части города 1856 году. В 1858 году она получила официальное право на существование.

Застройка монастырского участка храмовыми зданиями велась с 1862 по 1871 годы. Изыскания денежных и материальных средств осуществляла настоятельница обители. Так, игуменья ежегодно отправляла послушниц в разные губернии для сбора подаяний [5, л. 47]. Помимо этого, анализ доходно-расходных книг обители показывает, что 16% прихода денежных средств поступало на строительство, ремонт храмов от меценатов. Жертвователями были представители разных сословий. Настоятельница осуществляла неусыпный контроль над процессом возведения храмов и дальнейшего их существования.

По окончании строительных работ настоятельница приглашала уездного архитектора и комиссию с целью проверки здания и сдачи его в эксплуатацию. В течение всего периода существования монастырского комплекса нанимались подрядчики для косметического и капитального ремонта зданий. Так, доходно-расходные книги сохранили сведения об оплате подрядчикам за покраску храмов и монастырских зданий, за росписи стен и купола и др. Всего на территории обители было возведено три храма: один деревянный и два каменных.

Сретенский монастырь представлял собой не просто комплекс храмовых построек, а комплексную административно-хозяйственную сеть. Для поддержания жизнедеятельности обитель занималась различными хозяй-

ственными практиками. Из источников личного происхождения мы видим, что земельный фонд монастыря носил исключительно утилитарные функции. Так, сад или сдавался в аренду, или его плоды продавались на местном базаре [6, с. 132].

В связи со скудным содержанием игуменья обители всячески старалась улучшить положение монастыря. Изыскивая выгодные земельные участки как в городе, так и за его пределами, настоятельница писала убедительные письма в консисторию, Святейший Синод и Императорской семье с целью их приобретения. Настоятельница мотивировала необходимость покупки земли так: «Приобретение данного участка очень желательно по следующей причине. Если участок купит постороннее лицо, которое устроит на нем дачные помещения и допустит разные увеселения...то это неблагоприятно повлияет на тихую жизнь монахинь и послушниц, которые для чистки белья живут на расстоянии 140 саж. от участка» [4, л.4]. Для «дальнейшего роста» монастыря и «пополнения его насельницами» Святейший Синод разрешал приобретение земель. Помимо увеличения монастырских земель владений настоятельница занималась поиском денежных средств для жизнедеятельности обители. Так, она посещала Москву и Санкт-Петербург для сбора добродетельных приношений на строительство помещений для «праздноживущих девок», именуемых келейницами [3, л. 4 об.]. Это показывает, что территория женского монастыря не ограничивалась отведенным участком земли. Сеть земельного фонда обители располагалась как в городе, так и за пределами Сызрани.

Из источников личного происхождения, мы узнаем, что на территории монастыря располагался свой некрополь, богадельня и больница, школа для малолетних девочек. В обители могли найти убежище социально незащищенные группы населения, больные и убогие старицы разного звания. Это доказывает, что Сретенский монастырь был одним из учреждений в системе социальной благотворительности уездного города.

Таким образом, застройка комплекса Сызранского Сретенского монастыря храмами велась в период с 1862 по 1870 гг. Источники свидетельствуют о большой работе, проводимой как монастырем, так и жителями города по организации строительных работ. Для жизнедеятельности обители были также важны владения, выходящие далеко за пределы монастырских стен. На территории монастырского комплекса находилась сеть социальных учреждений для монашествующих и мирян. Сама обитель своей архитектурой значительно выделялась из построек провинциального города, формируя «лицо» Сызрани.

Библиографический список

1. Варешин А.М., Дедков Б.П., Пономарев А.С. Город Сызрань: Историко-экономический очерк. Куйбышев, 1964.

2. Виноградов В. И. Иллюстрированный спутник по всей Волге. Нижний Новгород, 1897.
3. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 322. Оп.5. Д. 111.
4. ГАУО. Ф. 134. Оп.8. Д.769.
5. Сызранский филиал Центрального Государственного архива Самарской области (СФ ЦГАСО). Ф.26. Оп.1.Д.13.
6. Пашкевич В.В. Плодоводство в Симбирской губернии. СПб., 1904.

А.Ю. Макарова

Самарский государственный институт культуры

КУЛЬТУРНАЯ И ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА 1870-Х ГОДОВ В ОТЧЕТЕ ЕПИСКОПА ГЕРАСИМА (ДОБРОСЕРДОВА) СВЯТЕЙШЕМУ СИНОДУ

1870-е года – время реформ. Об обстановке в духовной жизни страны в тот период можно узнать из епархиальных отчетов Святейшему Правительствующему Синоду. В настоящем сообщении в качестве исторического источника использован отчет о состоянии Самарской епархии за 1872 год. Повествование ведется от лица епископа Герасима (Добросердова) и включает такие разделы:

Устройство и состояние управления характеризует состав служащих и начальствующих лиц Консистории, осуществлявшей церковное управление на губернском (епархиальном) уровне [4, с. 3-7]. Всех благочинных в Самарской епархии на этот момент насчитывалось 45 чел. Их годовое жалованье составляло 200-350 руб. серебром.

Обозрение епархии описывает поездки епископа для осмотра церквей губернии и их причтов [4, с. 7-13]. В состав губернии входили 7 уездов: Самарский, Ставропольский, Николаевский и Новоузенский, Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский [7, с. 166]. В течение года архиерей осмотрел 101 церковь, 4 обители и духовное училище в г. Бугуруслане. Говоря о верующих, епископ выделил качества, которые бросались в глаза при беседе с православными: простота нравов, уважение к церкви, благорасположение к ее представителям. При этом наблюдался один недостаток – возрастающая степень нетрезвости. Приходские школы были найдены в удовлетворительном состоянии.

Монастыри – давалась информация о числе обителей в епархии, их хозяйственном состоянии, нравственности братии, данные о пожертвованиях в пользу монастырей [4, с. 13-16]. В епархии было всего 14 монастырей и общин, в том числе 4 православных мужских и 7 православных женских, открытых в течение последних 20 лет после основания Самарской губернии и епархии в 1851 г. Кроме того, имелись 3 единоверческих (муж-

ских и женский) монастыря на р. Иргизе, которые возникли в XVIII в. как старообрядческие скиты. В 1829-1836 гг. они перешли в единоверие под начало Русской Православной церкви [6, с. 188]. Наибольшую известность получил женский Иверский монастырь в Самаре. Он выделялся и своими постройками [5, с. 119], и своими мастерскими, в которых четыре года спустя (1876) было изготовлено Самарское Знамя, ставшее национальной святыней Болгарии [1, с. 180-181].

Церкви – в этом разделе указано число строящихся и освещенных церквей, меры к обеспечению причтов, описаны похищения из церквей и сделаны замечания об их недостатках. Также здесь дана информация о состоянии библиотек, богаделен при церквях и о состоянии «письмоводства» (делопроизводства) [4, с. 16-23]. К 1873 г. в епархии имелось 546 приходских попечительств. Их внимание было обращено на благоустройство и украшение церквей. На это были сделаны значительные пожертвования на сумму 8206 руб. 89 коп.

Духовенство – в разделе были показаны уровень образования духовенства, его нравственное состояние, материальное обеспечение, отношение к пастве, участие в земских собраниях, съездах епархиальных и благочинных, денежные жертвования духовенства [4, с. 23-43]. Замечен недостаток лиц с богословским образованием, и поэтому священники, окончившие курс семинарии, составляли только 2/3 из всего количества. Нравственное состояние духовенства двигалось в лучшую сторону, материальное состояние также улучшилось. В 1872 г. в земских собраниях участвовали 18 сельских приходских священников.

Для обсуждения вопросов по административным, училищным и приходским нуждам проводились епархиальные и благочинные съезды. Сам епископ Герасим (Добросердов) был первым их организатором в епархии [8, с. 102].

Паства – раздел описывал движение народонаселения в епархии, причины смертности, религиозно-нравственное состояние жителей, их благотворительность, состояние раскола в епархии, факты присоединения к православию и принятия святого крещения [4, с. 43-53]. В течение 1872 г. в Самарской епархии родилось 45567 чел., умерло – 66555 чел. Значительная смертность была вызвана вспышками холеры и оспы. Всего православное население насчитывало 1384083 чел. Придерживалось раскола в епархии 48554 чел. В нравственном отношении православных между всеми недостатками первое место занимало пьянство, которое имело гибельные последствия. Другой недостаток – суеверия и предрассудки. Сельское население было более религиозно, чем городское.

Катехизические поучения – здесь указывалось число церквей, где они ведутся, время и порядок произнесения, перечислялись пособия по их составлению, оценивалось внимание прихожан к поучениям [4, с. 53-57]. Катехизические поучения в 1872 г. были введены в 192 церквях епархии. Поуче-

ния обычно следовали за литургией по воскресным и праздничным дням.

Училища при монастырях и церквях — сюда вошли данные о количествах школ и учащихся, предметы, которые преподаются ученикам, наличие певческих хоров [4, с. 57–64]. Отдельно выделена благотворительность в пользу школ, примеры которой, в том числе со стороны духовенства, на протяжении всего XIX века были заметным явлением в Самарском крае [2]. Церковноприходских школ к 1873 г. в епархии было 342. В них обучались 7942 мальчика и 713 девочек, а всего 8655 чел. Обычный набор предметов в церковноприходских школах состоял из чтения книг гражданской и церковной печати, счета, чистописания, объяснения начальных молитв, священной истории, изучения религиозных праздников. Во многих школах имелись хоры, которые пели во время церковных служб. В церковноприходских школах поволжских селений деятельно трудились приходские священники и их жены [3, с. 15–16].

Состояние миссии в епархии рассказывало о миссионерской деятельности среди старообрядцев, принадлежавших к различным толкам, сектантов (молокан и других), язычников и мусульман из народов Поволжья. [4, с. 64–76].

В заключение епископ Герасим утверждал, что со стороны самарского церковного начальства делалось все возможное для лучшего устройства управления, чтобы учесть нужды и духовенства, и паствы [4, с. 76–77]. В целом этот вывод находит подтверждение в других документах и соответствует действительности, хотя несколько идеализирует состояние церковного управления и религиозной жизни в епархии. Можно сделать заключение о ценности епархиальных отчетов Святейшему Синоду как исторического источника для изучения не только церкви, но и провинциального общества и его культуры в целом.

Библиографический список

1. Алабин П.В. Самара: 1586–1866 годы / сост. П.С. Кабытов. Самара, 1991.
2. Артамонова Л.М. «Заведение собственным иждивением училища...». Роль священников в создании и поддержке школ Казанского учебного округа первых десятилетий его существования // Центр и периферия. 2012. № 1. С. 76–81.
3. Артамонова Л.М. Летопись Благовещенской церкви села Кашпирского Монастыря (последняя четверть XIX — первая четверть XX века) как исторический источник // Центр и периферия. 2018. № 2. С. 12–22.
4. Извлечение из отчета Святейшему Правительствующему Синоду о состоянии Самарской епархии за 1872 год. [Самара, 1873].
5. Кабытов П.С., Артамонова Л.М., Савельев П.И. и др. История Самары (1586–1917 гг.). Самара, 2015.
6. Кабытов П.С., Артамонова Л.М., Смирнов Ю.Н. и др. Самарская летопись: очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX в. Кн. 1. Самарский край с древнейших времен до середины XIX в. Самара, 1993.

7. Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. и др. «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI-начало XX в.) Ч.1. Очерки истории. Самара, 2013.

8. Кокарев М.В. Съезды духовенства в системе епархиального управления Русской Православной церкви второй половины XIX – начала XX вв. (на материалах Самарской епархии) // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 7-4. С. 101-105.

А.Б. Хренова

Самарский национальный исследовательский университет

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ НЕМЦЕВ В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СОСЛОВИЯ СЛУЖАЩИХ И РОССИЙСКОГО НЕМЦА

Проблема этнического самосознания и национальной идентификации является одной из наиболее актуальных в современном гуманитарном научном знании. В современной лингвистике собран значительный материал, касающийся культурных концептов, картины мира, межкультурной коммуникации и языковой личности. Обобщающие исследования типов языковых личностей также оказывают доминирующее влияние на развитие лингвокультуры. Поэтому целью данного исследования является комплексное моделирование лингвокультурологического портрета представителей двух различных этносов: немца как представителя сословия служащих и российского немца. Материалом для исследования послужили два мемуарных источника. Первые мемуары написаны на немецком языке дочерью немецкого управляющего имений Самарской губернии в XIX веке (Усолье), Хелен Эрт. Данный источник был найден и изучен благодаря консультативной поддержке книги воспоминаний «Mit und ohne Russland» профессора Бернда Бонвеча (1940-2017), который является дальним потомком автора мемуаров. Вторые мемуары от лица российского немца Артура Штаба были написаны позже (начало XXI в.) и были подготовлены для публикации (Интернет-ресурса «Die Geschichte der Wolgadeutschen» <http://wolgadeutsche.net/>). Соответственно, конструирование данных лингвокультурных портретов основывается на субъективном вербальном ряде. Но, несмотря на близость к художественной литературе, выбранные тексты данных языковых личностей определенно вписываются в контекст исторических и культурологических исследований немцев России и Поволжья 19-20 вв.

Н.Л. Мишатиная рассматривает описание культурной информации в языковом коде как одну из задач лингвокультурологического портрета, под

которым понимается исследовательский конструкт, построенный на анализе языковых фактов, интерпретированных с позиций культуры [1, с. 156]. Конструируя свой лингвокультурологический портрет, авторы самоидентифицируют себя на разных уровнях: языковом, культурном, бытовом, так как их повествование включает описание традиций, семейного уклада, описания дома и еды, личной жизни. Соответственно, лингвокультурологический портрет указывает на интеграцию лингвистических и культурологических методов.

Так, наибольшее число реализаций характеризует этнический статус (эмигрантский немецкий субэтнос, немецкий переселенческий этнос – российские немцы), отношение к среде обитания и местным традициям (обособленное или принимающее), использование русского языка (использование заимствований, круг общения, поддержание контактов с этнической родиной). Также в источниках актуализируются положение авторов в социальной и семейной жизни. Нельзя не включать во внимание тот факт, что информация об авторах есть, но не емкая, поэтому важно помнить, что «Я» – нарратив и все, что составляет лингвокультурологический портрет, во многом были определены статусом автора, установками и базовой лингвокультурой. Безусловно, нельзя утверждать, что данные представители могут быть рассмотрены в качестве лингвокультурных типажей, так как специфика мемуарного жанра определяет субъективное повествование. Тем не менее, реализация лингвокультурологический портретов наиболее достижима во фрагментах сравнения местного контекста с контекстом этнической идентичности немца. Так, объективация портрета выражается в описании местных традиций, быта, через выбор лексических средств. Например, русские девушки, по воспоминаниям, Хелен верили и практиковали гадание. Но как немка с рациональным мышлением она не понимает эту традицию: «Wenn die überspannte Phantasie einen Sarg oder ein Ungeheuer vorspiegelt, oder irgendjemand sich den Spaß erlaubte, hinterrücks mit geschwärztem Gesicht in den Spiegel zu schauen, kam es zu hysterischen Anfällen und Schreikrämpfen» [5, с. 33].

Рассматривая позицию автора к пониманию и сохранению контактов с этнической родиной, заметно, что для семьи немцев на службе Германия не перестает оставаться исторической и этнической родиной. Семья стремилась сохранить немецкую идентичность, что выражалось в поиске контакта с носителями языка, в соблюдении традиций, обычаев. Известно, что «язык в процессе исторического развития становится кодом, впитывающим в себя этнопсихологические и этнокультурные «гены» народа» [1, с. 26]. Кроме того, родная форма немецкого языка является важным элементом, который характеризует в целом образ жизни российских немцев и немцев на русской службе. Например: «Meine Eltern lebten in ewiger Angst, dass ich verrussen könnte. Deshalb beschlossen sie, mir ein junges deutsches

Mädchen zur Freundin zu geben» [5, с. 32] Однако для Артура Штаба данный вопрос не является столь однозначным. В детских воспоминаниях, где еще прослеживаются традиции старшего поколения, в лексему «Родина» вкладываются значения отношения с Германией. Но в дальнейшем повествовании раскрывается большая взаимосвязь с Россией. В своих воспоминаниях для него родина — деревня Гуссенбах (ныне Линево) в Волгоградской области, откуда в начале осени 1941 г. их семья была депортирована: „Das war mein letzter Arbeitstag in meiner Heimat“ [6, с. 34]. Предположительно, на такое разное восприятие оказал влияние исторический контекст, длительность проживания российских немцев на новой родине и восприятие другие членом семьи.

Таким образом, можно предположить, что, даже при недостатке информации о контексте появления данного материала или об авторе вне субъективного представления о себе в мемуарах, можно провести анализ данных источников, составить лингвокультурологический портрет авторов и отнести их к определенному этносу: представителя сословия служащих и российского немца.

Библиографический список

1. Бакиров М.Х. Генезис и древнейшие формы общетюркской поэзии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 1999. 86 с.
2. Баясникова О.В. Свой-чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культуры: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2003. 224 с.
3. Криворотова К.В. Репрезентация концепта «Muttersprache» в речи российских немцев Сибири // Вестник науки Сибири. Томск, 2012. № 4 (5). С. 257-261.
4. Мишатина Н.Л. Методическая лингвоконцептология и ее терминсистема // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. СПб., 2018. №. 188. С. 153-164.
5. Erinnerungen aus meinem Leben von Helene Ehrh, 1935. 79 с. (рукопись)
6. Erinnerungen von Artur Stab. Публикация Интернет-ресурса «Die Geschichte der Wolgadeutschen», Artur Stab, 2004, 59 с. URL: www.rusdeutsch.ru

А.А. Зубкова

Самарский государственный социально-педагогический университет

РАБОТА КУЙБЫШЕВСКИХ КОЛХОЗНЫХ РЫНКОВ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Всё большее внимание российских историков привлекает изучение бытовых проблем в повседневной жизни простого человека. К ним, в частности, относится продовольственное снабжение в период Великой Отече-

ственной войны. В это время население «запасной столицы» (г. Куйбышев) выросло примерно с 390 до 600 тысяч человек. Как такое огромное количество людей снабжалось продуктами питания? Как работали рынки и магазины города? Хватало ли завезённых продуктов? Изучение данных вопросов поможет более полно представить реальную жизнь горожан в экстремальных условиях.

Историки пришли к выводу, что установленные в эти годы общие нормы по продовольствию не выдерживались. Снабжение продовольствием сводилось в основном к отовариванию хлеба по карточкам, да и его приобретали с трудом [1, 2, 3, 4, 5].

Колхозные рынки имели своей целью организацию завоза сельскохозяйственных продуктов колхозами, колхозниками и другими трудящимися из излишков своих сельскохозяйственных продуктов. Руководство организацией завоза сельскохозяйственных продуктов на рынках производилось директорами рынков при посредстве штата инспекторов по завозу сельскохозяйственных продуктов. Директора рынков заключали договора с колхозами [7, л. 1]. Колхозы торговали по ценам, установленным правлениями колхозов. Но с каждым месяцем на рынки Куйбышева продуктов доставлялось всё меньше, а цены неимоверно росли. Теперь на рынках могла приобретать товары лишь незначительная часть населения [8, л. 16].

Таблица 1

Рост цен на сельскохозяйственную продукцию, завозимую на колхозные рынки г. Куйбышева от 1 марта 1943 г.

Наименование	Ед.изм.	Цены в рублях			
		На 25.12.1940	На 25.12.1941	На 25.12.42	На 25.02.43
Картофель	кг	4	10-12	35	45-50
Капуста	кг	3	12	40	40-50
Лук репчатый	кг	5	12-15	40-50	60-65
Говядина	кг	11	55-75	180-200	250-300
Баранина	кг	13	65-80	200-250	350
Свинина	кг	16	80-100	300-350	400
Молоко	литр	4	13-15	70	60-70
Масло коровье	кг	40	150-200	750-800	750-800
Пшено	кг	6	15-20	150	150
Масло растит.	литр	25	100	500	500

Источник: СОГАСПИ. Ф.Р. – 714. Оп. 1. Д. 984. Л. 16; ЦГАСО. Ф.Р. – 3501. Оп. 1. Д. 26. Л. 113.

Из таблицы видно, что уже с начала войны цены на сельскохозяйственную продукцию резко выросли в 2–3 раза.

**Завоз сельскохозяйственной продукции
на колхозные рынки г. Куйбышева в 1940 – 1943 гг.**

Наименование	Ед. изм.	1940	1941	1942	1943
Мясо	центнер	11381	9884	5560	5514
Масло коровье	центнер	2511	2055	766	1147
Молоко	тыс. литров	5181	4944	2545	3288
Мука	центнер	554	623	1946	3151
Пшено	центнер	1094	1389	1163	1021
Картофель	центнер	40284	51706	22695	17202
Бахчевые	центнер	11625	7214	583	1011

Источник: СОГАСПИ. Ф.Р. – 714. Оп. 1. Д. 984. Л. 82; ЦГАСО. Ф.Р. – 3501. Оп. 1. Д. 26. Л. 114.

Из таблицы следует, что в 1941 г. по сравнению с 1940 г. завоз сельскохозяйственных продуктов в г. Куйбышев заметно снижается. В конце 1941 г. и начале 1942 г. подвоз сельскохозяйственных продуктов на рынки ещё уменьшился [9, л. 114].

Основными причинами, повлиявшими на снижение завоза сельскохозяйственных продуктов на Куйбышевские городские рынки, являлись: 1. Мобилизация колхозов на мероприятия оборонного значения;

2. Незавершенность работ в колхозах; 3. Препятствия, чинимые работниками железной дороги колхозникам: запрещение провоза больше 16 кг груза, отказ в выдаче билетов на проезд в город Куйбышев; 4. Плохая организация встречной торговли на рынках; 5. Отсутствие связи с колхозами. 6. Отсутствие автотранспорта у Управления рынками [7, л. 92].

Колхозников отпугивало стремление некоторых работников рынка поживиться за их счёт. Так, летом 1942 г. отмечены случаи неправильного применения тарифов. Например, на рынок прибыли на одном возу несколько колхозников. Вместо того чтобы с них получить 12 рублей разового сбора, как за торговлю с воза, с них получали с каждого по 12 рублей [7, л. 5–6]. Наблюдались на рынках случаи воровства: ватаги подростков, безнаказанно воровали продукты и деньги у колхозников [7, л. 15, Л. 20].

Таким образом, уровень снабжения населения в 1941–1942 гг. был очень низким. Постоянно сокращался завоз сельскохозяйственной продукции в город, и росли цены на неё. Колхозные рынки не справлялись с задачей удовлетворения продовольственных потребностей населения, и на это были как объективные, так и субъективные причины, указанные выше. Сельскохозяйственную продукцию по рыночной стоимости могла приобретать только незначительная часть городского населения.

Библиографический список

1. Зинич М.С. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. М.: ИРИ РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 349 с.
2. Орлов И.Б. Карточное снабжение в 1941–1943 гг.: расчёты и просчёты // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 3. С. 36–42.
3. Парамонов В.Н. Тени военного времени 1941–1945 гг.: распределение и спекулятивный рынок // Вестник СамГУ. 1999. № 3. С. 58–69.
4. Храмков Л.В., Храмкова Н.П. Самарская земля в годы военного лихолетья 1941–1945 гг.: Очерк истории. Документы. Воспоминания. Хроника событий. Самара: НТЦ, 2003. 371 с.
5. Шматов Е.Н. Города Среднего Поволжья в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара: СамГАПС, 2006. 180 с.
6. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.Р.-3501. Оп. 1. Д. 32.
7. Самарский областной архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.Р.-714. Оп. 1. Д. 984.
8. ЦГАСО. Ф.Р.-3501. Оп. 1. Д. 26.

СЕКЦИЯ II. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ РОССИИ

А.В. Котов

Оренбургский государственный педагогический университет

ОБРАЗОВАНИЕ КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ЕГО ИНТЕГРАЦИЯ В РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО (XVIII – СЕРЕДИНА XIX ВВ.)

После присоединения северных казахских земель к Российской империи начался процесс приобщения казахского населения к российскому обществу. Это было возможно через образование, что и стало одной из важнейших задач внутренней политики России на восточном направлении.

Организацией первых образовательных учреждений в середине XVIII века занимался русский государственный деятель Василий Никитич Татищев, который создал систему образования для местных нерусских народов. Однако образование носило не всеобъемлющий характер, так как местное население было в основном кочевым. Тем не менее, дети богатых и уважаемых казахских родов начинали получать образование и интегрироваться в российское общество [2].

Для привлечения казахов к осёдлости и российскому образованию императрица Екатерина II в 1785 году издаёт указ, по которому в освоенных северных казахских степях и в частности в Оренбурге открывались караван-сарай и торговые дворы, которые привлекали казахов к осёдлости и мирной торговле [3, т. 22, с. 450]. Помимо этого, в таких центрах взаимодействия русских с казахами были основаны мечети и школы при них, что было удобно для степняков и выгодно для российской образовательной политики. Снабжением всех построенных мечетей и школ при них, а также различных постоянных мест для казахов занималась российская местная администрация. Помощь России в образовании казахов осуществляли татарские муллы, которые были близки к казахам по вере. Однако чрезмерная ставка на татарских учителей стала причиной татаризации казахов [1, с. 13-14].

Оренбургские губернаторы, в частности Игельстром Осип Андреевич, стремились всячески развивать первые успехи в образовании казахского населения и привлечь как можно больше кочевников к осёдлому образу жизни. Такая политика Российской империи активно развивала образовательный уровень казахов, способствовала культурному обмену, установлению крепких взаимовыгодных отношений. При всех положительных мо-

ментах были и негативные – образование в определённом центре заставляло казахов отказаться от кочевья или надолго покидать родные аулы, к тому же татарские муллы при всём своём воздействии частично разрушали национальную идентичность и уклад [5, с. 115-127].

Нового качественного размаха образование казахов достигло к середине 19 века. Именно к этому времени был накоплен богатый опыт взаимодействия казахов и русских, шёл рост количества школ, что позволило активной проводить образовательную политику. Однако образовательные учреждения, как упоминалось ранее, были разнообразны и разрознены, что было негативной стороной. Для устранения недостатков, учебные заведения переводились в ведомство Оренбургской Пограничной комиссии. Образование становиться централизованным с согласованными программами обучения. Одной такой школой была Оренбургская киргизская (казахская) школа при Пограничной комиссии для учителей, считавшаяся первым крупным образовательным учреждением в северных казахских степях. Основная задача киргизской (казахской) школы состояла в подготовке людей для дипломатической работы с казахами и увеличении достойных кадров в управлении. Школа была основана специально для зажиточных казахских семей, которые имели авторитет среди казахского общества, а в более позднее время, когда её популярность была очевидна, стала принимать всех желающих. Сама школа была рассчитана на 30 казахских детей в возрасте от 8 до 12 лет. Российская администрация в свою очередь заботилась не только о состоянии зданий школы, количества учебников и прочего учебного материала, но и за состоянием здоровья самих воспитанников школы, проводя медицинские осмотры и устанавливая нормы гигиены [6, с. 39].

Оренбургская Киргизская школа смогла дать результаты желанные для России. Первый выпуск этой школы состоялся в 1857 году. Выпускниками стали верноподданные Российской империи, среди которых талантливые учителя, посредники от общества русского к обществу казахскому. Знаменитым выпускником этой школы был Ибрай Алтынсарин, который был воспитанником первого выпуска. Именно он в будущем будет основателем народных школ и просветителем казахского народа. Благодаря ему казахи существенно сблизилась с российским обществом через образование [1, с. 15].

Таким образом, мирная интеграция казахского населения в российское общество через призму образования являлась взаимовыгодным процессом, как для русских, которые приобретали союзников и помощников в освоении новых земель, так и для казахов, которые получали выгоды в торговле, в социальном положении и образовании.

Библиографический список

1. Ильминский Н.И. Воспоминания об И.А. Алтынсарине. Казань: типо-лит. В.М. Ключникова, 1891. 396с.

2. Кузьмин А.Г. Татишев. 2-е изд., доп. М.: Молодая гвардия, 1987. 368 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. Том XXII. № 16255. 1168 с.
4. Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. 400с.
5. Тажибаев Т.Т. Казахская школа при Оренбургской пограничной комиссии (1850–1869). Алма-Ата, Казахское гос. учеб.-педагог. изд-во, 1961. 39 с.

А.Н. Гривастова

Московский государственный университет

ВЛАСТЬ И ЧАСТНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА: ОПЫТ ОБЩЕСТВА ПОСЕЩЕНИЯ БЕДНЫХ

Первая половина девятнадцатого столетия в Российской империи обозначилась ростом активности в сфере оказания помощи нуждающимся членам общества не только со стороны государства, игравшего ключевую роль в области благотворительности, но и со стороны добровольной частной инициативы. Не оказывавшая прежде значительного влияния на ход развития благотворительности, уже в первой четверти XIX века она начинает принимать всё более активное участие в области поддержания общественного порядка путём вспомоществования наиболее обездоленным его членам.

В это же время значительное влияние на возможности частной инициативы в деле заботы о бедных оказывал характерный и определяющий для этого периода принцип подведомственности правительству. Причём его влияние вызывало совершенно разные последствия. Некоторым добровольно основанным учреждениям удавалось успешно проводить свою деятельность именно благодаря специальным льготам, предназначенных государством. Иных подобное подчинение приводило к тому, что вследствие ограниченности собственных полномочий их потенциальные возможности резко сокращались. Примером второго типа организации служит частное благотворительное учреждение Общество посещения бедных, действовавшее с 1846 по 1855 год в Санкт-Петербурге.

Ключевые задачи, на основании которых строилась работа Общества, заключались в разделении действительной и ложной бедности нуждающихся столицы и оказании содействия в доставлении помощи благотворителями первой. Для удостоверения в действительности бедности просителя Обществом был взят за основу принцип личного посещения каждого нищего, о нужде которого было сообщено в управление Общества. В определении своей главной задачи устройство Общества было идентично Попечительному о бедных комитету, созданному в структуре Императорского

Человеколюбивого Общества в 1805 году и имевшего ту же задачу — обследование положения нищенствующих и оказание помощи «истинно бедным и несчастным людям» [1, с. 24]. Эта однородность задач, впрочем, никак не означала полную идентичность принципов деятельности двух учреждений, в действительности имевших значительные расхождения, прежде всего, в способе финансирования: против существовавшего на добровольные пожертвования Общества деятельность Комитета основывалась большей частью на капитале, выделявшемся Кабинетом Его Величества, в то время как частные пожертвования здесь составляли незначительную часть (в 1855 году только 11%).

По мнению самих членов Общества, его успехи в осуществлении поставленной задачи и явились главной причиной, повлекшей присоединение Общества посещения бедных к Императорскому Человеколюбивому и его превращение в ещё одно подразделение последнего. Действительно, изучая отчёты деятельности Общества, становится очевидным, что его работа находила живой отклик у публики, высказывавшей своё доверие к его занятиям. Обратной же стороной популярности стало то, что она доставила ему массу недоброжелателей и «возбудила какую-то странную, предосудительную зависть к его успехам» [2, с. 684]. Среди горожан начали появляться разные слухи, начиная с того, что на самом деле в Обществе «под покровом благотворительности таились часто политические замыслы и заговоры», и заканчивая слухами о формировании его членами социалистической армии [2, с. 684]. Несмотря на нелепость распространяемых слухов, они не остались без последствий. «Общество было заподозрено; над ним собиралась туча, и оно ожидало своего закрытия» [2, с. 684].

В марте 1848 года последовал рескрипт, в котором сообщалось, что в целях включения Общества посещения бедных «в пределы одной общей благотворительности» Император принял постановление о его присоединении к Императорскому Человеколюбивому [2, с. 684]. С этого периода на пути своей деятельности оно начало встречать ряд трудностей. Прежде всего, гласность, считавшаяся главным средством поддержания доверия публики к занятиям Общества, затруднились, с одной стороны, жесткой цензурой, а с другой, канцелярской процедурой представления отчётов и получения разрешения на их публикацию. Сказалась подчиненность и на материальном состоянии Общества, вынужденного проходить через сложный процесс получения разрешения на организацию мероприятий, нацеленных на привлечение дополнительного дохода.

Все эти ограничения привели к тому, что, неспособное покрывать все затраты на обеспечение работы основанных заведений, в 1854 году оно было вынуждено прибегнуть к сокращению расходов. Преобразования, проведенные с этой целью, резко урезали спектр видов оказываемой им помощи, поскольку подразумевали или объединение, или закрытие большей части образований Общества. Так, Общая квартира была соединена с

Семейной; дети из Школы малолетних переведены в Детский ночлег и Кузнецовское женское училище; пенсии сокращены наполовину, а единовременные пособия производились лишь при крайней необходимости [З, л. 84-84 об.]. В таком виде Общество просуществовало недолго. В апреле 1855 года в 135 номере «Санкт-Петербургских ведомостей» появилось извещение о его закрытии.

Взаимоотношения Императорского Человеколюбивого Общества и Общества посещения бедных прямым образом отражают отношения власти и частной инициативы в первой половине XIX века. Их изучение показывает, что поставленная под государственный контроль частная благотворительность, только начавшая принимать относительно оформленный вид и свидетельствовавшая о том, что в российском обществе стремительно началось формирование осознания социальной ответственности, встретила ряд трудностей на пути своей деятельности. Этот процесс развития частной благотворительности, которая в действительности являлась эффективным рычагом решения социальных проблем, тормозился властью. Происходило это потому, что государство, опасавшееся возникновения оппозиционных элементов в обществе, было вынуждено ставить под контроль всякую частную деятельность. Популярность же Общества обусловила сначала возникновение подозрений в его адрес, а впоследствии и необходимость его подчинения. Подконтрольность государству стала решающим фактором, с которым Общество не смогло справиться, а потому было вынуждено прекратить своё существование.

Библиографический список

1. Полное собрание законов Российской империи. Том 16. Часть 2. №15002.
2. Пятковский А.П. Биография князя Одоевского // Исторический вестник. Т. 1. 1880.
3. Российский государственный исторический архив. Ф. 768 (Човеколюбивое Общество). Оп. 2 (1816-1918 гг.). Ед. хр. 132 (Дело по Обществу посещения бедных. 9 марта 1853 г.).

А.А. Зверева

Самарский национальный исследовательский университет

ДИСКУССИИ В САМАРСКОМ ГУБЕРНСКОМ КОМИТЕТЕ ПО УЛУЧШЕНИЮ БЫТА ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН

Невозможно найти события в истории России всего XIX в., которое по масштабам и глубине воздействия на все сферы жизни могло бы сравниться с «великими» реформами 1860-1870 гг., локомотивом которых являлась крестьянская реформа. Проблеме подготовки и осуществления крестьян-

ской реформы не только в государственном масштабе, но и на региональном уровне посвящены труды публицистов, общественных деятелей и ученых.

Дискуссии в Самарском губернском комитете по улучшению быта помещичьих крестьян были вызваны как различиями во взглядах его членов, так и стремлением прийти к компромиссу по ключевым моментам предстоящей реформы. В составе комитета сразу обнаружилось две группы депутатов, кардинально отличавшиеся друг от друга взглядами на грядущую реформу. Комитет состоял из 16 человек, председателем его являлся самарский губернский предводитель дворянства А.Н. Чемодуров. В состав комитета также были включены два члена от правительства: Ю.Ф. Самарин и Н.Л. Муханов [6, с. 68]. Либерально настроенную, небольшую часть депутатов возглавил Ю.Ф. Самарин. Основу его составляла та часть среднепоместных дворян, которая связывала свое будущее с перестройкой хозяйства на новые экономические «рельсы». В самарском губернском комитете активную роль играли братья И.Д. и А.Д. Лазаревы, которые время от времени также разделяли позицию Ю.Ф. Самарина. С одной стороны, И.Д. Лазарев отмечал, что «крестьяне не только нерадивы, грубы и непослушны, но и просто бунтуют... Поправить это дело теперь, по моему мнению, можно только военным построем» [1, л. 11, 19]. С другой же, братья Лазаревы рассматривали крестьянскую реформу, как средство для улучшения собственного материального положения, в основном за счет выплаты крестьянами высоких выкупных платежей.

Консервативных дворян, с трудом мирившихся с грядущей крестьянской реформой возглавил Бугурусланский предводитель дворянства И.П. Рычков. В губернском комитете сложилась противоречивая ситуация, о чем свидетельствует письмо Ю.Ф. Самарина к А.И. Кошелеву: «Мы держимся только примерным хладнокровием, ангельским долготерпением и безукоризненностью обращения» [2, с. 431]. Представители высшего сословия, которые обладали крупнейшими поместьями на территории губернии, например, граф В.П. Орлов-Давыдов, считали, что данные изменения напрямую ведут к подрыву не только материального благосостояния дворянства, но и его политического значения. Часть среднепоместных дворян, которые вели свое хозяйство на основе использования барщинного труда, особенно в условиях многоземелья Самарской губернии, опасалось освобождения крестьян и также придерживалось консервативных позиций [3, с. 63].

Либерально настроенные представители высшего сословия выступали за немедленную и полную отмену личного права, в отличие от консерваторов, которые были против любых предоставляемых свобод крестьянскому населению. Так, большинство из последних, проголосовало против разрешения крестьянам поступать на военную службу по собственному желанию. С.П. Шелашников, первый губернский предводитель самарского дво-

рянства, был против полной отмены помещичьего права отдавать срочнообязанных крестьян на работу и во временное владение. Он же, обосновывая право помещика переводить дворовых в крестьяне, в «особом мнении» отмечал, что дворовые в имениях Самарской губернии назначались только по необходимости, вопреки желанию помещика (несостоятельные крестьяне, вдовы, старики, несовершеннолетние дети), а потому «сословие дворовых...не что иное, как род богадельни» [4, с. 179]. В этом вопросе его поддержал И.П. Рычков. Ю.Ф. Самарин обосновывал необходимость отмены права перевода из дворовых в крестьяне именно большими возможностями для злоупотребления властью в этом вопросе, а также неспособностью дворовых, привыкших к совершенно другим условиям жизни, исполнять крестьянские работы. По мнению Н.М. Селиверстовой, в этом вопросе либеральное крыло не только защищало право помещика на землю, но и сокращало по возможности число претендентов на нее [3, с. 66].

Ожесточенные споры в комитете вызвал и вопрос об усадебной оседлости крестьян. В основном помещики не понимали его важности и пытались увеличить цену за усадьбу до небывалых размеров. Однако умеренные либералы сознавали, что крестьянин вряд ли пойдет на выкуп усадьбы, если ему не предоставить одновременно возможность выкупить хотя бы незначительный надел пахотной земли. В результате выкупа крестьянином земли, помещик получал дополнительные средства и свободные руки для организации собственного хозяйства на оставшихся земельных площадях. Но в правительственной «Программе для занятий губернских комитетов» предусматривался только выкуп усадьбы. Опираясь на «Программу...» консерваторы всячески сопротивлялись наделению крестьян землей. Столкнувшись с данной ситуацией, Ю.Ф. Самарин отмечал: «Хотя я в душе своей питаю глубочайшее отвращение к переворотам и насилиям всякого рода..., но иногда приходит на ум, что сильная всеобщая встряска для нас необходима, хотя бы для того, чтобы покончить с дворянской ленью, пробудить нас от хронической спячки и очистить нравственную атмосферу» [5, с. 25].

Дискуссионным вопросом стала проблема дальнейшего существования крестьянской общины. Ю.Ф. Самарин и его сторонники выступали за сохранение общины и видели в круговой поруке залог исправного платежа повинностей. Противостоял данной позиции «крепостник» Б.П. Обухов. Он считал, что индивидуальная крестьянская собственность должна предохранить, в первую очередь, дворянское общество от опасного развития «корпоративного духа».

В итоге, под влиянием изменившейся позиции правительства, большинство членов комитета, согласилось с наделением крестьян участком пахотной земли, а также предоставило право выкупать усадебную землю отдельно от пахотной, однако, считало эти действия разорительными для собственных хозяйств.

Библиографический список

1. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.430. Оп.1. Д.644.
2. Самарин Ю.Ф. Крестьянское дело с июня 1859 по апрель 1861 гг. // Сочинения. М., 1911. Т. 4.
3. Селиверстова Н.М. Самарское дворянство накануне реформы 1861 года // Самарский краевед. 1994. С. 58-63.
4. Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983.
5. Левашов В. Реформа 1861 года в Самарской и Симбирской губерниях. Куйбышев, 1940.
6. Посталюк Ю.С. Позиция дворянства Самарской губернии в период подготовки реформы помещичьей деревни // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. № 6-1.

В.Ю. Анисимова

Тамбовский государственный университет

ДВОРЯНЕ САТИНЫ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЗЕМСТВ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (ПО МАТЕРИАЛАМ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

1 января 1864 года вышло «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», которое вводило выборное местное самоуправление [7, с. 297]. Анализ осуществления земской реформы 1864 года ставит вопрос о роли поместного провинциального дворянства в структуре местного самоуправления. Постараемся на примере тамбовских дворян Сатиных рассмотреть земскую деятельность российского дворянства в пореформенный период.

Сатины неоднократно избирались гласными в земские учреждения губернии, принимали активное участие в подготовке докладов по важным общественно-политическим вопросам, возникавшим в процессе формирования гражданского общества в России в конце XIX – начале XX столетия. В 1870-1890-е гг. в уездные земские собрания по Тамбовской губернии избирались А.А. Сатин, М.И. Сатин, А.И. Сатин-по Тамбовскому уезду; Е.И. Сатин, Е.Е. Сатин-по Кирсановскому уезду; И.И. Сатин-по Спаском уезду [2, с. 4].

К примеру, гласный Тамбовского уезда Александр Александрович Сатин на заседании Тамбовского губернского земского собрания в декабре 1887 года выступил с докладом об устройстве сельскохозяйственной выставки в Тамбове, о страховании посевов от градобития. Доклад Сатина был одобрен большинством голосов и принят [3, с. 4-7]. На другом очередном заседании, председателем управы был подготовлен доклад по вопросу организации в Тамбове шерстяной ярмарки. Гласный А.А. Сатин выступил

против организации ярмарки, аргументируя свою позицию тем, что не стоит тратить деньги на данное мероприятие, польза которого будет незначительной, а разумнее потратить финансы более целесообразно. С Сатиным согласился гласный А.Н. Чичерин, но им возразил И.Х. Палеолог. Собрание нашло, что нет оснований ходатайствовать об открытии шерстяной ярмарки [3, с. 78].

Важное значение и перспективы развития имела деятельность земств по народному образованию в Тамбовской губернии. В 1904 году Н.Н. Сатин избран в члены Тамбовской земской управы на трехлетие. Его внимание было направлено на открытие и финансирование сельских школ. В частности, на имя гласного Н. Сатина в Тамбовскую уездную управу неоднократно направлялись просьба об открытии школы в д. Ивановка, Степановской волости, возведение которой закончилось к началу 1906 года [1, л. 4-5].

Еще один гласный, Александр Иванович Сатин заботился о содержании земских школ, что мы можем наблюдать из многочисленных его заявлений с просьбами выдать финансовые средства. В итоге на 13 школ в деревнях: Ивановка, Пахарево, Тимофеевка, Осиповка, Верхоценье, Беляевка, Серединовка, Гавриловка, Понзарь, Павлодар, Михайловка, Степановка и Солонцовка было получено 1156 рублей, 52 копейки [4, с. 310].

Также на земства была возложена ответственность за организацию почтового сообщения внутри уездов. Земских деятелей волновала проблема отсутствия средств коммуникации в населенных пунктах. Так, А.И. Сатин на очередном Тамбовском уездном земском собрании сессии 29 сентября 1906 года пытался решить задачу о земских ставках в селе Каменка. По его мнению, ситуация, когда в селе имелась одна тройка лошадей для доктора и пара для почты, а проезжие вынуждены были брать обывательских лошадей, крайне нерациональна. Поэтому необходимо завести в Каменке земскую ставку. В связи с этим докладом было внесено предложение ходатайствовать об открытии земской ставки, а также удовлетворить предложение гласного Николая Ивановича Сатина об открытии при почтовой станции Сатино правительственной телеграфной конторы, но без субсидии от Земства [5, с. 9].

Еще один случай демонстрирует активную позицию Сатиных в местном самоуправлении. Администрация Тамбовской губернии в сентябре 1906 года из финансовых соображений решила перенести призывные пункты из Рассказово и Бондарей в г. Тамбов. С таким докладом открылось очередное заседание земского собрания. Сатины Николай Николаевич и Александр Иванович выступали категорически против такого решения, ссылаясь на то, что перенос призывных участков тяжело отразится на призывниках и их семьях. С Сатиными согласилось большинство гласных, и доклад был согласован в их пользу [5, с. 12].

Следующая задача-решение вопроса об учреждении фельдшерских пунктов в сельских местностях, об открытии библиотек, пожарных станций. Гласные Н.Н. Сатин, А.И. Сатин на заседаниях активно отстаивали позицию скорейшего решения данных проблем [5, с. 12].

В этот же период в работе земства Кирсановского уезда проявил себя Евгений Евгеньевич Сатин, занимавший должность гласного с 1908 года. Отдельные примеры некоторых заседаний земства заслуживают внимания и помогают сделать соответствующие выводы о роли данной личности в местном самоуправлении. Образование населения для Сатина являлось одним из главных направлений. Подтверждением вышесказанному служит следующий пример. На чрезвычайном собрании 24 августа 1910 года был заслушан доклад о пособии малоимущим ученицам кирсановской гимназии. Управа предлагала ассигновать некоторую сумму денег, в ответ на это Сатин предложил направлять деньги именно в гимназию, а не обществу вспомоществования нуждающимся, и отслеживать, куда именно идут ассигнования [6, с. 3]. Подобная ситуация сложилась на заслушивании следующего доклада «По ходатайству взаимопомощи учащим и учившим в начальных училищах Тамбовской губернии». По словам гласных Е.Е. Сатина и В.М. Андреевского «земство весьма хорошо приходит на помощь учителям, однако Общество это не дает отчёта кому и как расходует деньги, а потому полагали бы отклонить или узнать об этом Обществе и дать ответ» [6, с. 26].

Таким образом, представители потомственного дворянского рода Сатиных не остались в стороне, не стали пассивными зрителями общественных процессов. Они участвовали в деятельности органов местного самоуправления. Хоть Сатины и не внесены в список популярных деятелей тамбовского земства, но они внесли свой вклад в развитие нашего края. Кто-то из данного рода являлся действительно сторонником широкого земского самоуправления, с энтузиазмом отстаивал право земских органов на расширение их полномочий. Однако не следует исключать предположение, что активное участие дворян Сатиных в органах местного самоуправления порою отличалось лишь их эгоистическими целями, а не гуманными намерениями служения своему народу.

Библиографический список

1. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 145. Оп. 1. Д. 2345.
2. Журналы Тамбовского губернского земского собрания декабрьской сессии 1880 года с приложениями. Тамбов: Тип. губ. земства, 1881.
3. Журнал очередного Тамбовского губернского Земского собрания, бывшего в декабре 1887 года. С приложениями. Тамбов: Губ. зем. Тип., 1888.
4. Журнал губернского земского собрания февральской сессии 1894 года с приложениями. Тамбов: Губ. зем. тип., 1906.
5. Журналы очередного Тамбовского уездного земского собрания. Сессии 1906 года. С приложением. Тамбов: Губ. зем. тип., 1907.

6. Журналы чрезвычайного Кирсановского земского собрания сессии 1910 года 24-27 сентября. Тамбов: Губ. зем. тип., 1911.

7. Хрестоматия по истории России: учеб. Пособие / авт.-сост. А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. Москва: Проспект, 2016.

Е.О. Айзенштадт

Самарский национальный исследовательский университет

ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНИ М. ВИНАВЕРА

Еврейский вопрос на протяжении истории еврейского народа является одним из самых острых и противоречивых. Существовало несколько причин, из за которых менялось положение евреев в разных странах: во-первых, это смена правителей и следовательно смена внутривнутриполитического курса, во-вторых, это революционные события, которые меняли гражданское положение различных социальных слоев, в-третьих, это изменения во внешнеполитической обстановке [1]. В России до первого раздела Польши не проживало евреев. Именно поэтому в России происходило слияние польского и еврейского вопросов. В связи с этим вначале происходила изоляция евреев Польши от остального еврейского населения, что неизбежно приводило к возникновению существенных отличий одних от других [2].

Анализируя детство и школьные годы М. Винавера, который был рожден «польским евреем», мы можем увидеть, насколько различалось положение евреев Царства Польского от евреев остальной части России, в частности, евреев «черты оседлости». Это было связано с тем, что после присоединения Польши к России Царство Польское обладало уникальной правовой системой: на территории Польше действовал кодекс Наполеона и местное законодательство о евреях. При этом в 1862 г. по указу Александра II польские евреи были уравнены во всех гражданских правах с местным населением. Именно равное положение евреев Польши с местным населением способствовало более быстрому процессу аккультурации. У евреев в Царстве Польском этот процесс начался гораздо раньше, чем у евреев, проживавших на территории Российской империи. Так к середине XIX в. еврейская община в Варшаве являлась самой ассимилированной и аккультурированной общиной во всей Российской империи [1]. Так М. Винавер не испытывал никаких притеснений ни со стороны учителей, ни со стороны учеников, что говорит об отсутствии какого-либо неравенства и следовательно проявлений неприязни [3].

В университетские годы М. Винавера Александр II проводит целый ряд реформ способствовавших достаточно свободной жизни евреев в Царстве

Польском. Евреи получают значительные права и, самое главное, свободу передвижения. Несмотря на сохранившуюся черту оседлости они стали более свободно проникать за ее границу. Но это способствовало скорее ухудшению положения польских евреев, так как для лучшей жизни евреи черты оседлости стали перемещаться в Царство Польское. В связи с этим в Царстве Польском стало формироваться негативное отношение к евреям, поляки считали, что они захватывают все сферы общественной жизни. При этом после ужесточения русификаторской политики в Польше евреев из «черты оседлости» считали проводниками этой политики, что способствовало усилению юдофильских настроений в обществе [5].

При Александре III активная политика русификации в Польше, проводимая через образование, в частности, через Варшавский университет, в котором обучался М. Винавер, способствовала ухудшению положения польских евреев. В первую очередь всю тяжесть жесткой национальной политики испытала еврейская интеллигенция, так как началась чистка Варшавского университета от польского и еврейского элемента. Проводилась политика ограничения их профессиональной деятельности. Теперь им было запрещено преподавать, заниматься научной деятельностью. Круг разрешенных специальностей ограничивался юриспруденцией, медициной и журналистикой. Запрет мог сниматься при условии смены религии. Поэтому М. Винавер после окончания университета отказался от научной карьеры и стал адвокатом.

Из-за отсутствия перспектив в Российской империи в научной деятельности М. Винавер мигрирует в Петербург для борьбы за права евреев в России. Причем, при переезде в Петербург Винавер не ставил перед собой такой цели, но политика очищения адвокатуры от евреев, причем даже тех, кто уже сменил религию, вынуждала его поменять масштаб своей адвокатской деятельности от защиты гражданских интересов отдельных евреев до защиты всего еврейства в Государственной Думе. Этот путь был единственным для еврейской интеллигенции в России [5]. Это вытекает из правовой свободы евреев. В России из-за отсутствия каких-либо перспектив в своей профессиональной деятельности евреям за это приходилось бороться [6]. Собственно политика штатланута, активно проводимая М. Винавером, которая была направлена на защиту интересов еврейского населения, была единственным выходом. Именно поэтому в России было активное еврейское движение, которое к 1907 г. перерастает из либерального в радикальное. Очевидно, что именно представители русской интеллигенции составляли основу этих движений, политических партий и т.д. В первую очередь, это было связано с массовыми погромами, охватившими практически всю страну, роспуском I Государственной Думы и провалом прогрессивных сил, в том числе, и кандидатов-евреев, на выборах во II, а затем и в III Думу [7].

Евреи России и в частности Царства Польского в своем большинстве в первую очередь идентифицировали себя с еврейским этносом. Однако как

способ социальной адаптации для евреев была характерна множественная идентичность. С одной стороны им была присуща идентификация с тем народом, который господствовал в той или иной области. С другой стороны они ощущали себя частью всей империи. Поэтому очень частым явлением среди евреев был кризис идентичности, когда человек не мог определиться с доминирующей идентичностью. Этот кризис стал следствием трансформации традиционного уклада жизни.

Библиографический список

1. Винавер Р.Г. Воспоминания / Подготовка к печати и комментарии В.Е. Кельнера и О.А. Коростелева // Архив еврейской истории / Под ред. О.В. Будницкого. Т. 7. М., 2012.
2. Винавер М. Конфликты в Первой Думе. СПб., 1907.
3. Кельнер В.Е. Щит М.М. Винавер и еврейский вопрос в России в конце XIX – начале XX века. СПб., 2018.
4. Кельнер В. М.М. Винавер и еврейский вопрос в Первой Государственной думе. СПб., 2018.
5. Солженицын А.И. Двести лет вместе: В 2 т. Т. 2. М.: Русский путь. 2002.
6. Ben Halpern «The Jewish Consensus», Jewish Frontier. Sept., 1962.
7. Hodl K. Wiener Juden-judische Wiener: Identität, Gedächtnis und Performanz im 19. Jahrhundert. Innsbruck, 2006.
8. Klier J. D. Russian, Jews, and the Pogroms of 1881-1882. Edmonds. Oxford, 1989
9. Nusbaum-Hilarowicz J. Pamietnik przyrodnika: autobiografia / Jzyef Nusbaum-Hilarowicz, Lwyw, 1921.

А.О. Кисленко

Казанский (Приволжский) федеральный университет

КОНТРОЛЬ ЗА ВЫРУБКОЙ ЛЕСА И ЭКОЛОГО-САНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЗАНСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ В 1870-1880-Х ГГ.

Контроль за вырубкой городского леса являлся и является одной из важной составляющих деятельности органов местного самоуправления, особенно во второй половине XIX в., когда промышленный переворот в Российской империи требовал больших ресурсов, в том числе и лесных. Как замечает Н.П. Белоусова «С приходом капиталистического производства лес становится предметом купли и продажи во все возрастающих масштабах» [2, с. 33]. Справедливо отмечено, что «Наращение темпов промышленного переворота – строительство железных дорог, внедрение паровозов, рост промышленности и городского населения, усиленная распродажа помещичьих лесов – многократно увеличило лесоистребление» [1, с. 179]. Проблемы, связанные с лесным хозяйством, были одной из

главных тем и на заседаниях Казанской городской думы в 1870-1880-х гг. Проблема поднималась за эти годы несколько раз. Причины активного обращения к ней отчетливо отражены в постановлениях и протоколах Казанской городской думы – главном комплексе источников по теме исследования.

С одной стороны, городской лес служил одним из источников дохода городской казны. Первоначально вырубка и восстановление городского леса проходила в соответствии с утвержденной в 1871 г. Думой системой вырубки. Однако впоследствии эта система была скорректирована. Так, один из гласных – И.В. Рябчиков – на заседании Думы от 5 февраля 1888 года утверждал, что система вырубки была нарушена, поэтому он просил назначить комиссию «для исследования положения городского лесного хозяйства». Большинство гласных было солидарно с необходимостью проведения проверки, не соглашаясь, однако, с отменой торгов на продажу леса. Торги по продаже леса утвердили. Согласно докладу комиссии, озвученному на заседании от 15 ноября 1888 г., ее члены пришли к выводу, что нарушение сложившейся системы вырубки действительно было, но это была не вина городского лесничего. Во-первых, комиссией отмечалось, что в условия, заключенные между городским лесничим Кондратовичем с Городской думой, не входило обязательное исполнение предначертаний в рамках утвержденной системы вырубки. [5, с. 1497]. Во-вторых, нарушением стала вырубка 176 десятин леса Пчелиным и Грободеловым, которые «быть может, невольно нанесли первое и самое тяжелое поражение стройной системе» [5, с. 1494]. В-третьих, сыграло роль постановление Думы 1883 г. о запрете вырубки хвойного леса близ озера Лебяжьего. Выводы И.В. Рябчикова о неправильных подрубках посчитали безосновательными. Городская Управа регулярно докладывала Думе о проведенных торгах. Например, на заседании от 25 февраля 1874 г. по итогам торгов был решен вопрос о предоставлении на выруб ольховых рощ купцом А.П. Алексеевым с условием, чтобы молодой лес не подвергался вырубке с целью обсеменения вырубленной местности [3, с. 126-127]. Вопрос о ценовой политике был одной из центральных тем прений между гласными. Так, на заседании от 19 марта 1891 года утверждалось, что цена лесного материала «настолько низка, что едва ли можно такую встретить в более отдаленной местности от города, где близко нет сплавных рек и удобного сбыта» [6, с. 273].

Однако, с другой стороны, рассмотрение проблем лесного хозяйства отражало озабоченность некоторых гласных Казанской городской думы экологической стороной вопроса, ведь вырубка городского леса могла влиять не только на изменение ландшафта, но и на экологическое благополучие города. Так, на заседании от 5 февраля 1888 г. И.В. Рябчиков в рамках особого мнения отмечал, что он не может согласиться «на вырубку леса, потому что это единственное сокровище города, которое дает доход ему и

здоровье горожанам, которые имеют дачи в нем...» [5, с. 156]. Примечательно, что несколько позже тот же гласный выступал против торгов лесом, утверждая, что по составленным лесничим сметам, вырубка будет происходить в районе озера Лебяжьего, где запрещена вырубка более, чем на 100 верст [6, с. 273]. Он отмечал, «что лес, с разрешения г. Кондратовича уже давно рубят, хотя торги окончательно не утверждены» [6, с. 317]. В ответ Управа возражала, что ближайший к Лебяжьему участок вырубки находится на расстоянии 150 саженей от озера [6, с. 306]. Постановлением Думы торги утвердили, «оставив особое мнение гласного И.В. Рябчикова без уважения» [6, с. 322].

Озабоченность большинства гласных вопросом влияния вырубки леса на обмеление рек отразилась на решениях по другим вопросам. Так, одним из главных аргументов против выкупа водопровода Городским Общественным управлением до окончания срока концессии стала производившаяся вырубка леса. Некоторые гласные полагали, что значительно вырубленный за 50 лет лес в районе р. Киндерки — основного источника городского водопровода — повлияет на ее обмеление и таким образом, возникнут проблемы с водоснабжением [4, с. 431].

Таким образом, изучение документов органов местного самоуправления дает представление не только об усилении воздействия антропогенного фактора на окружающую среду в условиях быстрого развития промышленности и увеличения потребления природных ресурсов. Изучение документов позволяет говорить о том, что гласные озвучивали и пытались учитывать и минимизировать эколого-санитарные угрозы и риски города, связанные с вырубкой леса.

Библиографический список

1. Истомина Э.Г. Лесное хозяйство губерний Европейской России в XIX — начале XX в.: механизмы управления и охраны // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2014. С. 169-184.
2. Белоусова Н.П. Охрана и использование лесного фонда Российской империи в конце XIX в. // Вестник ТГУ. Выпуск 4 (60), 2008. С. 33-35.
3. Постановления Казанской городской думы за 1874 год. Казань: б.и. 500 с.
4. Протоколы заседаний Казанской городской думы с 8 апреля 1883 года по 1 января 1884 года. Казань: Типография М.А. Гладышевой, 1884. 449 с.
5. Протоколы заседаний Казанской городской думы 1888 года. Казань: Типография «Казанского Биржевого Листка», 1888. 1885 с.
6. Протоколы заседаний Казанской городской думы с 8 декабря 1890 года. Казань: Типография Н.А. Ильяшенко, 1891. 1683 с.

САМАРСКИЕ ДЕПУТАТЫ I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И ВЫБОРГСКОЕ ВОЗЗВАНИЕ

27 апреля 1906 года вошел в историю России, как день открытия работы I Государственной Думы. 13 мест в ней заняли представители от Самарской губернии, среди которых шесть были представителями конституционно-демократической фракции, трое примыкали к трудовой группе, еще трое не присоединялись ни к одной депутатской группе, а один депутат вошел в состав фракции социал-демократов. Социальный состав самарских избранников был пестрым: семеро – выходцы из крестьян, трое – дворяне, два представителя интеллигенции и 1 немецкий крестьянин-колониист [1, с. 283-295]. «Дума надежд», как ее называли, надежд самарцев не оправдала. Проработав 72 дня, 9 июля она была распущена. Подобное поведение власти вызвало возмущение депутатского корпуса, в свою очередь, вылившееся в появление Выборгского воззвания – обращения бывших избранников народа к населению Российской империи, требовавшее протестовать против роспуска Думы. Цель данной статьи проанализировать отношение самарских депутатов к Выборгскому воззванию и определить его влияние на их дальнейшую политическую деятельность.

Большинство народных избранников считали нижнюю палату парламента единственным легитимным органом власти, а потому признали ее роспуск нарушением прав народа [2, с. 113]. 10 июля в гостинице «Бельведер» в Выборге Воззвание подписали 180 бывших депутатов Государственной Думы, среди которых были 5 представителей от Самарской губернии: А.А. Андреев (трудовик), В.Ф. Балясников, П.П. Крылов, Д.Д. Протопопов (все – кадеты), И.Е. Шувалов (меньшевик). Были и те, кто присоединились к нему позже. Например, кадет В.А. Племянников поддержал его заочно, телеграммой [3]. Не подписали документ самарские депутаты-крестьяне. По мнению депутата Н.А. Бородина, крестьяне не поехали в Выборг, потому как для них поездка в Выборг, сопряженная с расходами и неизвестностью, являлась делом необычным, от которого они и воздержались [4, с. 242]. К тому же, депутатов-крестьян волновал, в основном, земельный вопрос, а такой политический шаг, как подписание Воззвания их интересовал намного меньше.

16 июля 1906 года против подписавших Воззвание было начато уголовное преследование. Установить подозреваемых было несложно, факт подписания почти никто не отрицал. Показателен, например, допрос самарского депутата В.Ф. Балясникова, состоявшийся 23 ноября 1906 года. На вопрос следователя о самом Воззвании Балясников ответил приблизительно следующее: «10 июля, в городе Выборге подписал вместе с другими

депутатами Манифест к народу от народных представителей. Виновным себя не признаю и от дачи каких-либо других показаний об этом деле отказываюсь» [5]. Основной судебный процесс над подозреваемыми проходил 12-18 декабря 1907 года. 165 депутатов, в том числе и пять гласных от Самарской губернии были признаны виновными по статье 129 Уголовного уложения [2, с. 114].

Следствием было выявлено несколько фактов распространения Манифеста бывшими депутатами. Так, летом 1906 года в ходе осмотра земской почты Николаевского уезда Самарской губернии было вскрыто пять писем с образцами Воззвания. При осмотре конвертов, работники земской управы признали, что адреса на них написаны рукой бывшего служащего управы и бывшего члена Думы Дмитрия Протопопова. Это предположение было подтверждено и каллиграфической экспертизой. Сам Протопопов во время судебного процесса признался в содеянном [4, с. 14-15, 30]. Тем же летом, по версии самарских властей, «подобное преступление» совершил и другой бывший самарский депутат Думы Г.Н. Костромитинов. Костромитинов в первых числах августа 1906 года на запрос Таллинского схода о полезности землеустроительных комиссий прислал в ответ письмо, в которое вложил экземпляр Выборгского манифеста [6, л. 1-1об.]. Данное обстоятельство сыграло свою роль уже во время избирательной кампании во II Государственную Думу, когда местные власти стремились ограничить участие в выборах «неугодных» элементов. 2 февраля 1907 года вышло распоряжение об обыске и аресте Костромитинова. Причем, подобная мера пресечения была выбрана местной властью исходя из того, что выборщик Костромитинов пользовался «сильным влиянием» среди населения, и власть опасалась возможности его избрания в новую Думу. 5 февраля Костромитинов был освобожден из-под стражи за подписку о невыезде с места жительства [6, л. 23, 28]. Прямо из тюрьмы он отправился на губернское избирательное собрание. Выборщики встретили его приветливо. Он сказал, что слишком расстроен и измучен, чтобы присутствовать на собрании, и удалился [7, с. 476]. Несомненно, арест Костромитинова закрыл ему дорогу в Думу. Для избрания кандидатом в депутаты II Думы ему не хватило 4 голосов [8].

Таким образом, шесть самарских депутатов поддержали Выборгское воззвание. Не подписали его, в основном, депутаты-крестьяне. Главным последствием Выборгского судебного процесса стало лишение обвиненных самарских депутатов возможности дальнейшего участия в следующих созывах Государственной Думы. Благодаря возбужденному делу по факту распространения депутатом Костромитиновым текста «Воззвания» местная власть смогла «выключить» из избирательного процесса в нижнюю палату Парламента второго созыва еще одного бывшего депутата. Из всех политических организаций Самарской губернии наибольший удар в связи с Выборгским процессом пришелся на кадетов.

Библиографический список

1. Боиович М.М. Члены Государственной Думы (Портреты и биографии). М., 1906.
2. Государственная Дума Российской империи, 1906-1917: энциклопедия. М., 2008.
3. Волжское слово. [Самара], 1914. 26 ноября.
4. Выборгский процесс. СПб., 1908.
5. Волжское слово. [Самара], 1906. 25 ноября.
6. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 468. Оп. 1. Д. 916.
7. Кондурушкин С.С. На выборах // Выборы в I-IV Государственные думы Российской империи : (воспоминания современников, материалы и документы). М., 2008.
8. Голос Самары. 1907. 8 февраля.

С.В. Валево

Оренбургский государственный педагогический университет

ПРИЧИНЫ ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА В СРЕДНЕЙ АЗИИ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ А.Н. КУРОПАТКИНА И А.Ф. КЕРЕНСКОГО

4 июля 1916 года произошло восстание в Средней Азии, непосредственным поводом стал указ о привлечении на тыловые работы в прифронтовых районах мусульманского населения в возрасте от 19 до 43 лет включительно [2, с. 107].

Среднеазиатское восстание 1916 года стало одним из крупнейших вооруженных выступлений коренного мусульманского населения против Российской империи. В современном мире тема данного восстания имеет важное значение для народов, участвовавших в нем, так и для современных взаимоотношений между Россией и государствами Средней Азии.

Очевидцами данного восстания являлись два высокопоставленных должностных лица Российской империи, а именно член Государственной думы А.Ф. Керенский и генерал-губернатор Туркестана А.Н. Куропаткин. Они лучше всех были осведомлены о произошедшем. При этом они находились в разных политических лагерях, поскольку один из них представлял власть, а другой находился в оппозиции этой власти.

А.Ф. Керенский утверждал, что восстание, стало ответом на политику властей. Он утверждал, что указ о «реквизиции инородцев» нарушал законы Российской империи, и ссылка составителей указа на закон о реквизиции неверна. Министры пренебрегали даже основными законами, но и игнорировали интересы и нужды страны, что вызывало многочисленные злоупотребления. Кроме того, на протяжении всей войны с местных жителей постоянно шли реквизиционные сборы, сборы кибиток, мобилизация лошадей и верблюдов для нужд армии и требовали больше, поскольку все равно они не несут и не будут нести другой повинности. В одном из отчете-

тов местной администрации по поводу организации помощи семьям ушедших на фронт русских поселенцев, как утверждает А.Ф. Керенский, говорится, что комиссия надеется на отзывчивость «полудиких кочевников, далеко стоящих от культурной жизни». Кроме того, указ был ошибочно понят населением, которое решило что их отправят рыть окопы на фронте, притом что они будут совершенно безоружны перед противником [3, с. 1].

Сам А.Ф. Керенский заявил, что считает данный приказ невыполнимым, что стало причиной еще больших злоупотреблений со стороны местной администрации, которая сразу осознало возможность «скачкообразного обогащения», новый источник вымогательства [3, с. 1].

А.Н. Куропаткин называл причиной восстания чрезмерно усердную деятельность по отчуждению лучших земель, которые веками принадлежали местным жителям, для образования на данной территории русских поселений. Таким образом, при желании перейти к оседлому образу жизни они получали лишь пахотную землю, а участков для выпаса скота, а так же заготовке зерна были лишены [1, с. 398].

А.Н. Куропаткин отрицательно относился к призыву на тыловые работы, поскольку кочевникам было обещано местной администрацией, что их не будут призывать на службу при условии уплаты реквизиционного сбора, но непродуманное решение царских властей стало последней каплей для жителей региона. Однако отменить решение императора было невозможно, оставалось только подавить восстание [2, с. 110].

В качестве вывода необходимо сказать о том, что, по мнению А.Н. Куропаткина и А.Ф. Керенского, главной причиной восстания была непродуманная политика царского правительства. Даже генерал-губернатор А.Н. Куропаткин, командовавший подавлением восстания, признает непродуманность царской политики в данном регионе. При этом А.Н. Куропаткин считает нерешенный аграрный вопрос главной причиной восстания, в то время как А.Ф. Керенский называет комплекс причин, в том числе злоупотребления русских властей на местах, игнорирования нужд местного населения и прямые нарушения закона как со стороны местной, так и со стороны верховной власти.

Библиографический список

1. Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сб. док. и материалов / МГУ им М.В. Ломоносова, Ин-т всеобщей истории РАН; [сост., авт. предисл., вступ. Ст. и коммент. Т.В. Котюкова]. М.: Марджани, 2016. 468с.

2. Ганин А.В. Уроки туркестанского восстания // Исторический научно-популярный журнал Родина. М.: Молодая гвардия, 2016. №716 (7). С. 107–112.

3. Суюнбаев М.Н. Доклад А. Ф. Керенского о событиях 1916 года в Туркестане на закрытом заседании Государственной думы [Электронный ресурс] // История Кыргызстана и кыргызов. 2015. № 10. Статья 8. URL: https://kghistory.akipress.org/unews/un_post:7039. (дата обращения: 12.06.2019)

ФЕВРАЛЬ 1917 ГОДА И ДУХОВЕНСТВО ОРЕНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ: ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ НОВОЙ ВЛАСТИ

В 2017 году отмечалась 100-летняя годовщина Февральской революции. По всей стране прошли научные конференции, посвященные этой знаменательной дате. Среди широкого круга проблем, поднимался вопрос о взаимоотношении Русской православной церкви и Временного правительства. Данная проблема в основном изучается на материале правительственных учреждений: Святейшего Синода, Министерства Внутренних Дел и других центральных ведомств. Однако региональный аспект церковно-государственных отношений остается малоизученным в отечественной историографии. В этом контексте исследовательский интерес представляет реакция духовенства и мирян Оренбургской Епархии на события Февральской революции.

С первых дней революции прослеживается открытая и активная поддержка Временного правительства Оренбургским епархиальным духовенством, однако на низовом уровне эта реакция была не столь однозначна. 4 марта было опубликовано постановление Святейшего Синода «не помянуть более за молениями «царствующий дом», заменив соответствующие места возношениями о «Богохранимой державе Российской»» [1, с. 1]. На следующий день 5 марта 1917 г. Епископом Мефодием было выпущено воззвание к пастве Оренбургско-Тургайской епархии с призывом принять новое правительство. Оно «есть законная власть, которой должны подчиняться все граждане Российского Государства; такое нарушение не будет нарушением присяги, данной Государю Николаю II, потому что эта присяга снята добровольным отречением» [2, с. 140]. Поддержку получил и вопрос об отмене празднования царских праздников [3, с. 2].

Некоторые Оренбургские епархиальные священники в своих проповедях решительно поддержали свержение царизма. Так на собрании мирян в Челябинске 4 апреля в ответ на обвинение в давлении на прихожан было сказано, «разве мало священников царская власть сгноила в сырых тюрьмах и монастырских казематах ... сколько священников пострадало за свои политические убеждения в 1905 — 1906 гг. по всем епархиям...» [4, с. 3].

Также Русская православная церковь поддержала идею созыва Учредительного собрания. Уже в мартовском номере «Оренбургских епархиальных ведомостей» была опубликована большая статья, содержавшая сведения о преимуществах и недостатках разных форм демократического государственного устройства [5, с. 175]. Описывались преимущества и недостатки конституционно-демократической и республиканской форм правления. Завершалась статья обращением к гражданам определиться и выра-

зить свое мнение на предстоящих выборах в высший представительный орган власти [5, с. 186].

Поддержку Временному правительству Православная церковь оказала и по вопросу о продолжении войны с Германией. Вместе с воззванием о признании нового правительства было отмечено и то, что «враг еще стоит на нашей земле и славной нашей армии предстоят в ближайшем будущем великие усилия» [5, с. 57]. 9 марта было опубликовано воззвание военного министра с призывом необходимости продолжения войны [3, с. 2]. В церковной печати тиражировался призыв приобретать облигации военного займа [6, с. 1].

С тревогой в церковных кругах воспринимались известия о действиях антиправительственной направленности со стороны левых сил. Так было во время апрельских событий в Петрограде, когда стало известно, что возглавляемый Н.С. Чхеидзе Совет рабочих и солдатских депутатов потребовал от Правительства мира без аннексий и контрибуций [7, с. 1]. Церковь негативно отреагировала на это известие и призвала народ продолжать военные действия и поддержать революционное правительство по данному вопросу. В благодарность за проявленную лояльность и поддержку, Русская православная церковь надеялась найти в лице Временного правительства надежную опору и содействие в проведении реформ, необходимость которых осознавалась в церковных кругах [8, с. 1].

Однако, несмотря на поддержку церковью Временного правительства, ряд церковнослужителей отказалось его признавать. Приходские священники по-прежнему упоминали императора Николая II в молитвах, а некоторые из них даже не скрывали своего враждебного отношения к правительству Георгия Львова [1, с. 1]. В апреле месяце за приверженность старому строю был отстранен от должности священник села Исаево протоирей Н. Балалаев [9, с. 3]. Настоящий самосуд был учинен над 62-летним священником села Ново-Дмитриевка Оренбургского уезда Александром Поповым. Подстрекаемые солдатами жители села силой выволокли священника из дома и отправили под конвоем сначала в волость, а затем в Оренбург. Как выяснилось, вина батюшки заключалась лишь в том, что он вовремя не предал гласности распоряжения комитета общественной безопасности. В итоге А. Попову было запрещено церковное служение [10, с. 4]. По одному лишь подозрению в нелояльности в июле 1917 г. административному расследованию подвергся священник Челябинского пересыльного пункта В. Демидов. Суд признал его виновным на том основании, что «хотя антиреволюционный характер беседы ... не доказан следованием, но по мнению совета о. Демидову не следовало вести в храме беседы на политическую тему, как это и было признано на совещании пастырей 11 марта» [11, л. 43об]. В первые месяцы после революции в Оренбургской епархии обнаруживались приходы, духовенство которых не знало или делало вид, что не знало о смене государственной власти, о чем информировал своих читателей «Оренбургский церковно-общественный вестник» [1, с. 2].

Таким образом, привлеченные источники указывают, что Оренбургское епархиальное духовенство, следуя указанию синодальных властей, в целом поддержало новую демократическую власть, в тоже время отдельные представители приходского клира допускали в своих проповедях критику нововведений и продолжали молиться за здоровье свергнутого царя и его семьи.

Библиографический список

1. Чернавский Н. Опасность хождения // Оренбургский церковно-общественный вестник. Оренбург, 1917. №6.
2. Мефодий. Воззвание // Оренбургские епархиальные ведомости. Оренбург, 1917. №9-10.
3. Правительственные акты // Оренбургский церковно-общественный вестник. Оренбург, 1917. №2.
4. Странник. Церковная жизнь // Оренбургский церковно-общественный вестник. Оренбург, 1917. №5.
5. Указы святейшего синода // Оренбургские епархиальные ведомости. Оренбург, 1917. №11-12.
6. Заем свободы // Оренбургский церковно-общественный вестник. Оренбург, 1917. №3
7. Чернавский Н. Тревожный момент // Оренбургский церковно-общественный вестник. Оренбург, 1917. №6.
8. Задачи момента для духовенства // Оренбургский церковно-общественный вестник. Оренбург, 1917. №3.
9. Общественное собрание Оренбурга // Оренбургский церковно-общественный вестник. Оренбург, 1917. №3.
10. Вести из епархии // Оренбургский церковно-общественный вестник. Оренбург, 1917. №2.
11. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 173. ОП. 4. Д. 7920.

М.С. Герасимова

Самарский государственный социально-педагогический университет

«ГАЛЛИПОЛИ БЫЛ ЗАНЯТ БЕЗ БОЯ...» – «ГАЛЛИПОЛИЙСКОЕ СИДЕНИЕ» В ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОГО ОБЩЕВОИНСКОГО СОЮЗА

«И на всем мире это был единственный угол, где жила Россия» [3, с. 434]. После эвакуации из Крыма, самым многочисленным и сплоченным образованием русской военной эмиграции являлись воинские формирования Русской Армии генерал-лейтенанта барона П.Н. Врангеля. Поделенная на три корпуса армия пребывала в лагерях Галлиполи, Лемноса и Чаталджи. В сложившейся обстановке возможность выживания армии, как социально-политического организма и обособленной общественной группы в беспрецедентных условиях пребывания на территории других госу-

дарств, становилась для командования первоочередной задачей. Деникин А.И. писал: «На тернистом пути Добровольческой армии было три этапа: Орел – ее слава; Новороссийск – ее несчастье; Галлиполи – ее испытание» [1, с. 1]. Штаб Врангеля остался в Константинополе (109 офицеров, 575 солдат и казаков). С генералом А.П. Кутеповым отправились 9 тыс. 363 офицера и 14 тыс. 698 солдат – это были все регулярные части. Донской корпус генерала Ф.Ф. Абрамова составил 1 тыс. 977 офицеров и порядка 6 тыс. казаков. На Лемнос было переправлено 300 офицеров и 2 тыс. казаков Кубанского корпуса генерала М.А. Фостикова. Помимо военных, при армии оставались более 2 тыс. женщин и более 500 детей [7, с. 720]. Русский военный флот в составе 30 судов с личным составом в 6 тыс. человек ушли в Бизерту (Тунис). Большая же часть Русской армии высадилась в Галлиполи [2, с. 29]. В городе разместились штаб корпуса, нестроевые части и учреждения, военно-учебные заведения, гражданские лица, в лагере – 1-я пехотная и кавалерийская дивизии, беженский батальон [5, с. 16]. Условия, в которых пришлось обустраиваться на новом месте, были не простыми. На улице стоял холодный ноябрь, часто шли дожди. Жили в палатках, дров было катастрофически мало для того, чтобы обогреться и просушить одежду. Простуда и ревматизм становились частыми спутниками галлиполийцев. Проблемы с продовольствием себя ждать тоже не заставили. Своих запасов было мало, надежда была на французов, но и здесь были неурядицы, т.к. прибыло много людей, обеспечить всех питанием было затруднительно. Люди получали пайки, но даже не знали чего, и сколько им было положено, часто всё раздавалось «на глаз» без взвешиваний. В целом же цена дневного рациона на одного человека составляла примерно 2 фр. [3, с. 62-70].

Командовал 1-м корпусом А.П. Кутепов. Он провёл реформирование частей, сведя укрупнённые полки в дивизии [6, с. 452]. Лагерь был организован по всем военным правилам – выставлялись караулы, службу несли суточным нарядом, регулярно проходили занятия строевой подготовкой. Свободное время тратили на благоустройство лагеря – делали дороги, въезд в лагерь, навесы для знамён, полковые вензеля, из тростника и подручным материалов плели койки, делали циновки и матрацы. Для поддержания порядка восстановили Суды чести и военно-полевые суды [7, с. 722]. 21 ноября 1920 г. было принято решение о введении должности русского коменданта г. Галлиполи. К компетенции русского коменданта относились: регистрация всех русских эмигрантов; контроль над деятельностью квартирного отдела; организация санитарной части; наблюдение за порядком и организация охраны города; судопроизводство; создание тюрем и контроль над содержанием арестованных и др. В 1921-1923 гг. в Галлиполи действовали военно-учебные заведения, многочисленные кружки, общества. В течение 1921 г. были созданы театральные труппы: корпусная, дивизионная, лагерного сбора, полковые. Их участники поставили свыше

80 спектаклей. Действовал церковный хор, постоянно организовывались концерты [5, с. 17].

Однако отметим, что в умах, лишённых дома и средств к существованию, жила лишь забота о том, как выжить. Многие офицеры, покинувшие армию, стали создавать свои «союзы» или «лиги», по сути, лишённых какой-либо силы. Французы вели агитацию и вербовали беженцев и военных в Иностраннный легион для войны в Алжире [7, с. 721]. Помимо этого, эмигрантам предлагали записываться на переезд в Бразилию, Перу, Мадагаскар: «Франция не может продолжать до бесконечности пожертвования, требуемые для содержания русских беженцев; они сами должны выбрать из трёх нижеследующих решений: 1) заботиться самим о существовании, 2) возвращаться в Россию или 3) принять условия правительств, которые предлагают их принять.... Бразильское правительство готово дать в области Сан-Паоло убежище и работу 20 000 русским беженцам при условии, чтобы они были земледельцы и землепашцы. Перу согласилось принять 1000 беженцев крестьян-землепашцев Слухи, которые распространены о судьбе русских беженцев, будто бы они превращаются в белых рабов, — ложны и тенденциозны» [4, с. 80-81]. Слухи мало кого останавливали, желающих уехать было достаточно.

Для становления РОВСа период Галлиполи сыграл значительную роль, т.к. именно в лагерях Галлиполи, Чаталджа и Лемнос происходил постепенный распад Русской армии, как единой боевой единицы и начинался процесс образования новых форм её организации в виде первых военных обществ и союзов. Франция и Великобритания не смотрели на Русскую Армию Врангеля как на действительную силу, вследствие чего проводили «политику поддержки», способствующей её распылению по разным странам. Находясь в таких реалиях, Врангель был уверен, что армия должна быть единой, чтобы в ближайшем будущем стать консолидирующим центром всей русской эмиграции. Ещё была жива вера в то, что большевизм долго не протянет и те, кому на Родине места не хватило, смогут вернуться домой.

Библиографический список

1. Галлиполи. Лемнос – Чаталджа – Бизерта. Юбилейный альманах. 1920-1955. Калифорния, 1955.
2. Карпов Н.Д. Крым – Галлиполи – Балканы. М.: Русский путь, 2002.
3. Русские в Галлиполи. 1920-1923. Берлин, 1923.
4. Рытченков С. 259 дней лемносского сидения. Париж, 1933.
5. Ряховская И.С. Эмиграция Русской армии генерала П.Н. Врангеля (1920-1923 гг.): автореф. дис...канд. ист. наук. Тамбов, 2009.
6. Соколов Б.В. Врангель. М.: Молодая гвардия, 2009.
7. Шамбаров В.Е. Белогвардейщина. Неизвестная история Гражданской войны. М., 2017.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ-МЛАДШИЙ НА ПОСТУ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

В России издавна существовала традиция верховного управления войсками отдельным человеком — Верховным главнокомандующим. Он возглавлял Ставку Верховного главнокомандующего и осуществлял управление сухопутными и морскими силами Российской империи, обладал чрезвычайными полномочиями. С 1 августа 1914 года по 23 августа 1915 года эту должность занимал в.к. Николай Николаевич.

Назначение Николая Николаевича Верховным главнокомандующим, по мнению историка Айрапетова, должно было стать временной мерой, так как еще по Высочайшему рескрипту от 4 февраля 1903 года эту должность должен был занять сам император [1, с. 36].

С первых дней великий князь, по замечанию Ольденбурга, приобрел огромную популярность, как в армии, так и в тылу. Некоторые современники объясняли это явление ожиданием сильной личности, которая воплотила бы в себе черты диктатора [1, с. 51]. Он становился и, что тоже важно, воспринимался политической фигурой, обладавшей особыми возможностями влияния и самостоятельными интересами [3, с. 107]. Но временный характер занятия должности все-таки ограничивал возможности Николая Николаевича, например, в выборе ближайших сотрудников. Поэтому он стремился упрочить свое положение и превратить его из временного в постоянное, что возможно было бы при успешном развитии военных событий на фронтах [4, с. 135].

Стремление упрочить свое положение неизбежно приводило Николая Николаевича к соприкосновению с различными политическими силами и деятелями, и неминуемо подталкивало его к участию в политической борьбе и интригах на стороне тех или иных группировок. Одной из наиболее заметных сторон политической активности Ставки и лично Верховного главнокомандующего являлся нараставший конфликт с военным министром В.А. Сухомлиновым и соответственно с Военным министерством [4, с. 136].

Ключевой проблемой в этот период стала проблема снабжения фронта артиллерийскими снарядами. Ставка стремилась вывести дело артиллерийского снабжения из ведения Военного министерства, что в итоге удалось осуществить путем создания сначала особой распорядительной комиссии по артиллерийской части, а затем Особого совещания по обороне и военно-промышленных комитетов. Так, была построена альтернативная государственной система, связывавшая военного заказчика с частной промышленностью, но субсидируемая государством из сумм, выделяемых на воен-

ные заказы. Их руководство активно использовало свои контакты с высшим военным командованием в деловых и политических комбинациях [4, с. 135].

Думские лидеры считали необходимым условием функционирования этой системы удаление с ключевых постов нежелательных лиц. Родзянко М.В. убеждал Николая Николаевича, что именно он, Верховный главнокомандующий, должен требовать изменений в правительстве имея в виду в первую очередь отставку министра внутренних дел Н.А. Маклакова и военного министра В.А. Сухомлинова [4, с. 134]. По воспоминаниям В.Н. Воейкова «заметно стало стремление чинов Ставки к вмешательству в дела внутреннего управления» [2, с. 126]. И результатом этого вмешательства можно считать последовавшую в июне 1915 года отставку Н.А. Маклакова и В.А. Сухомлинова. По рекомендации Верховного главнокомандующего на смену последнему был назначен генерал А.А. Поливанов, фигура которого удовлетворяла как Ставку, так и думские круги.

Некоторые современники тех событий считали, что не сам великий князь, а именно Ставка «проникает во всю жизнь государства и желает всем распоряжаться» [1, с. 50]. Несмотря на все ошибки и просчеты Ставки, Николай Николаевич продолжал пользоваться популярностью у солдат, тогда как Ставка утратила авторитет, и резкой критике подвергались ближайшие помощники князя генерал Янушкевич и Данилов [7, с. 481].

Военный историк Керсновский дал великому князю следующую характеристику: «Порывистый и чрезвычайно резкий, Великий князь производил впечатление человека волевого. Но впечатление это было чисто внешним: ему как раз не доставало именно силы воли, и он всецело находился во все времена во власти своего окружения... Великий князь был знатоком конницы, дилетантом в стратегии и совершенным профаном в политике» [5, с. 131]. Однако последнее не мешало ему активно вмешиваться во внутренние дела, что вызывало негативную реакцию ближайшего окружения Николая II и, прежде всего, Александры Федоровны.

В своем дневнике великий князь Андрей Владимирович писал, что Николай Николаевич часто не был информирован о положении на фронте и о планах: «конечно, все ж знают, что сам Верховный главнокомандующий ничего не знает, и при этих условиях что мог он сказать Государю — ровно ничего». В этом неведении Андрей Владимирович винит не самого Николая Николаевича, а его помощников — генералов Данилова и Янушкевича [2, с. 23].

В 1915 году в связи с резким ухудшением положения на фронте Николай II решает взять верховное командование в свои руки, что, как известно, вызывает негативную реакцию со стороны многих министров. Сам Николай Николаевич, как пишет, Воейков отреагировал сдержанно на предстоящий ему отъезд, но все-таки не смог скрыть своего недовольства и раздражения [3, с. 163].

На протяжении всего периода нахождения Николая Николаевича на посту Верховного главнокомандующего Николай II избегал вмешиваться в действия Ставки, поскольку доверял великому князю и не хотел допускать двоевластия. В начале войны отношения между ними были сердечными, и Николай II, оценивая манифест великого князя к полякам, сказал, что «Все, что сказал великий князь, исходит от меня» [1, с. 40]. Отношения между ними были дружеские, и случались моменты, когда великий князь находил нравственную поддержку у своего племянника – императора [6, с. 170]. А Лодыженский А.А. писал, что «Великий князь всегда подчеркивал свои верноподданнические чувства по отношению к Государю» [5, с. 60]. Но смещение с должности Верховного главнокомандующего, возможно, послужило одной из главных причин изменения к худшему отношения Николая Николаевича к Николаю II, что явно выразилось в момент отречения императора.

Таким образом, можно сделать вывод, что великий князь Николай Николаевич, занимавший пост Верховного главнокомандующего, являлся в годы Первой мировой войны значительной политической фигурой, пользовался огромной популярностью во всех слоях общества. Но помимо своих прямых обязанностей и даже в ущерб им, он активно вмешивался во внутренние дела империи, поскольку благодаря своему положению он оказался связан с политическими группировками, вместе с которыми мог влиять на принимаемые императором решения. Ставка в руках думских деятелей в данном случае служила еще одним рычагом воздействия на Николая II.

Библиографический список

1. Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907–1917. М., 2003.
2. Андрей Владимирович, вел. кн. Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова [1914-1915] / Подгот. текста, публ. и примеч. В.М. Хрусталева и В.М. Осина // Октябрь. 1998. №4.
3. Воейков В.Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995.
4. Гребенкин И.Н. Высшее военное командование и политическая жизнь России в годы Первой мировой войны // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология 2010. Т. 9, вып. 1: История.
5. Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994. Т.3.
6. Лодыженский А.А. Воспоминания. Париж, 1984.
7. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Р-н-Д., 1998.

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ, СОСТАВ, ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Актуальность работы состоит в том, чтобы рассмотреть механизм формирования, состава, организационной деятельности I-ой Государственной Думы. При этом ставится задача проследить процесс совершенствования парламентской системы в способах ее организации, формирования состава участников.

По данной теме написано множество работ в российской историографии как в начале XX века, так и в новейшей историографии. Такими работами являются труды М.И. Леонова «Партия социал-революционеров в 1905-1907 годах», В.А. Козбаненко «Партийные фракции в I и II Государственных Думах России (1906-1907 гг.)», В.В. Шелохаева о кадетях, октябристах «Кадеты-главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг.», энциклопедия «Государственная Дума» в двух томах и другие.

На современном этапе развития российской историографии изучаемая нами проблема получила отражение в работах В.А. Демина, Л.И. Краславской, Л.В. Селезневой, С.М. Смагина и др. [2, 3].

Государственная Дума – как представительный законодательный орган, была создана самодержавием под натиском Первой русской революции 1905-1907 гг. и просуществовала до 6 октября 1917 г.

6 августа 1905 года Николай II издал Учреждение Государственной думы, которая создавалась «для предварительной разработки законодательных предположений, восходящих по силе Основных законов через Государственный совет к Верховной самодержавной власти». Государственная Дума избиралась населением на 5 лет. Итак, Государственная Дума формировалась на основе выборности. Все сословия могли участвовать в выборах. Но законодатель вводил ограничения: выборы были неравными и многоступенчатыми. Преимущественное положение в Думе, закон обеспечивал, крестьянству, то есть его избранныкам.

Депутаты Государственной Думы в соответствии со своей партийной принадлежностью могли создавать партийную фракцию. Но случилось, что ряд партий совпадали по идеологическим и политическим установкам, поэтому они могли образовывать общую фракцию. Иногда в партийные фракции входили депутаты, которые были беспартийными или были членами мелких партий. Тем не менее в Думу были избраны большое число беспартийных депутатов.

23 апреля 1906 г. был опубликован текст новой редакции «Основных государственных законов», в которых устанавливались положения взаимо-

отношений и полномочий властей. Думе были предоставлены такие полномочия: к право утверждения бюджета, право любых запросов, право законодательных инициатив,- главное. Если Государственная Дума прекращала или прерывало свою деятельность, то законодатель предусматривал статью 876, по которой императору предоставлялось право принимать законы в форме «высочайших указов». Итак, законодателем был учрежден первый российский парламент.

Председателем I-ой Государственной Думы был избран кадет С.А. Муромцев. В ходе избирательной кампании в I-ую Государственную Думу были избраны представители таких крупных политических партий как партия 17 октября, кадеты, право-консервативные партии. Партия кадетов выражала интересы средней городской буржуазии и либеральной интеллигенции. Они предполагали вести свою политическую линию в переговорах с правительством, настаивая на реализации кадетской программы. Кадеты переоценили силу воздействия программы на народ и недооценили силу правительства, которое, по мнению кадетов, должно было уступить. Возможность конфликта в Думе, они считали, что конфликт будет разрешен в их пользу.

Прогрессивные силы воспользовались выборами и провели в I Думу значительное количество депутатов. И так из 422 членов Думы 182 места получили кадеты, около 100 – близкие к ним партии, 47 – левые [3, с.98].

Ф. Калинычев подсчитал, что к 27 апреля 1906 г. в I-ую Думу были избраны 121 землевладелец, 21 волостной старшина и волостной писарь, 10 ремесленников, 17 фабричных рабочих, 14 торговцев, 5 фабрикантов и управляющих фабриками, 46 помещиков и управляющих имениями, 73 земских, городских и дворянских служащих, 16 священников, 14 чиновников, 39 адвокатов, 16 врачей, 7 инженеров, 16 профессоров и приват-доцентов, 3 преподавателя гимназий, 14 сельских учителей, 11 журналистов и лиц неизвестных занятий. 111 членов I-ой Думы до или во время избрания занимали выборные должности по земскому или городскому самоуправлению [2, с. 37].

Члены I-ой Государственной Думы в начале работы ее по партийной принадлежности распределились так: кадеты – 182, члены национальных партий – 60, левые – 47, прогрессисты – 36, октябристы – 26, правые – 8, демократические реформаторы – 4, члены торгово-промышленной партии – 2, беспартийные – 83. К 26 июня 1906 г. в I-ой Думе насчитывалось 176 кадетов, 102 трудовика, 33 члена польского коло, 26 мирнообновленцев, 18 социал-демократов, 14 беспартийных автономистов, 12 прогрессистов, 6 демократических реформаторов, 100 беспартийных. В ходе избирательной кампании в I-ую Думу был избран цвет земского либерального движения [2, с.38].

К роспуску в I-й Государственной Думе насчитывалось 499 членов, при этом избрание 11 депутатов было аннулировано, один ушел в отставку,

один умер, а 6 не успели приехать в Санкт-Петербург до роспуска. По возрастным группам члены Думы распределялись следующим образом: до 30 лет – 7 %, 30-40 – 40%, 40-50 лет – 37%, 50 лет и старше – 15%. Из 448 депутатов высшее образование имели 189 человек (42 %), среднее – 62(14%), низшее – 111(25%), домашнее – 84 (19%), 2 депутата были неграмотны [2, с.37].

Хотя кадеты стремились соблюдать парламентские формы работы и ограничиться обсуждением только политических вопросов, им пришлось под влиянием левых крестьянских депутатов, оформившихся в I Думе в самостоятельную фракцию трудовиков, присоединиться к обсуждению аграрного вопроса, что и стало причиной следующего «конституционного» кризиса, завершившегося роспуском I Государственной Думы [3, с.99].

Причиной роспуска I Государственной Думы заключалась в том, что Дума поставила вопрос о конфискации помещичьих земель, обсуждение которого проходило в митинговой обстановке. В I-ой Государственной Думе в момент ее роспуска было 8 фракций. 9 июля 1906 г. император Николай II подписал Манифест о роспуске Государственной Думы. На столбе ворот Таврического дворца был вывешен Манифест о роспуске I-ой Государственной Думы, в котором говорилось о том, что Дума не успокоила население, а лишь ухудшила положение. Также в нем говорилось о том, что закон о выборах и закон об учреждении Государственной думы будет оставаться без изменений.

Таким образом, деятельность I-ой Государственной Думы в начале XX века продлилась с 27 апреля по 8 июля 1906 годы. Опыт I-ой Государственной Думы продемонстрировал самодержавию условия работоспособности «общероссийского представительства» – устойчивость правительственного большинства Первом российском парламенте, который своей законотворческой деятельностью способствовал бы принятию реформ, для вывода страны из кризисного состояния.

Библиографический список

1. Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Орлов А.С. Исторический словарь. М.: Проспект, 2013.
2. Демин В.А. Государственная Дума России: механизм функционирования. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996.
3. Краславская Г.И., Селезнева Л.В., Смагина С.М. Политические партии России в контексте ее истории. Ростов-на-Дону, Феникс, 1998.

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

С момента образования Советского государства социальная политика занимала одно из ведущих мест в системе его функций. Сложившаяся к тому времени тяжелая социальная обстановка в стране указывала на необходимость проведения незамедлительных мероприятий по совершенствованию социальной сферы государства. Одним из основных направлений по преобразованию социальной жизни общества являлась система здравоохранения.

В данной статье будут рассмотрены основные направления деятельности в области здравоохранения в Самарской губернии сквозь призму организации Самарского губернского отдела здравоохранения (далее Самгубздрав) в период с октября 1918 года до конца 1920 года. Хронологические границы обусловлены тем, что с начала 1921 года происходят изменения, связанные с организацией финансирования данной области. Кроме того, к концу 1920 года основные боевые действия на территории губернии уже прекратились и остались лишь локальные столкновения. При Самгубздраве до октября 1919 года были образованы такие структуры как лечебный, санитарно-эпидемический, фармацевтический, военно-санитарный, зубо-врачебный и городской медико-санитарный подотделы [4, л. 256-280]. Лечебный подотдел занимался учетом всего медперсонала в губернии и организацией больниц и лазаретов в городе, фармацевтический – проведением в жизнь декрета о национализации аптек и распределением лекарств, а санитарно-эпидемический – организацией противоэпидемических мер. Военно-санитарный подотдел хоть и состоял под контролем Самгубздрава, но состоял «более по форме, чем на деле и даже этой формы отделу удалось добиться с большими усилиями» как сообщается на одном из заседаний съезда представителей уездных отделов здравоохранения [4, л. 261]. В отделе необходимо сказать о нескольких подотделах.

Для организации контроля санитарного состояния школ и здоровья учащихся в декабре 1918 года был образован школьно-санитарный подотдел. Образование подобной структуры в уездах происходило в течение всего 1919 года [5, л. 1, 3, 39]. Впоследствии данный подотдел в некоторых уездах, как например в Пугачевском, был преобразован в подотдел охраны здоровья детей [5, л. 42].

В октябре 1919 г. был организован подотдел социальных болезней, до этого моменты никакой систематической работы по борьбе с данными болезнями не проводилось. Подотдел сосредоточил внимание на проведении

мероприятий, направленных на предупреждение и искоренение таких социальных болезней, как туберкулез, сифилис, гонорея, трахома и малярия. При подотделе также был организован Совет социальной помощи, который должен был организовать общественные ячейки на предприятиях. В задачи этих ячеек входили такие задачи как наблюдение за выполнением предписаний санитарного надзора, забота о здоровье служащих, изолирование и отправление больных в соответствующие лечебные учреждения. Помимо этого, при Самгубздраве в этот же период начинает функционировать и подотдел социальной медицины, разрабатывавший мероприятия по ликвидации факторов, которые способствовали развитию социальных болезней [1, с. 47].

В марте 1920 года при Санитарно-эпидемическом подотделе была организована секция Санитарного просвещения, которая должна была централизовать управление этими вопросами при Самгубздраве, так как до этого момента вопросами санитарного просвещения занимались самые разные организации [6, л. 21]. Так, дело санитарно-эпидемического просвещения населения было возложено на отдел здравоохранения на заседании пленума Губисполкома 16 декабря 1919 года [3, л. 104]. В то же время, различные постановления, направленные на предупреждение развития заболеваний, издавались и начальником гарнизона Самары [2, с. 296], и отдельной секцией по борьбе с туберкулёзом и венерическими заболеваниями при подотделе социальных болезней [6, л. 29] и другими органами власти. Задачей секции Санитарного просвещения была культурно-просветительская работа среди населения, которая включала в себя организацию различных лекций и распространение популярной литературы о туберкулезе и венерических болезнях и организацию различных выставок, посвященных данному вопросу. Необходимо отметить, что данный вид деятельности развернулся в большей степени уже к концу 1919 – началу 1920 гг. [6, л. 21]. Одной из главных причин, тормозивших развитие работы в уездах, являлся острый недостаток медицинского персонала, вследствие постоянно проводившихся мобилизаций врачей [3, л. 59об, 86; 5, л. 3, 6]. По этой причине в уездах Самарской губернии секции Санитарного просвещения организовать не удалось, и соответственно деятельность уездных отделов здравоохранения ограничивалась по большей части лишь распространением различного рода брошюр и листовок [6, л. 29].

Таким образом, можно сказать, что параллелизм в работе многочисленных подотделов и секций Самгубздрава негативно сказывался на общем ходе работы. Постоянные реорганизации и изменения в структуре Губздравотдела, направленные главным образом на централизацию управления тем или иным видом работы, позволяли частично преодолеть этот негативный эффект. Работа приведенных выше подотделов и секций в уездах практически не развивалась. Единственным исключением является работа тех структур, которые были призваны бороться с развитием эпидемий в 1919-1920 гг.

Помимо этого, можно выделить и основные направления в области здравоохранения, предпринятые Самгубздравом: организация лечебного дела, борьба с эпидемиями, контроль санитарного состояния школ и детских садов, национализации аптекарским магазинов и культурно-просветительская работа.

Библиографический список

1. Ерендеева А.Н. Профилактические мероприятия Самарского губернского отдела здравоохранения в борьбе с социальными болезнями в 1920-е гг. // Ярославский педагогический вестник. Ярославль, 2012. №3. Т.1. С.47-51.
2. Самарская губерния в годы Гражданской войны (1918-1920 гг.): Сборник документов. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1957.
3. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р. – 81. Оп.1. Д.7.
4. ЦГАСО. Ф.Р. – 158. Оп.4. Д.29.
5. ЦГАСО. Ф.Р. – 158. Оп.4. Д. 70.
6. ЦГАСО. Ф.Р. – 158. Оп.4. Д.72.

М.С. Кирдяшев

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В БУЗУЛУКСКОМ УЕЗДЕ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВРЕМЯ ГОЛОДА 1921-1923 ГГ.

Из-за страшной засухи, произошедшей в начале 20-х гг. XX в., население Бузулукского уезда Самарской губернии находилось на грани вымирания и ему требовалась помощь. Правительство пыталось улучшить положение голодающего населения всего Поволжья, но средств становилось с каждым годом все меньше. На помощь откликнулись отечественные и зарубежные организации.

В качестве помощи голодающему населению Бузулукского уезда на местах начинали открываться общественные питательные пункты. По декрету ВЦИК от 16 августа 1921 г. Самарскому губсоюзу было дано задание о технической организации помощи голодающим: питательные пункты должны были обслуживаться исключительно местными силами, в частности, в отношении ремонта, снабжения топливом и внутреннего порядка в столовых [2, с. 23]. Кроме того, власти организовывали временные дома для престарелых людей, инвалидов и приюты для беспризорных детей, а также способствовали организации медицинского обслуживания населения.

На заседания Бузулукского укомпомголода (протокол №10 от 11 ноября 1921 г.) был представлен доклад о работе многолапочного общества в Бузулукском уезде Самарской губернии. По словам тов. Никифорова, предста-

вителя Бузулукского многолавого общества, «в районе было открыто 43 питпункта, на 6117 детей, которые обеспечены по нормам Губсоюза картофелем, солью, подболточной (цельнозерновой) мукой на 2 месяца и рыбой только на 5 месяцев. Питпункты в районе 25 верст от Бузулука будут снабжаться хлебом выпекаемым в городе. В остальные питпункты района будет отпускаться мука, для выпечки хлеба... Из 38 незначительных для района вагонов картофеля, получено 11, остальные или застряли, или засланы в район других многолавок...» [1, л. 11]. Из доклада тов. Смирнова, председателя многолавого общества и инструктора губсоюза, следует, что в Сорочинском районе было открыто 14 питательных пунктов на 2057 детей, они обеспечены по нормам губсоюза картофелем на 3 месяца, рыбой и солью на 5 месяцев. Почти во всех селах имеются оборудованные столовые [1, л. 11].

Из доклада Бузулукской укомпомголода за май 1922 г.: «укомпомголод при помощи иностранных организаций из общего числа нуждающегося населения в 485 241 человек питается 478 772 души, т.е. почти все 100%» [1, л. 4]. В числе организаций, оказавших помощь жителям Бузулукского уезда в этот период, следует отметить помимо Губсоюза, Красного Креста, Врачебно-питательного отряда им. Свердлова, Харбинского комитета общественной помощи голодающим (через аппарат Бузулукской многолавы), еще и Общество Друзей (квакеры) (Английская группа и Американская группа). Последние оказали помощь 397 783 жителям уезда [1, л. 4].

Следует отметить и то, что в июне 1922 г. была создана комиссия для заготовки скота. Тогда же вышел циркуляр «Всем многолавым обществам Бузулукского уезда», по которому формировалась комиссия, располагавшаяся по адресу г. Бузулук, Укомголод, Закупскот, в количестве 3-х человек: председатель Бузулукского многолавого общества т. Конорев, председатель городского потребительского общества т. Добронравов и член правления сорочинской многолавы т. Остроухов. В их распоряжении были денежные знаки для заготовки скота. Весь заготовленный комиссией скот должен был распределяться по соглашению с укомголодом по многолавым обществам, по тем многолавам, которые внесли денежные средства [1, л. 4].

Немалая роль в организации помощи голодающим в Бузулукском уезде отводилась иностранным организациям, а конкретно одной из них – английской группе Общества Друзей (квакеры). Во время голода квакеры активно занимались обеспечением населения всем необходимым. В первую очередь ими были организованы пункты общественного питания для детей и взрослых, на их средства строились сельские больницы, поставлялись медикаменты, приезжали учителя, врачи, инженеры.

В воспоминаниях квакеров, оказывавших помощь населению Бузулукского уезда приведены сведения о дневном рационе на одного ребенка: хлеба – 4,8 унции, бобы – 1,5 унции, рис – 1,5 унции, жир – 0,225 унции,

какао – 0,15 унции, сахар – 0,225 унции, молоко – 0,525 унции, шоколад – 0,125 унции [1, л. 10].

Голод 1921-1922 гг. стал тяжелым временем для жителей Бузулукского уезда Самарской губернии. Правительством был разработан ряд мер, направленных на борьбу с голодом, но они оказались недостаточными. Поэтому к решению данной проблемы были привлечены отечественные и зарубежные общественные организации, которые оказали плодотворную помощь в борьбе с голодом.

Библиографический список

1. Государственный архив Оренбургской области в г. Бузулуке (ГАОО, г. Бузулук). Ф. Р-536. Оп. 1. Д. 2.
2. Известия Самарского губернского союза потребительских обществ. 1921. 10 декабря (№20).

Н.В. Кудряшова

Самарский государственный социально-педагогический университет

ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1946 Г.

Важной задачей советского государства всегда являлась забота о детях и матерях. Охраняя интересы матери и ребенка, государство оказывало значительную материальную помощь многодетным матерям на содержание и воспитание детей. В военные и послевоенные годы, когда многие семьи были в затруднительном материальном положении, требовалось внимание со стороны государственных учреждений.

В целях поощрения многодетности и усиления охраны материнства и детства Президиум Верховного Совета Союза СССР постановил 8 июля 1944 г. учредить медаль «Медаль материнства», орден «Материнская слава» и высшая степень отличия – звание «Мать-героиня» [1, с. 5].

Награждение орденами «Материнская слава» и медалями «Медаль материнства» и присвоение звания «Мать-героиня» производилось по достижении последним ребенком возраста одного года и при наличии в живых остальных детей [2, с. 7].

В октябре 1946 г. орден «Материнская слава» I степени получила Агафья Ивановна Бардинская, орден II степени – Наталия Ефимовна Суслева и др. Орден «Мать-героиня» и грамота была вручена Евдокии Петровне Александровой, имевшей десять детей [3, с. 2]. В честь награждения для них пионеры и воспитанники детдома завода им. Масленникова организовали концерт [4, с. 3].

В октябре 1946 г. распоряжением исполкома Куйбышевского городского совета было принято решение о проверке выполнения Указа Президиу-

ма Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи...». Согласно распоряжению, было принято решение о проверке выполнения исполкомами районных советов депутатов трудящихся Указа Президиума Верховного Совета СССР.

Решение данной задачи возложили на комиссию в составе 10 человек, которую возглавлял председатель Аллакин [4, л. 2]. При проверке особое внимание уделялось правильному представлению многодетных матерей к награждению орденами и медалями, расширению сети родильных домов и детских учреждений и т.д.

Кроме этого, проверялась работа райотделов в правильности назначения выплаты госпособий многодетным и одиноким матерям в трех районах (Фрунзенский, Куйбышевский, Сталинский), проверялись жалобы от многодетных и одиноких матерей по выплатам пособий и сроки их выполнения в городском отделе государственных пособий и при райисполкомах [4, л. 3-4].

Необходимо отметить, что наряду с проведенной большой работы, как по назначению и выплате госпособий, так и по награждению матерей правительственными наградами, большинство районных отделов по госпособиям не добились четкости в своей работе и допускали ряд нарушений. Заявления от матерей были рассмотрены с 2-х недельным опозданием. В 1946 г. в г. Куйбышеве от многодетных матерей было подано 60 заявлений [4, л. 5].

Причины задержки рассмотрения заявлений заключались в халатной работе некоторых работников райотделов госпособий, которые не обеспечили своевременную проверку документов одиноких и многодетных матерей, не оформили дела в установленные сроки. Некоторые многодетные матери с февраля 1945 г. не могли оформить свое награждение из-за отсутствия справок о проживании своих детей [5, л. 51]. Также были случаи, когда многодетные матери не сумели оформить свое вознаграждение из-за того, что не получили по разным причинам справки из райвоенкоматов на сыновей, подтверждающие их службу в Красной Армии [6, л. 94].

Матерям, имеющим «Медаль материнства» II степени, оказывалась материальная помощь деньгами, ордерами на промышленные товары, а иногда помогали ремонтировать квартиры. Кроме этого, многодетным матерям помощь оказывали и по месту работы. Так, завод № 18 купил 20 м мануфактуры, 10 кг крупы, а для детей-школьников – одежду и обувь [7, л. 3].

Но далеко не все руководители предприятий помогали многодетным матерям и одиноким матерям. К таким относились, например, руководители завода Шарикоподшипник, завода № 454 и стройтреста № 11 [7, л. 32].

Всего с 1 февраля по 1 октября 1946 г. (за 9 месяцев) в г. Куйбышеве было выплачено государственных пособий многодетным и одиноким матерям 6 408 890 руб. Орденами и медалями наградили 3212 матерей, из них 52 многодетных матери были награждены двумя правительственными наградами каждая.

Библиографический список

1. Указ «О порядке назначения и выплаты государственных пособий и предоставления льгот беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям» (положение). Совет Народных Комиссаров СССР. Куйбышев: Облгиз, 1944. 12 с.
2. Вручение орденов и медалей многодетным матерям // Волжская коммуна. 1946. 4 октября.
3. Вручение ордена «Мать – героиня» // Волжская коммуна. 1946. 16 октября.
4. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.Р-820. Оп.4. Д.68.
5. ЦГАСО. Ф.Р-2558. Оп. 13. Д. 6.
6. ЦГАСО. Ф.Р-2558. Оп. 13. Д. 8.
7. ЦГАСО. Ф.Р-820. Оп.4. Д. 68.

Э.Ю. Аблаев

Московский государственный университет

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД: ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И РЕАКЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Система налогообложения советской деревни в 1945-1953 гг. представляла собой те же механизмы изъятия денежной массы и сельскохозяйственной продукции, которые оформились накануне войны и в ходе неё получили своё развитие. Основным денежным налогом оставался сельскохозяйственный налог, рассчитывавшийся исходя из наличия в хозяйстве тех или иных источников дохода по прогрессивной налоговой ставке, помимо этого крестьяне также облагались подоходным налогом на реализацию продукции на колхозных рынках или продажу государству.

Подавляющее большинство крестьян (90-95%) на момент окончания войны состояло в колхозах. В первые годы послевоенного времени основной целью государства стало восстановление колхозной дисциплины, однако при низких выплатах по трудодням колхозник по-прежнему был более заинтересован в работе в личном подсобном хозяйстве. Политика по увеличению денежного и натурального обложения проявляется в ежегодном повышении норм доходности, несмотря на дефляцию, в росте ставок сельскохозяйственного и подоходного налогов, а также завышенных планов государственных поставок. Если в 1943 прогрессивная налоговая ставка составляла 8-20%, то в 1951 году она уже составляла 12%-38,8% [1, с. 76]. Также в 1951 году вновь был пересмотрен подоходный налог: ставки обложения на доходы от государственных закупок повышались до 9%, а на доходы от торговли на рынке – до 15% [1, с. 70]. Данные из докладной записки Наркомфина СССР от марта 1953 года демонстрируют, что за период 1949-1952 годов общая сумма налога составила 8,6, 8,8, 8,8 и 10 млрд. рублей в год соответственно, что увеличивало средний размер налога на

1 колхозный двор с 419 до 528 рублей [2, с. 149]. Для выплаты налогов колхозы вынуждены были пользоваться государственными кредитами. В общей сумме недоимки прошлых лет к июлю 1953 года по сельхозналогу составили 528 млн. рублей [3, с. 106]. Такой рост денежного налогового бремени в отношении коллективных хозяйств можно объяснить правительства стимулировать продажи сельскохозяйственной продукции на колхозных рынках и рост государственных поставок.

После окончания войны удельный вес единоличных хозяйств от числа колхозников был крайне низким. Но по отношению к ним была сохранена двукратная ставка сельскохозяйственного налога и вводился высокий подоходный налог. Если по закону от 1 сентября 1939 года в зависимости от доходности хозяйства ставка для единоличников составляла 11-38,5% [4], то в 1948 году она увеличилась до 22%-65% [5], а к 1951 году единоличник облагался уже по ставке 24%-77% [1, с. 76-77]. Также следует учитывать, что нормы доходности, несмотря на значительное снижение цен и падение доходов, находились на военном инфляционном уровне. Из этого следует, что реальная налоговая ставка была много выше номинальной. Для единоличных крестьян, не способных выплачивать налоги, на помощь должна была прийти 20 статья закона “О сельскохозяйственном налоге”, которая позволяла единоличникам сократить налоговые выплаты путем вступления в колхоз [6]. Очевидно, что данная политика была направлена на побуждение единоличников к вступлению в коллективные хозяйства.

В историографии вопрос о целесообразности постоянного роста налоговой ставки единоличного хозяйства трактуется в ключе проведении политики коллективизации [7, с. 140]. Данный взгляд кажется верным, однако, учитывая малый процент численности единоличных хозяйств, а также их возрастной состав, кажется, что эти хозяйства “рано или поздно должны были отмереть” [8, с. 29]. Объясняется ли налоговое удушье единоличного хозяйства желанием правительства провести полную коллективизацию? Налоговая политика вызывала широкое недовольство среди сельского населения: письма послевоенных лет отражают антиколхозные настроения: “в колхозах жизни нет” [9, с. 228]. 15 июля 1948 года в закон о сельскохозяйственном налоге было внесено изменение: при выходе из колхоза хозяйства сразу начинают облагаться по ставкам единоличников [10]. Это преследовало цель предотвратить массовый выход крестьян из колхозов ввиду выросших налогов под страхом обложения их налогами наравне с единоличниками. Мы считаем, что более важной целью, чем коллективизация оставшихся единоличников, их рост налогового бремени обосновывался стремлением не допустить сокращения численности коллективных хозяйств при постоянном увеличении денежных и натуральных налогов на личное хозяйство колхозника.

В письмах и обращениях колхозников в конце 1940-х – начале 1950-х прослеживаются чаяния крестьян на нехватку рабочих рук и массовый отток молодёжи из деревни [9, с. 259]. Следствием миграции населения из деревни и ухода из колхозов стало то, что в период 1949–1953 гг. количество трудоспособного населения в колхозах уменьшилось на 3,3 млн. человек [11, с. 66]. Докладывая о проблемах колхозного строительства, в секретной докладной записке от 5 марта 1953 года сообщается о сокращении численности трудоспособного населения в колхозах в среднем на 15–25% [9, с. 264–265]. Таким образом, из двух путей, предложенных государством сельским жителям, – работа в колхозе с мизерной оплатой по трудодням или ведение единоличного хозяйства при непосильном налоговом обложении, крестьяне и особенно сельская молодёжь начинают всё больше склоняться к выбору третьего варианта – переезд в город.

Библиографический список

1. Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004.
2. Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953): Сб. док. Москва, 1993.
3. Попов В.П. Крестьянские налоги в 40-е годы // Социологические исследования. 1997. №2. С. 95–114.
4. Статья 19 Закона СССР от 1 сентября 1939 года “О сельскохозяйственном налоге”: [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4201.htm (дата обращения: 09.11.2019)
5. Статья 1 Указа Президиума ВС СССР от 13 июля 1948 года “Об изменении статей 8 и 23 и об отмене статьи 25 закона о сельскохозяйственном налоге”: [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4700.htm (дата обращения: 09.11.2019)
6. Статья 20 Закона СССР от 1 сентября 1939 года “О сельскохозяйственном налоге”: [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4201.htm (дата обращения: 09.11.2019)
7. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 гг.: происхождение и последствия. Москва, 1996.
8. Филимонов А.В. Последние единоличники в Псковской области: (Статья 2) // Вестник Псковского государственного университета. №1/2015. Псков, 2015.
9. Советская жизнь, 1945–1953. Сб. док. Москва, 2003.
10. Указ Президиума ВС СССР от 15 июля 1948 года “Об изменении статьи 10 закона о сельскохозяйственном налоге”: [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4701.htm (дата обращения: 09.11.2019)
11. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. Москва, 1999.

**«БОРЬБА С ИЗЛИШЕСТВАМИ» И ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД
В ФОРМИРОВАНИИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА САРАТОВА
(1950-Е – НАЧАЛО 1960-Х ГГ.)**

В начале 1950-х годов лидирующим направлением в советской архитектуре являлся сталинский ампир. Однако после смерти И.В. Сталина стало резко меняться отношение советского руководства к архитектуре и градостроительству. На Всесоюзном совещании строителей, архитекторов и специалистов в ноябре-декабре 1954 года, а также в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» [9] критиковались «излишества», бытовавшие в советской архитектуре 1950-х годов. Виновными в их применении, «козлами отпущения» были объявлены архитекторы. В то же время как на совещании, так и в постановлении звучал призыв к снижению стоимости и сроков строительства, индустриализации домостроения. Необходимо было решить острейший жилищный кризис, существовавший тогда в СССР. Крайне интересно рассмотреть, как проходила кампания по «борьбе с излишествами» в крупном провинциальном городе, каким является Саратов. Данная тема до настоящего момента не затрагивалась в исторических исследованиях, посвященных Саратову.

Основой для данного исследования служат материалы местной периодической печати, в частности, областной газеты «Коммунист» [4, 5, 6, 7, 8], а также стенограммы местных совещаний по вопросам архитектуры и градостроительства из фондов Государственного архива новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО) [1, 2, 3].

На совещании руководителей строительных и проектных организаций отдела архитектуры города Саратова, работников партийных и советских организаций, состоявшемся 11 июня 1954 года, много внимания было уделено вопросам индустриализации строительства и типизации проектов, а также значительным недостаткам в этой сфере в градостроительной практике Саратова. Главным архитектором города было указано на большой недостаток в планировке города – его неоправданное расширение в связи с тем, что преобладало в основном малоэтажное строительство, в то время как для города была рекомендована этажность в 4-5 этажей [1, л. 24-61]. Тема «борьбы с излишествами» на этом совещании звучала еще довольно негромко. Само слово «излишества» понималось вполне по-сталински – в него по большей части вкладывался градостроительный смысл. Критика в отношении архитектуры некоторых зданий уравнивалась предостережениями от «упрощенчества» и даже тезисом об «обеднении» архитектуры Саратова.

13-15 января 1955 года состоялось областное совещание строителей, архитекторов, работников промышленности строительных материалов, проектных и научно-исследовательских организаций о работе и задачах местных строительных организаций. Оно было организовано в целях обсуждения на региональном уровне решений Всесоюзного совещания строителей, состоявшегося месяцем ранее. На нем практика «украшательства» была подвергнута резкой критике. Приводилось немало конкретных примеров зданий, построенных с «излишествами» [2, л. 1-2, 12-27, 93-122, 189-192]. После выхода постановления «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» на протяжении ноября-декабря 1955 г. и в начале января 1956 г. в областной газете «Коммунист» появились публикации, авторы которых выступили с критикой построенных в недавнее время и проектируемых зданий. Они говорили об «излишествах», и тех саратовских архитекторах, являвшихся авторами проектов этих зданий [4, 5, 6, 7, 8].

10 мая 1958 г. состоялось еще одно областное совещание строителей, на повестке дня которого был вопрос «Итоги третьего Всесоюзного совещания по строительству и задачи строительных организаций Саратовской области по дальнейшему улучшению строительства». На нем уже констатировались факты успехов в строительстве предприятий по производству сборного железобетона, в его применении, в применении новых типовых проектов 1957 г. [3, л. 18-20, 34-36, 62-67]. В 1960 г. на выездной сессии Центрального правления Союза архитекторов СССР, проходившей в Саратове, в качестве главных ошибок в практике местного градостроительства были признаны ведение застройки сплошной полосой по красным линиям улиц и в целом применение периметральной системы застройки [10, с. 166]. Это был уже акт модернистской критики неоклассической системы планировки.

В целом нужно отметить, что градостроительный и архитектурный дискурс в провинции сменялся более плавно, чем в столичных городах СССР. Советский неоклассицизм и принципы квартальной застройки доминировали в Саратове до начала 1960-х годов. В то же время результатом «борьбы с излишествами» стало то, что ни один из архитектурных ансамблей послевоенного периода в Саратове не был полностью реализован, и в результате архитектурный облик окраинных районов Саратова и отчасти его центра стал в крайней степени эклектичным, резко контрастным. С другой стороны, необходимо отметить, что в условиях сочетания острейшего жилищного кризиса и крайне неэффективной командно-административной системы экономики другого выхода из сложившейся ситуации быть не могло, и проблема заключалась именно в наличии этой системы.

Библиографический список

1. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 2. Д. 2954.
2. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3179.
3. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3954.
4. Коммунист, 13 ноября 1955 г.
5. Коммунист, 19 ноября 1955 г.
6. Коммунист, 10 декабря 1955 г.
7. Коммунист, 13 декабря 1955 г.
8. Коммунист, 4 января 1956 г.
9. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». URL: <http://www.sovarch.ru/postanovlenie55> (дата обращения: 02.05.2019). — Загл. с экрана. Яз. рус.
10. Осятинский А.И. Строительство городов на Волге. Саратов, 1965.

СЕКЦИЯ III.

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

А.С. Бучинский

Самарский национальный исследовательский университет

ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ НА ЕКАТЕРИНУ II В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Период правления Екатерины II в отечественной историографии обычно характеризуют как «просвещенный абсолютизм». Согласно классическому определению, просвещенный абсолютизм представляет собой политику, которую проводили европейские монархи и их министры во второй половине XVIII в., опираясь на принципы философии Просвещения: самые яркие примеры тому – Фридрих II в Пруссии и Екатерина II в России [1, с.197-206].

При упоминании Екатерины II сразу вспоминается ее переписка с такими видными деятелями французского Просвещения, как Вольтер (настоящее имя – Мари-Франсуа Аруэ), Дидро и д’Аламбер. Для большинства историков, изучавших ее правление, было очевидным влияние западных (в основном французских) мыслителей на политику Екатерины II, но степень этого влияния они оценивали по-разному.

Так, ведущий отечественный историк XIX в. С.М. Соловьев [2] утверждал, что императрица стремилась найти в лице этих мыслителей своих «союзников, приверженцев, оправдателей, хвалителей», поскольку осознала, какое влияние на общественное мнение оказывает европейская литература и культура в целом, а после вступления на престол путем переворота Екатерине было необходимо добиться престижа и уважения в Европе – как для себя самой, так и для России в целом. Другой знаменитый историк, В.О. Ключевский, утверждал, что наиболее сильное воздействие на политическое образование Екатерины оказали такие представители просвещения как Монкескье и Беккариа; особенно теплыми были ее отношения «...с Вольтером, которого она [Екатерина] благоговейно называла своим учителем и которому писала, что желала бы знать наизусть каждую страницу его “Опыта” всеобщей истории» [3, с.18]. В то же время Ключевский признавал, что «при законодательной, литературной и педагогической пропаганде новых идей Екатерина не трогала исторически сложившихся основ

русского государственного строя, предоставляя самим идеям века перерабатывать порядки места» [3, с.27].

Также в дореволюционной историографии вопросом о степени влияния французских мыслителей на деятельность Екатерины II задавались такие историки, как Р.Ю. Виппер [4] и П.К. Щебальский [5]. Используя в качестве источников переписку Вольтера с Екатериной и воспоминания Дидро о посещении Петербурга, они отмечали влияние на политику Екатерины Вольтера, Дидро, Монтескье и других французских мыслителей, но все же признавали определенную степень самостоятельности в политике императрицы. Напротив, историки В.А.Бильбасов [6] и Н.Д.Чечулин [7] считали, что влияние французских мыслителей было безусловным, а их философские идеи самым явным образом отразились в политике Екатерины II.

Из числа современных историков, которые занимались данной тематикой, следует назвать Д.Р.Садикову [8], которая рассматривала влияние идей Монтескье на создание екатерининского «Наказа» Уложенной Комиссии. М.Е. Лупанова в своей статье «Екатерина II: франкофил или франкофоб» отмечает, что «интерес самодержавной правительницы России к французскому Просвещению и его виднейшим представителям был вызван не только личными, но и государственными соображениями», и что она не ошиблась в своих расчетах: «Вольтер, д'Аламбер, Дидро и Гримм верно служили ее интересам, оправдывая в глазах общественного мнения Европы действия северной Семирамиды» [9, с.207].

Таким образом, большинство историков, которые занимались этим вопросом, не могут отрицать мощного влияния идей французских мыслителей на Екатерину II. Однако оценки степени этого влияния расходятся: одни историки считают, что идеи французского Просвещения определили программу ее политической деятельности, другие же отмечают, что в своей политике Екатерина II руководствовалась прагматическими соображениями, используя влияние французских мыслителей только для формирования благоприятного для нее общественного мнения.

Библиографический список

1. Лавринович М.Б., Мёллер Х. Просвещение и абсолютизм // Россия-Германия: Вехи совместной истории в коллективной памяти. Т. 1. XVIII в. / Под ред. В.С. Дударева, М.Б. Лавринович, Х. Мёллера, К. Шарфа. М., 2018. С.197–206.
2. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга XIV. 1766–1772 [Электронный ресурс]. URL: https://bookz.ru/authors/solov_ev-sergei/istoria_065/1-istoria_065.html (дата обращения 11.11.2019)
3. Ключевский В.О. Императрица Екатерина II (1729-1796) // Екатерина II: Pro et contra. СПб., 2006. С.75-103.
4. Виппер Р.Ю. Екатерина II и просветительные идеи Запада (По поводу столетней годовщины смерти 1796 г., 6 ноября) // Екатерина II: Pro et contra. СПб., 2006. С.658-674.

5. Щербальский П.К. Екатерина II как писательница // Заря. 1869. № 2. С.100-126.
6. Бильбасов В.А. Дидро в Петербурге // Екатерина II: Pro et contra. СПб., 2006. С.59-74.
7. Чечулин Н. Д. Об источниках «Наказа» // Журн. Министерства народного просвещения. 1902. Ч. СССXXXX. С.279-320.
8. Лупанова М.Е. Екатерина II: франкофил или франкофоб? // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 55. С.203-208.
9. Садикова Д.Р. Политические идеи Ш.Л. Монтескье в «Наказе» Екатерины II (по материалам дореволюционной отечественной историографии) // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. 2014. № 12 (341). С.102-108.

А.А. Зотова

Самарский национальный исследовательский университет

ОБРАЗ АМЕРИКИ В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XVIII-XIX ВВ.

Вектор развития общественной мысли зависит от ряда факторов. К ним относятся процессы, происходящие не только внутри государства, но и за его пределами. Одним из ключевых событий XVIII в. стала Война за независимость Соединенных Штатов Америки, которая, несомненно, способствовала распространению определенных настроений в российском обществе.

Яркое освещение событий финального этапа войны предоставлял просветитель Н.И. Новиков в «Московских ведомостях». Новости из Америки печатались на первой полосе; в них содержались хвалебные статьи о роли Джорджа Вашингтона, информация о народной армии, заметки об американских нравах и обычаях [1, с. 51]. Читающее население Российской империи следило за ходом событий в Америке, однако газета «Московские ведомости» была практически единственным источником, откуда эти новости можно было узнать. Примечательно, что как только в Российской империи появилась информация об окончании переговоров в Париже, увенчавшихся признанием Великобританией независимости Америки, российский физик Ф.У. Эпинус отправил письмо Б. Франклину, в котором поздравил его с победой и выразил свое восхищение его дипломатическими навыками [2, с. 609]. А.Н. Радищев в своей оде «Вольность» также восторженно отзывался о революции и об ее предводителе Джордже Вашингтоне [3, с. 1-17].

В начале XIX века концепция «страны свободы» получает свое отражение в реформаторских идеях декабристов. Генерал-майор С.Г. Волконский утверждал, что государственное устройство Соединенных Штатов как нельзя лучше подошло бы России, а П.Г. Каховский ссылаясь на пример амери-

канской революции как на некий ориентир, достойный подражания. В основе конституционного проекта Н. С. Муравьева лежат принципы конституции США [4, с. 321-326, 328-336]. По замыслу Муравьева, полнота законодательной власти должна принадлежать Народному вече, состоящему из Верховной Думы и Палаты Председателей (подобно Конгрессу США). Несмотря на то, что во главе исполнительной власти должен стоять император, его права и обязанности имели немалое сходство с теми, что имел американский президент, а текст присяги при вступлении на престол практически повторял присягу президента США.

Государственное устройство Америки повлияло и на взгляды историка К.Д. Кавелина. Он утверждал, что частная собственность способствует развитию промышленности и духа предприимчивости и что она «создала те чудеса индустрии, которыми так справедливо гордится Европа и Северо-Американские Штаты» [5, с. 593]. Впоследствии Кавелин стал автором «Записки об освобождении крестьян», затрагивавшей насущный вопрос того периода, и, тем самым, произвел широкий общественный резонанс [6].

Особое внимание заслуживает серия «Писем из Филадельфии», появившаяся в периодическом издании «Дух журналов», издателем которого был Г.М. Яценков. По официальной версии, «Письма» представляли собой путевые записки «одного немца», однако очевидно, что они выражали взгляды и самого издателя. В них содержится изложение государственного устройства Штатов; в частности идет речь об американской конституции, которая «имеет все преимущества английской конституции, не имея, однако, ее недостатков» [7, с. 456-457]. Согласно автору, никакая другая страна не предоставляет такого обширного перечня прав и свобод, что обуславливает бурное развитие журналов, которые отражают истинные стремления народа. В скором времени это проамериканское издание вызвало недовольство в правительственных кругах, и в 1820 г. оно было закрыто.

Таким образом, после завершения Войны за независимость получает распространение представление об Америке как о «стране свободы». Передовая верхушка общества Российской империи видела в ней воплощение замыслов великих просветителей, а ее государственное устройство послужило примером для зачатков многих революционных проектов, которые, по большей части, так и остались нереализованными. Тем не менее, мнение об Америке как о стране, где не существует каких-либо притеснений со стороны государства, а свобода личности является основным приоритетом, имело место быть на протяжении долгого времени. В поисках верного пути развития Российской империи, представители общественно-политической мысли XVIII-XIX вв. все чаще начинали смотреть на запад.

Библиографический список

1. Николокин А.Н. Литературные связи России и США. Становление литературных контактов. М., 1989.

2. Болховитинов Н.Н. История США. В 4 тт. Т.1. 1607-1877. М., 1983.
3. Радищев А.Н. Вольность // Полное собрание сочинений. М., 1938. Т. 1.
4. Конституция Н.М. Муравьева // Н.М.Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933.
5. Кавелин К.Д. Взгляд на русскую сельскую общину. Государство и община // Сост., предисл., коммент. В.Б. Трофимова / Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2013.
6. Кавелин К.Д. Записка об освобождении крестьян // Русская социально-политическая мысль. 1850-1860-е годы: Хрестоматия. М., 2012. URL: http://az.lib.ru/k/kawelin_k_d/text_1855_zapiska_ob_osvobozhdenii_krestian.shtml (дата обращения 31.10.2019)
7. Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения 1815-1832. М., 1975.

Р.Д. Евлоева

Московский государственный университет

А. Я. ДАШКОВ О СПЕЦИФИКЕ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРЫ

В начале XIX века сложилась благоприятная обстановка для сближения России и США. Проявлявший интерес к демократическому устройству Американской республики, Александр I завязал дружественные отношения с США и установил первые официальные дипломатические контакты.

Представлять интересы российской империи в Соединенных Штатах было поручено молодому дворянину А. Я. Дашкову, который энергично и умело представлял интересы России в Соединенных Штатах Америки, высказывая продуманную и взвешенную оценку в отношении внутривнутриполитической ситуации в молодой американской республике и рассуждая о будущем заокеанского государства. Дипломатическая миссия А.Я.Дашкова в США достаточно подробно освещалась в американской прессе, демонстрируя широкий разброс мнений и заинтересованность американского общества в вопросах внешней политики.

Дашков много путешествовал по штатам, пользуясь любой возможностью для посещения школ, тюрем и других учреждений. Он поддерживал контакты с видными американскими политическими деятелями, представителями американской торговли и науки. Перечисляя и анализируя свои достижения министру иностранных дел графу Нессельроде, Дашков особо отметил, что позволил генералу Жану Виктору Моро, перебежчику из Наполеоновской Франции в Соединенные Штаты, попасть на российскую службу. Он также отправил в Россию модели поворотного оружия и «машину для чистки хлопка, которая принесла процветание внешней торговле Соединенных Штатов и могла произвести такой же эффект на юге России» [1, л.3]. Дашков также способствовал сотрудничеству между российско-американской компанией и американской компанией John Jacob Astor American Fur.

В продолжающихся дебатах о том, являются ли Соединенные Штаты абсолютно новым обществом, Дашков определился к 1813 году, что «нельзя найти две страны, которые предлагают такое большое сходство между гражданами друг друга по виду, привычкам, языку и религии, как Англия и Соединенные Штаты. Различие чисто политическое. У людей все то же самое» [2, л.1]. Как отмечает Дашков в своих записках: «Соединенные Штаты были английскими в своих обычаях, законах, привычках, религии и литературе». Он признал присутствие других национальностей, таких как шотландцы, французские протестанты и голландцы (которым он приписывал торговый дух и жадность, которые он увидел в Нью-Йорке). Дашков перечислял «негров», «цветных людей», «евреев» и «свободных индейцев» [3, л.5], утверждая, что они все «настолько сильно интегрированы в общество, что американский народ можно считать фрагментом английского народа» [4, с.495].

Однако, Дашков признавал, что Америка — это больше, чем продолжение Англии. Колонии привыкли к свободе и самоуправлению и демонстрировали «стремление к свободе духа» [3 л.6-об.6]. Поскольку европейский феодализм так и не был установлен, все пользовались буржуазными правами.

Несмотря на то, что в Соединенных Штатах не было «ученых юристов» Европы, Дашков похвалил американскую судебную систему и ее судей за обеспечение свободы и личного равенства. Он отметил, что в новой нации сохранились такие британские элементы, как Habeas Corpus Акт, присяжные и обеспечение защиты собственности. Он также восхищался «выдающимся» американским конгрессом, даже если его членам не хватало формального обучения по конституции, международному праву или политической экономии.

Дашков, как представитель самой централизованной и авторитарной власти в Европе, порой не понимал разделения властей в федеральном правительстве. Например, когда он пытался обратиться к Конгрессу, госсекретарь Роберт Смит должен был сказать ему, что официальные представители иностранных держав не могут иметь никаких отношений с Конгрессом, прямых или косвенных, кроме как через государственного секретаря.

Из страны, где привилегии и обязанности каждого социального класса от дворян до торговцев, горожан, духовенства и крепостных были детализированы и жестко регламентировались правительством, а все гражданские и военные чиновники были классифицированы в жесткой иерархии в соответствии с Табелем о рангах, Дашков был поражен тем, что в Америке все равны. Отсутствие формальных церемоний Дашков отмечал даже в работе правительственных чиновников. Например, когда он впервые пытался договориться о встрече с президентом Джеймсом Мэдисоном, ему сказали, что никакой особой церемонии быть не должно. Президент просто «пожал мне руку и принял меня сердечно и просто» [3, л.12]. Такой эгали-

таризм угрожал общественному порядку, как об этом говорил Дашков в сентябрьской депеше 1814 года: «каждый ремесленник и вольный гражданин читает газету, рассуждает о политике по-своему и считает себя пригодным для любой должности в правительстве. Ремесленники, владельцы гостиниц и даже палачи требуют быть депутатами, генералами, полковниками и т. д.» [5, Р.1092].

Как и многие другие иностранцы, Дашков был поражен абсолютной свободой совести в Америке, где различные конфессии жили бок о бок, и никто из них не доминировал.

Дашков особо хвалил американские тюрьмы, которые он назвал «скорее фабриками, чем домами исправления» [3, л.14-об.14]. Предложение о совершенствовании российских тюрем, представленное в министерство народного образования в 1819 году, Дашков сказал, что «Филадельфийская тюрьма может служить примером для всего мира» [там же].

Несмотря на его похвалу в адрес американской культуры и системы образования, Дашков считал, что Соединенные Штаты далеко отстают от цивилизованной Европы. Школы, литература и искусство «все еще находились в зачаточном состоянии». В Новой Англии могли быть семьи с хорошо образованными людьми, но в Америке в целом не было значительной просвещенной элиты. Тем не менее, он был впечатлен тем, что Соединенные Штаты произвели «гениев более чем в одном жанре», таких как Дэвид Риттенхаус и Бенджамин Франклин.

Почему США отставали от Европы культурно и интеллектуально? В качестве причины Дашков называет то, что сравнительно небольшое население Америки было слишком поглощено возможностями и задачами освоения огромного континента, чтобы заниматься какими-либо другими вопросами, кроме имевшего характер практической необходимости. «Леса в Северной Америке еще не могут создать академический оттенок, как рощи в Афинах. Американец по-прежнему вынужден держать меч в одной руке, а другой управлять плугом» [3, л.15]. Обычные люди, он докладывал Румянцеву, были более просвещенными, чем в любой другой стране, но «они читают только Библию и газеты». [4, с.495]

Подводя итоги, стоит отметить, что Дашков, будучи выдающимся дипломатом, интересовался широким спектром вопросов, занимался сбором сведений в столице, знакомил дипломатическое ведомство со спецификой этой страны, способствовал установлению теплых отношений между Российской империей и Соединенными Штатами Америки.

Библиографический список

1. Докладная записка (копия) Дашкова Андрея Яковлевич штат-секретаря графу Нессельроде о своей деятельности в качестве уполномоченного министра в Соединенных штатах Америки за десять лет, а также о бедственном положении // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 907. Оп. 1. Д. 102.

2. Заметки Дашкова Андрея Яковлевича о политико-экономическом положении в Соединенных Штатах Америки, о законах и правах американских граждан. На франц. яз. // ГАРФ. Ф. 907. Оп. 1. Д. 79.
3. Записки (черновые) Дашкова Андрея Яковлевича об открытии Америки, о первых колонистах, об эксплуатации природных богатств этой страны, начиная с 15 века. На фр. яз. // ГАРФ. Ф. 907. Оп. 1. Д. 122.
4. Болховитинов Н. Н. Россия и США: Становление отношений 1765-1815. М., 1980.
5. Bashkina et al., United States and Russia, Washington : U.S. Govt. Print. Off., 1980

Н.Д. Токарева

Самарский национальный исследовательский университет

ОТНОШЕНИЕ ЧЛЕНОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ К ПОЯВЛЕНИЮ В РОССИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

К осени 1905 года политическая ситуация в России складывалась таким образом, что власти необходимо было решаться на серьезные уступки. В итоге, предварительно ознакомившись с проектом С.Ю. Витте, 17 октября 1905 года царь подписал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», в котором в качестве незыблемого правила устанавливалось, что никакой закон не мог получить силу без одобрения Государственной Думы [6, с. 227].

Подробное описание тех событий в своих воспоминаниях оставляет нам Великая княгиня Мария Павловна. Она вспоминает церемонию открытия Государственной Думы в Зимнем дворце. Отмечает, что у большинства участников церемонии из них был мрачный вид, отчего создавалось впечатление присутствия на похоронах и что даже император, обычно умело скрывавший свои чувства, был бледен и встревожен [1, с. 35].

По её мнению, постоянная и нескрываемая неприязнь императора действовала на Думу и на народ раздражающе. Народ и его представители в Думе в той или иной степени начали добиваться окончательного признания своих прав. Они видели, что их предложения для блага страны вроде бы получают одобрение, но, когда заходит речь об их практическом применении, их сводят на нет, чиня препятствия, большинство из которых не имеют под собой никакой основы. Она считала, что царский режим демонстрировал свою слабость и неправильность в действиях, за что при любой возможности подвергался нападкам. И при таком положении сотрудничество между царем и Думой было невозможным, и с самого начала мирные усилия по либерализации русского абсолютизма оказались обреченными на неудачу [1, с. 38]».

И если великая княгиня Мария Павловна не высказывала неприязни к Думе, хотя и была уверена в том, что ни к чему хорошему это не приведёт, то великий князь Александр Михайлович Романов, двоюродный дядя императора о создании органа, призванного ограничить самодержавную власть в России, напротив, отзывался с ярко выраженным негодованием.

Он вспоминал: «Русский Царь стал отныне пародией на английского короля, и это в стране, бывшей под татарским игом в годы великой хартии вольностей. Сын императора Александра III соглашался разделить свою власть с бандой заговорщиков, политических убийц и провокаторов департамента полиции. Это был — конец! Конец династии, конец империи! Прыжок через пропасть, сделанный тогда, освободил бы нас от агонии последующих двенадцати лет!» [4, с. 96].

Он так же, как великая княгиня Мария Павловна, оставил в своих воспоминаниях описание церемонии открытия Думы и прослеживается точно такая же, как у неё, ассоциация данной церемонии с похоронами, считая, что более уместным, чем парадная форма и драгоценности, был бы глубокий траур [4, с. 96].

Однако не все представители императорской фамилии были настроены против создания Думы. Как писал Ю.Н. Данилов, несмотря на то, что оппозиционные партии считали великого князя Николая Николаевича твёрдым охранителем старых порядков, в обществе ходили слухи об активном влиянии последнего на подписание императором Манифеста «17 октября». Решение о созыве Государственной Думы открыто приписывалось великому князю вместе с графом С.Ю. Витте. И подтверждением тому якобы служило недоверие, оказываемое великому князю при Дворе [2, с. 12]. Одни обвиняли его в излишней слабости перед ситуацией в стране, другие — в честолюбивых замыслах овладеть тронном, третьи — в склонности великого князя к «либерализму». Для нас важно только отметить сам факт присоединения великого князя Николая Николаевича к мнению графа Витте о необходимости уступок и даровании народу политических прав и сближении власти с общественными силами [2, с.13].

Николай II в письмах к матери описывал революционные события 1905 г., рассуждая о том, что у него было два пути. Первый — подавить мятеж силой, другой же путь — дать народу гражданские права, свободу слова, печати, а также принять законы, утверждающие статус Думы. По словам Николая II, каждый, с кем ему представился случай посоветоваться, поддерживали второй вариант, и особенно энергично на этом настаивал великий князь Николай Николаевич [5, с. 52].

Что же происходило за несколько дней до подписания царем Манифеста? 13 октября в Петергоф был вызван Великий князь Николай Николаевич. Его приезда ждали, чтобы назначить диктатором. Узнав об этих планах, Великий князь, выхватив револьвер, закричал: «Если Государь не примет программы Витте и захочет назначить меня диктатором, я застрелюсь у

него на глазах из этого самого револьвера». Тогда император окончательно согласился встать на путь проведения реформ [3, с. 174].

Сам же Николай II долго колебался перед принятием Манифеста, потому как не желал расставаться с абсолютной властью, считая ею своим долгом перед Богом, отечеством и предками [3, с. 176]. Однако в конечном итоге, Манифест, поддержанный Великим князем Николаем Николаевичем, был подписан вечером 17 октября в Петергофе.

Библиографический список

1. Воспоминания великой княгини Марии Павловны. М.: Захаров, 2004.
2. Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж: Navarre, 1930.
3. История России XX век: 1894-1939 / под ред. А.Б. Зубова. М.: Астрель, 2010.
4. Романов А.М. Книга воспоминаний Издательства: АСТ, Полигон, 2009.
5. Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской Империи. 1906-1917 гг. Историко-правовой очерк. М.: Кн. и бизнес, 1998.
6. Фирсов С.Л. Николай II. Пленник самодержавия. М.: Молодая гвардия, 2010.

И.О. Трубицын

Самарский национальный исследовательский университет

МОДЕЛИ ДВОРЯНСКИХ КОРПОРАЦИЙ В РОССИИ

На территории Российской империи существовало несколько моделей институализации дворянского сословия. Наиболее распространенной являлась государственно-сословная модель, оформленная «Жалованной грамотой» дворянству в 1785 г. Она была распространена государством на большей части Российской империи, в губерниях, где деятельность сословных учреждений была разрешена государством. Основанием для государственного начала послужил целый ряд исторических событий во взаимоотношении власти и общества (под обществом до второй половины XIX в. мы подразумеваем, прежде всего, боярство, дворянство).

Сравнительный анализ положения русского дворянства и его сословной организации в XVI XVII вв. с Западной моделью позволило французскому историку А.Береловичу прийти к выводу, что корпоративной организации дворянства (далее КОД) в России не существовало, а царь правил отдельными личностями [1, pp.255-256]. Примером этому, по мнению автора, является дробление «десятин» на «статьи» и углубление дифференциации поместных и денежных окладов. Как следствие, понятия «корпорация» (*les corporations*) и «сообщества» (*communautés*), характерные для Франции данного периода, оказываются чуждыми «для управляющих и

управляемых» [2, с. 174]. Другой исследователь Б.Н. Миронов приходит к выводу, что КОД была в России, но только имела иные, отличные, от Западной сословной организации начала [3, с. 399].

Элементы сословного объединения в России мы можем увидеть уже в XVI столетии. Так как в мирное время несение военной службы дворян в основном совпадало с местом нахождения землевладения, то местное дворянство объединялось в замкнутую территориальную корпорацию «служилый город» для решения государственных (прежде всего военных) и личных вопросов (продвижение по службе).

Однако, для более точного понимания характера взаимоотношений власти и общества, на наш взгляд, следует обратиться к природе власти в дореволюционной России. В основе последней будет лежать не принцип договора (конвенции) между обществом и властью, а принцип насилия доминирования власти над обществом. С.М. Соловьев, рассматривая основы феодального строя в России, пришел к выводу, что на Руси разделения земель между членами княжеской дружины не происходило, а дружинники не воспринимались как самостоятельные землевладельцы [4, с. 22-23].

В дальнейшем, несмотря на то, что Петр I и Екатерина II заимствуют идеи и «образцы» дворянской институционализации на Западе, созданная ими модель сословного самоуправления будет базироваться на государственном начале и оно будет задавать вектор ее развития. В отношении первой модели, так же, следует отметить, что со второй половины XVIII в. данная модель, как и дворянская сословная культура и мировосприятие начинает меняться от «служилого» к «равному» власти.

Иную модель мы можем наблюдать в Западных губерниях Российской империи (Прибалтика, Царство Польское и др.), она построена по западному образцу. В основе взаимоотношений власти и общества там лежал общественный договор, а дворянство (шляхта) имела весьма широкие права, не только принимала активное участие в государственно-административном, церковном управлении, но и была активным политическим игроком. КОД в этих регионах было более свободно по отношению к государственной власти, так например губернатор не имел право посещать конвент и его не информировали об обсуждаемых на нем вопросах [5, л. 88]. В этих регионах наблюдалась большая сплоченность и активность дворянского сословия, нежели в других регионах империи. Однако, после присоединения Прибалтики и территорий вошедших в состав России, после раздела Речи Посполитой, происходит их интеграция в систему государственно-административного управления России, что отражается на сословных учреждениях данных губерний.

Таким образом, мы видим, что КОД в России имела два начала: сословное и государственное. Последнее отразится не только на юридическом оформлении КОД «сверху» в большинстве губерний России, но и в регламентации функций и деятельности.

Библиографический список

1. Berelowitch A. La hierarchie des egaux. La noblesse russe d'Ancien Regime (XVIe – XVIIe siec les). Paris. Seuil. 2001. 475 p.
2. Лавров А.С. А. Берелович. Иерархия равных. Русское дворянство при старом порядке (XVI-XVII) // Вопросы истории. 2002. № 4.
3. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: сочинение в 3 т. СПб.: Изд-во «Дмитрия Буланов», 2015. Т. 1.
4. В. Г. К. Дворянство в России. Самара. Типография губернского правления. 1898.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф.1282. Оп.3. Д. 133.

В.С. Хахалева

Самарский национальный исследовательский университет

«ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» В ИДЕОЛОГИИ И ПРАКТИКЕ БОЛЬШЕВИКОВ

Основные направления и содержание женского движения в России в 1920-30-е годы определялись идейно-теоретическими положениями марксистской теории. Марксисты выступали против капитализма, который порождал и классовое неравенство, и экономическую зависимость женщины от мужчины. Они считали, что дорога к освобождению женщин является социалистическая революция. Марксист Август Бебель в своем труде «Женщины и социализм» писал: «женщина нового общества в социальном и экономическом отношении совершенно независима, и она не знает над собой даже тени господства и эксплуатации, она стоит по отношению к мужчине как свободная, равная; она сама госпожа своей судьбы» [1].

С приходом к власти большевиков происходят радикальные изменения в сфере сексуальности и семейно-брачных отношениях. В дискурсе советской власти выдвигается программа решения так называемого «женского вопроса» как вопроса политического [2, с. 336]. В.И. Ленин говорил: «Истинное освобождение женщин возможно только через коммунизм. Нужно основательно разобрать вопрос о нерасторжимой связи между положением женщины как человека и члена общества и частной собственностью на орудия производства. Это дает основание рассматривать женский вопрос как часть социального, рабочего вопроса и таким образом позволяет прочно связать его с пролетарской классовой борьбой и революцией» [3, с.248].

Преобразования гендерных отношений, которые должны были осуществиться в коммунистическом обществе, включали в себя следующие основные положения [4]. Во-первых, мужчины и женщины должны были быть уравнены в политических и социальных правах. Во-вторых, женщины должны были трудиться в общественном производстве наравне с мужчиной, домашнее хозяйство упразднялось, вводился оплачиваемый отпуск по

беременности, открывались детские ясли и сады [4]. В-третьих, разрешались аборт и облегчалась процедура развода. Регистрация брака и рождение детей теперь становилась светской процедурой. Признавался гражданский брак, упразднялся церковный [5, с. 32].

Можно сделать вывод о том, что власть создавала новое общество, формируя базисные человеческие отношения. Декретами, принятыми в декабре 1917 года, они предоставили женщинам всю полноту гражданских прав и свобод, уравнив их с мужчинами перед лицом закона.

Идеологи пролетарского женского движения А. Коллонтай, Н.К. Крупская, И. Ф. Арманд и другие хотели изменить быт человека и окончательно ликвидировать семью, как источник социального неравенства и зависимость женщины [6, с. 69]. Основная заслуга в разработке нового взгляда на социальные отношения между полами принадлежит Александре Коллонтай. Особый интерес представляет ее работа «Труд женщины в эволюции народного хозяйства». Александра Коллонтай отмечает, что патриархат есть результат отчуждения женщины от коллективного производительного труда, поэтому возвращение женщины на производство означает также и уничтожение основы социального разделения труда между полами [7]. Большевичка подробно описывает, как именно должно измениться положение женщин по социализме. Необходимо организовать новый быт граждан. Советское правительство «снимет бремя материнства с женских плеч и переложит его на государство» [7, с. 146]. В городах появятся общественные столовые, стирка в прачечных, воспитание детей в детских садах и школах и многое другое. Также Коллонтай отмечала, что «семья в ее буржуазном понимании вымрет». Семьи будут создаваться в условиях подлинной любви между мужчиной и женщиной [7, с. 161-162].

В романе «Любовь трудовых пчел» А. Коллонтай окончательно формируется новый взгляд на социальные отношения [8]. Главную роль в новом обществе играет женщина – работница и мать. В романе именно она лишена частнособственных инстинктов, легко и радостно принимает идею партии о том, что трудовой коллектив – это ее семья. У нее нет нужды в другой семье, той, что предполагает частную жизнь, отдельную и отделенную от партии, от государства [9, с. 7-8]. Мужчина же в этой паре – лицо второстепенное, он с колебаниями относится к установкам партии и государства, задумывается, вместо того чтобы принять их на веру. Главное заключается в том, что в принципе можно обойтись и без него, ведь рядом с героиней трудовой коллектив, партийная ячейка. Они – гаранты новой жизни, гаранты будущего и для нее, и для ребенка, которого она ждет [9].

Идеи А. Коллонтай вызвали бурную дискуссию в обществе, однако идейные нападки лишь способствовали пропаганде ее установок, которые были необходимы советскому государству на этапе его становления.

Однако, во второй половине 1920-х годов тенденция радикализации семейно-брачных отношений постепенно начинает меняться [10, с.246]. Насту-

пало время великих строек социализма, которому нужны были дешевые рабочие руки женщин. СССР их получил. Женский труд стал символом этой эпохи. Но государство не сумело реализовать взятых на себя обязательств по развитию социальной инфраструктуры и службы быта, по воспитанию детей [10, с. 250]. К тому времени происходит ослабление семейных устоев, что отрицательно сказывается на демографии. Государство не могло допустить резкого падения рождаемости, что сразу же находит отражение в законодательстве. В середине 1930-х советское государство перешло на позицию защиты семьи и материнства, объявив в 1936 году аборт вне закона [5, с. 42]. Советские власти столкнулись с еще одной трудностью — 75% всех неграмотных составляли именно женщины [11, с. 77]. Участие женщин в пролетарском движении было минимальным. Это давала руководителям большевистской партии возможность рассматривать женщин не просто как угнетаемые, но и как «культурно отсталый» слой населения.

Таким образом, «женскому вопросу» в процессе построения нового общества отводилось весьма значительное место. Идеиные установки большевиков по созданию новых социальных отношений между мужчиной и женщиной были реализованы в первом десятилетии правления новой власти. Но к 1930-м годам государство не смогло выполнить взятых на себя обязательств по предоставлению женщинам социальных условий труда и быта. «Женские вопросы» до конца решены не были.

Библиографический список

1. Август Бебель. Женщина и социализм. Под ред. Д. Барулина. М., 1959. (URL: http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/bebel_woman.html (Дата обращения 10.11.2019)).
2. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии. СПб., 2015.
3. Феминизм в общественной мысли и литературе. М.: Грифон, 2006.
4. Градскова Ю. Советский тоталитаризм и «освобождение» женщины: к проблеме идентичности «советской женщины» // www.auditorium.ru.
5. Законодательство о правах женщин в СССР: Сборник нормативных актов. М., 1975.
6. Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической теории и истории. Документальные материалы. М., 1998.
7. Коллонтай А.М. Труд женщины в эволюции народного хозяйства. М., 1923.
8. Коллонтай А.М. Любовь трудовых пчел. М., 1924.
9. Ельникова Г.А. Становление и развитие феминизма в России: к истории вопроса. 2003 (URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-feminizma-v-rossii-k-istorii-voprosa> (Дата обращения: 12.11.19))
10. Ричард Стайтс. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм 1860-1930. М., 2004.
11. Аракелова М.П. Ликвидация неграмотности вредит женщинам в первой половине 1920-х годов // Социологические исследования. 1994. № 3.

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
«ИСТОРИК-МАРКСИСТ» (1926 – 1941 ГГ.)**

В научной литературе отмечается, что Первая мировая война составляет важную веху в современной мировой истории, равно как и в национальных историях испытавших на себе ее воздействие стран [2, с. 645].

Война коренным образом изменила европейский государственно-политический ландшафт в целом. С политической карты Европы исчезли четыре империи (Российская, Германская, Австро-Венгерская и Османская), произошли системные изменения в социальных, экономических, политических институтах и отношениях, масштабные сдвиги в интеллектуальном и культурном пространствах [3, с. 3]. Война принесла разрушения и гибель миллионов людей, но она также выступила в роли генератора радикальных трансформаций в общественной жизни, в политике и экономике [2, с. 645].

К числу источников исторической памяти о Первой мировой войне традиционно относятся исторические журналы.

Журнал «Историк-марксист» длительное время являлся одним из ведущих отечественных исторических журналов [1] и отвечал идеологическим, методологическим и политическим требованиям со стороны властных структур в области исторической науки [4, с. 147-161].

Предметом анализа настоящей статьи являются публикации о Первой мировой войне в журнале «Историк-марксист» (1926-1941 гг.); целью — рассмотрение трансформации взглядов на Первую мировую войну на страницах журнала «Историк-марксист» в указанный период.

В предмет анализа включались как специализированные статьи, посвященные различным аспектам Первой мировой войны, так и статьи, в которых события Первой мировой войны выступали в качестве значимого фона для темы статьи. В то же время в предмет анализа не включались статьи, в которых события Первой мировой войны упоминались, однако не представляли существенного значения.

Анализ публикаций о Первой мировой войне в журнале «Историк-марксист» свидетельствует о том, что с 1926 года по 1941 год в данном журнале происходила постепенная терминологическая, содержательная и политическая трансформация исторической памяти о Первой мировой войне.

С терминологической точки зрения, наблюдается постепенное смещение акцента с «империалистического» характера войны («империалистическая война», «империалистская война», «империалистическая война 1914-1917 годов») на «мировой» характер войны («мировая война», «первая мировая империалистическая война», «первая мировая война»). При этом накануне Великой отечественной войны закрепляется определение «пер-

вая» («первая империалистическая война», «первая мировая империалистическая война», «первая мировая война»).

С содержательной точки зрения, наблюдается постепенное смещение акцента с «глобального» характера причин происхождения Первой мировой войны («захватнические устремления государств», «международный империализм», «империалистические устремления больших и малых государств») к их конкретизации (финансовый капитал группы Ротшильда, германский империализм). При этом накануне Великой отечественной войны происхождение Первой мировой войны связывается с Германией.

С точки зрения политической трансформации Первой мировой войны, наблюдается постепенное смещение акцента с сопоставления войны и революций (Первая мировая война как «ближайшая и непосредственная причина» революции 1917 года в России; Первая мировая война как событие, «превентивное» по отношению к революции и ускорившее ее ход; обстановка Первой мировой войны как причиняющая вред Германии и др.) на сравнение Первой мировой войны с войной в Европе (мнение о том, что изучение мирового кризиса 1914 года должно занять в историческом анализе самостоятельное место; проведение параллелей между Первой мировой войной и «второй империалистической войной»; сопоставление «пацифистских иллюзий» накануне войны относительно возможности начала войны в Европе в XX веке). При этом накануне Великой отечественной войны наблюдается тенденция к использованию Первой мировой войны как «политического продукта» для негативной характеристики сущности политики иностранных государств (Болгария, Словения, Франция и др.).

Кроме того, имела место констатация тенденций по фальсификации различными государствами исторической памяти о Первой мировой войне (активизация деятельности американских научных ассоциаций после Первой мировой войны; увеличение числа зарубежных публикаций по Первой мировой войне, направленных на реабилитацию «своих» правительств), а также делались попытки влиять на формирование «советского» понимания Первой мировой войны за рубежом (шаги к одновременному опубликованию отечественных документов по Первой мировой войне и их перевода за рубежом).

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что Первая мировая война «не забывалась» на страницах журнала «Историк-марксист» с 1926 по 1941 годы.

Представляется, что постепенная терминологическая, содержательная и политическая трансформация исторической памяти о Первой мировой войне на страницах журнала отражала стремление молодого советского государства сохранить в исторической памяти такое важное событие как Первая мировая война.

Библиографический список

1. Алаторцева А.И. Журнал «Историк-марксист», 1926–1941 гг. М., 1979. 287 с.
2. Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война: Ист. очерк / Отв. ред. Г.Д. Шкундин, 2002. 686 с.
3. Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции. // Российская история. 2017. № 2.
4. Шевелёва П.В. Образ «Красного профессора» (по материалам журнала «Историк-марксист») // Вестник ЧелГУ. 2007. № 21. С. 147-161.

К.В. Беляева

Самарский государственный социально-педагогический университет

ГОЛОД В ПОВОЛЖЬЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ИМАГОЛОГИЯ: К ПОСТАНОВКЕ НОВЫХ ПРОБЛЕМ

Работа выполнена в рамках реализации гранта Президента РФ «Красная угроза» в оценках прессы США 1917 – 1941 гг.» (МД-776.2019.6)

Изучение образ «Другого» может дать наиболее плодотворные результаты, когда речь идет о переломных или ключевых эпохах в двухсторонних отношениях. Одним из таких период является голод в Советской России в 1921-1922 гг., известный также как Голод в Поволжье [1, С. 248-254]. Этот голод не только стал наиболее губительным для Самарской губернии, но шокировал мировую общественность, в том числе на Западе. Следовательно, можно поднять вопрос о региональном контексте развития восприятия «красной угрозы» в США.

В октябре 1920 года «New York Times» опубликовала небольшую статью, рассказывающую о восстаниях, вспыхивающих в Сибири, Тамбове и Самаре, а заголовок сообщал о том, что «красные столкнулись с худшим зимним голодом» [2, Р.7], связанным с плохим урожаем. После этого сообщения «New York Times» замолчала о голоде – реальном или потенциальном – практически на год. Уже в 1920 году за океаном предполагали, что в России возможен голод. Новое сообщение об этой проблеме появляется в июне 1921 года: «25 миллионам русских угрожает голод» [3, Р.5] из-за уничтоженного засухой урожая в Уфе, Царицыне, Саратове, Самаре, Симбирске, Вятке, Перми, Казани и на Северном Кавказе. Далее пресса не раз освещает читателей о широком распространении таких заболеваний, как холера, бубонная чума и тиф [4, Р. 3; 5, Р. 9; 6, Р. 4; 7, Р. 7; 8, Р. 12]. Осложнял положение как в Самаре, так и по всей стране, огромный поток беженцев из регионов [9, Р. 3; 10, Р. 11, Р. 1; 12, Р. 7].

Задолго до первой реальной помощи со стороны США, американские СМИ максимально красочно расписывали ужасы, происходящие в России

[10, Р. 2]. Это американская газета сравнивает с аналогичным замалчиванием фактов в царской России во время голода 1891-1892 гг. Однако, надо отдать должное заокеанским журналистам, приводящим следующее высказывание Мясова: «Если к сентябрю обнаружится, что урожай намного ниже среднего, то к декабрю голод будет ужасен. Голод [как Всадник Апокалипсиса] наступает быстро» [10, Р. 2]. Это сравнение весьма показательное, т.к. методы создания образа голода, как и образа Самары в 1920-х гг. были такими же как и в конце XIX в. Тема голода использовалась американскими журналистами корректировки, прежде всего, американской «Я-концепции»: публикации об ужасах Поволжья неизменно сопровождались репортажами об экономических успехах США. А это актуализировала другой информационный феномен — многочисленные статьи об американской помощи России, что бы подчеркнуть цивилизационную миссию США в России — «новый крестовый поход за освобождение русских» от большевиков и голода, который для общественности США был высшим маркером отсталости.

Советские власти всячески отрицали то, что они просили помощи у Запада. Так, народный комиссар по иностранным делам РСФСР Георгий Васильевич Чичерин говорил: «Мы не обращались к Америке [за помощью], только если этого не делали... Максим Горький и его Высокопреосвященство Патриарх Российский Тихон. У нас нет связей с Американским правительством, а значит... мы не можем требовать американской помощи» [13, Р. 8]. Действительно, в прессе достаточно много упоминаний о Патриархе Московском и Всея Руси Тихоне, который, во-первых, вместе с Синодом выступал против изъятия церковного имущества «красными», а во-вторых, обращался к американским и английским церквям за помощью, говоря, что «миллионы людей находятся на грани голодной смерти» [14, Р. 14]. 13 июля 1921 года Максим Горький обратился «ко всем честным людям Европы и Америки», и уже 23 июля глава Американской Администрации Помощи Герберт Гувер сообщил о готовности вести переговоры об оказании помощи голодающим в России и особенно в Самаре, Казани, Саратове.

Можно увидеть, что в прессе обрисовывалось 2 образа Самары в период голода: *романтический* и более ярко выраженный — *демонический*. Под романтическим образом общественности доказывалось, что Самара станет центром борьбы с голодом, что большой город выстоит — благодаря помощи США. Американские СМИ видели даже решение всех проблем Поволжья, они ссылались на то, что советских крестьян нужно просто всему обучить, комбинируя материальные методы помощи и гуманитарные. И тогда развитие поволжского региона пойдет быстрыми темпами. Под демоническим образом они видели в Поволжье тюрьму народов, где отсталость, голод и разруха — это ни что иное как следствие тирании и жестоко-

сти. Крестьяне – самый отсталый и жестокий слой населения. А Самара страшный город мертвецов и людоедов. Как видно, в каждом из этих образов особую роль всегда играли крестьяне и деревня. Через них Самара и романтизировалась и демонизировалась, но США неизменно отводилась роль наблюдателя: мудрого и великодушного.

Библиографический список

1. Репинецкий А.И. Практики выживания населения Поволжья в условиях голода 1921 – 1922 гг. // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции. Ответственный редактор В.А. Веремченко. 2019. С. 248-254.
2. New York Times. 1920. October 6.
3. New York Times. 1921. June 29.
4. New York Times. 1921. July 10.
5. New York Times. 1921. August 5.
6. New York Times. 1921. August 16.
7. New York Times. 1922. March 3.
8. New York Times. 1922. April 26.
9. New York Times. 1921. July 10.
10. New York Times. 1921. August 18.
11. New York Times. 1922. March 3.
12. New York Times. 1921. August 18.
13. New York Times. 1921. July 17.
14. New York Times. 1921. July 20.

К.В. Панкеева

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

«ПАНИСЛАМИЗМ» ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ ЧИНОВНИКОВ И ЕВРОПЕЙСКИХ СМИ НАЧАЛА XX В.

В начале XX в. в Российской империи в кругах чиновников заходила речь о «призраке панисламизма». Эта тема муссировалась и в зарубежных СМИ. Попытаемся выявить отличительные и общие черты понимания панисламизма в европейских странах и в Российской империи.

Обратимся к зарубежным СМИ. Корреспондент газеты The Manchester Guardian (ежедневная газета в Великобритании, основана в Манчестере в 1821 году под названием The Manchester Guardian) от 13 июня 1906 г. писал, что следует обратить внимание на замечания Мустафы Паши Кемалю по поводу понимания панисламизма. Он указывает на то, что Европа преднамеренно или неправильно толкует идеал панисламизма. Она боится возрождения религиозной войны, подобной тем, которые в прошлом причи-

няли бедствия человечеству «Единственная война, которую мы ведем или будем вести, — это против невежества, фанатизма и забвения» [5, с. 7].

Одним из обществ, пропагандирующим правильное понимание панисламизма, было Анджуман-и-Ислам (общество основано 1.01.1886 года, располагалось по адресу 158 Fleet Street, London EC4). На рубеже веков общество находилось в упадке, но в 1903 г. адвокат и выпускник Эдинбургского университета Абдулла Аль-Мамун Сухраварди возродил его под именем Панисламского общества [7].

А с 1907 г. в Лондоне начало действовать Исламское общество. Оно стало преемником Панисламского общества [8]. Главной его целью было содействовать религиозному, социальному, моральному и интеллектуальному продвижению мусульманского мира [6, с. 115].

Автор книги о панисламизме за 1908 г., Шейх Мушир Хусаин Кидваи (секретарь Панисламского общества в Лондоне), трактует панисламизм как оборонительное, а не агрессивное движение. Автор считает, что греко-арабское слово «панисламизм» впервые использовал в своем истинном и правильном смысле Абдулла аль-Мамун Сухраварди, он прикрепил современное слово «пан», которое обозначает экспансию и союз, к слову «ислам». Почти во всех ведущих европейских газетах, особенно в Англии и Франции, разгорелся спор о значении и будущем этого движения.

Что касается российских источников, то на панисламизм был иной взгляд: от зав. Особым отделом полковника Еремина на имя начальников районных и охранных отделений и ГЖУ в декабре 1910 г. поступило такое заявление: «В последние 3-4 года среди мусульманского населения Империи, а также и за границей, замечается явное брожение, возникшее на почве идей так называемого панисламизма. Это фанатическое движение, всемерно поддерживаемое младо-турецкими и младо-персидскими комитетами, начинает получать в России особо сильное развитие. Оно замечается в сильной степени на Кавказе, в Крыму, в Волжско-Камском районе и других городах Империи [2, л. 142]».

Участники Особого совещания пришли к выводам о выработке мер в трех направлениях: духовно-просветительское, культурно-просветительское и административное. «Но незначительное знакомство органов власти, так и русского общества с языком, бытом и верованиями инородцев, рациональное понимание нашего мусульманского мира представляется почти исключенным». Была поставлена задача изучения мусульман и мусульманского вопроса, в чем участники видели причину появления волнений и движений с элементами исламского фактора в Приволжском крае.

Чиновники прежнего строя плохо разбирались в различных течениях среди мусульман. Губернаторы Поволжья, Приуралья и др. мест особенно охотно подводили все указанные течения под одно слово «панисламизм». Эти результаты иногда приводили к абсурдным, с точки зрения современности, секретным циркулярам. Так, в марте 1910 г. в одном из таких цирку-

ляров всем губернаторам и градоначальникам сообщалось, что «согласно мнению ДДДИИ прочтение фетвы Шейх-уль-Ислама в мечетях представляется безусловно недопустимым, причем и распространение такой среди мусульманского населения империи совершенно нежелательно» [3, с. 89].

Большую озабоченность по поводу развития мусульманского движения постоянно проявлял сам П.А. Столыпин. В январе 1911 г. в Совет Министров была подана его записка: «О мерах для противодействия панисламистскому и пантуранскому (пантюркскому) влиянию среди мусульманского населения». Его крайне беспокоили процессы, происходившие в Поволжье, где, по его словам, «татарско-мусульманское движение проявилось особенно рельефно и интенсивно и достигло наибольших реальных результатов». Результаты эти, по мнению Столыпина, заключались в следующем: ... 4) в создании целого ряда мусульманско-татарских духовно и культурно-просветительных и благотворительных учреждений, книгоиздательства, периодических изданий и т.п. ... 6) нескрываемом тяготении к зарубежному мусульманству, установлении постоянных сношений с Турцией и Египтом, воспитании молодежи в турецких учебных заведениях и т.п. Изучение этих явлений показывает, что они не случайны, а вытекают из определенно поставленной программы панисламистов [1, с. 347-352].

Все вышеперечисленные факты ставятся под сомнение циркулярным Предписанием Департамента Полиции от 18 декабря 1910 г., вследствие которого вносится некоторая ясность в обстановку: «... от агентуры поступили следующие сведения: в пределах Самарской губернии никаких турецких эмиссаров не было, так как никаких даже тайных слухов по этому поводу среди мусульман не имеется. О возникновении каких-либо магометанских обществ, в основу коих являлось бы объединение всех мусульман мира, никаких суждений и разговоров нет [4, л. 9]».

Подведя итог всему вышесказанному, можно утверждать следующее. Что касается мнения о панисламизме, то отличия определенно есть. В Европейских странах оно заключается в объединении всех мусульман лишь ввиду культурных причин. В Российской империи среди мусульман, по словам чиновников, слышится призыв к религиозному, социальному, моральному и интеллектуальному продвижению. Общим моментом является реальное «пробуждение» исламского мира и действительно слышится призыв к объединению. Этот процесс, как мы видим, и в Российской империи, и за рубежом трактуется в разных ключах. У нас вещали об этом чиновники, а в европейских странах – СМИ. Но при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что за «пробуждение» выдаются действия мусульман, которые приемлемы и типичны для них: паломничество в Мекку, открытие издательств и печатание национальной литературы, желание организоваться в группы и изучать своё историческое прошлое.

Библиографический список

1. Арапов Д.Ю. Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII-начало XX вв.): сборник статей / сост. Д. Ю. Арапов. Москва: Наталис, 2006. 479 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Панисламизм. Журнал Сират-Мустахим. Ф. 102. Оп. 240. Д. 74 (2).
3. Шакирова А. М. Мусульманское сообщество Среднего Поволжья в этно-конфессиональном дискурсе имперской политики России во второй половине XIX – начале XX в.: историко-политический анализ: дис. ... канд. истор. наук. Казань, 2009. 215 с.
4. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). О мусульманских организациях, проповедующих учение панисламизма. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1393.
5. Meaning of Pan-Islamism: a mahometan civilization. The Manchester Guardian (1901-1959); Jun 13; 1906; ProQuest Historical Newspapers: The Guardian and The Observer.
6. Turks across Empires/ Marketing Muslim Identity in the Russian-Ottoman Borderlands, 1856-1914/ James H. Meyer/ OXFORD University press. 2014.
7. URL:<http://www.open.ac.uk/researchprojects/makingbritain/content/anjuman-islam-london> (Дата обращения: 20.01.2019).
8. URL:<http://islam.ru/content/history/30973> (Дата обращения: 24.01.2019).

В. Романова

Самарский национальный исследовательский университет

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ВО ФРАНЦИИ

Появление российских беженцев в Европе носило характер стихийного бедствия, что побудило международные организации и правительства принимающих стран предпринимать действия, для решения проблемы.

Декрет ВЦИК (1921 г.), перевел русских беженцев в статус апатрида. Проблемой беженцев занялась Лига Наций. В 1922 г. был утвержден текст сертификата беженца. Выдача его не накладывала на государство, предоставившее убежище, никаких обязательств [3, с. 245]. Не был унифицирован порядок выдачи сертификатов, процедура выдачи сопровождалась коррупцией и мошенничеством [2, с. 140]. В середине 1920-х гг. встал вопрос о пересмотре сертификата, в связи с планами МБТ переселить беженцев на работу в Южную Америку. Третья статья Соглашения от 12 мая 1926 г. признавала право на возвращение в страну, выдавшую сертификат [7].

Нерешенным был вопрос правового статуса беженца. В 1926 г. в Центральную комиссию по изучению положения русских и армянских беженцев вошли русские юристы. Основные дебаты развернулись вокруг вопроса о представительстве беженцев. Выражалось желание чтобы к беженцам применялось русское законодательство. Комиссия не рекомендовала при-

бегать к высылке беженцев. Единственным успехом соглашения от 30 июня 1928 г. было создание института представителей Лиги Наций — особых чиновников, действующих при беженских организациях и наделенных близкими к консульским полномочиями [3, с. 254, 256, 258, 259, 260]. Были упрощены для беженцев процедуры получения и продления сертификата беженца, смягчены законы, применяемые к беженцам [8]. Высылка запрещалась, если беженец не имеет возможности законно находиться на территории другой страны.

В 1930 г. оказание помощи беженцам было поручено Международному офису по делам беженцев им. Ф. Нансена, где впервые русские беженцы были привлечены к работе международной организации. Дебатировался вопрос создания конвенции о беженцах, носящей обязательный характер. 26-28 октября 1933 г. Была принята «Конвенция о юридическом статусе русских и армянских беженцев»: беженцы были уравнены в правах в областях социального обеспечения [4], студенты — беженцы уравнены в правах со студентами данного государства, с беженцев не могли взиматься налоги «кроме или выше тех, которые при аналогичных условиях взимаются или могут взиматься с их собственных граждан» [4].

Интересы беженцев из России представляло сохранившееся во Франции после 1917 г. посольство России, утратившее статус в 1924 г., когда Франция признала СССР. Преемником посольства стал Центральный офис по делам русских беженцев, удостоверяющий личности и статус беженца, подтверждающий подлинность российских документов. Центральный офис выполнял функции посольства, формально не имея такой власти, однако прежние русские миссии поддерживали правительство стран-реципиентов [3, с. 274; 5, с. 27]. Стоит отметить, что русские дипломаты прекрасно проявили себя, как защитники русских беженцев за границей. В условиях правовой неразберихи они вмешивались в индивидуальные дела соотечественников и помогали получить паспорт или въездную визу, спасая от высылки [5, с. 29, 32].

Способом улучшить свое правовое положение для беженцев была натурализация. Однако лишь немногие беженцы воспользовались такой возможностью. Во Франции в период с 1920 по 1931 гг. в законный брак с француженками вступило около 5239 мужчин [6, с. 212]. По данным на 1926 г., французское гражданство приняли 5803 выходца из России, к 1936 г. их число увеличилось до 13 810 человек [1, с. 58].

Проблема русских беженцев была сложной и запутанной, однако международные организации и правительства стран-реципиентов принимали участие в этом вопросе, вырабатывая документы, регулирующие данную проблему. Русские юристы включились в работу, участвуя как в обсуждении проблемы, так и в подготовке международных документов. Русская эмиграция положила начало обсуждению беженского вопроса на международном уровне.

Библиографический список

1. Баркова О.Н. К вопросу о численности, гендерном и социальном составе русской эмиграции во Франции в 1920-1930-е гг. // Клио. 2013. № 2. С. 55-59.
2. Бочарова З.С. «Не принявший иного подданства». Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920-1930-е годы. СПб., 2005.
3. Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы). М., 2014.
4. Конвенция о международном статусе беженцев. Женева, 28 октября 1933. URL: elib.bsu.by/bitstream/123456789/29857/1/2000_1_JILIR_refugees_r.pdf (дата обращения: 21.02.2020).
5. Миронова Е.М. Дипломаты русского зарубежья в борьбе за обеспечение правового положения беженства // Правовое положение российской эмиграции в 1920-1930 гг. (под ред. Бочаровой З. С.). СПб., 2006. С. 25-43.
6. Пивовар Е. И. Российское зарубежье: социально исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008.
7. Соглашение о выдаче удостоверений личности русским и армянским беженцам, о дополнении и внесении изменений в Соглашения от 5 июля 1922 г. и 31 мая 1924 г. Женева, 12 мая 1926 г. URL: elib.bsu.by/bitstream/123456789/29857/1/2000_1_JILIR_refugees_r.pdf (дата обращения: 21.02.2020).
8. Соглашение о правовом статусе русских и армянских беженцев. Женева, 30 июня 1928 г. URL: elib.bsu.by/bitstream/123456789/29857/1/2000_1_JILIR_refugees_r.pdf (дата обращения: 21.02.2020).

И.Д. Ерофеев

Московский государственный университет

ИМПЕРАТОРСКИЙ ВАРШАВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОКОВ

Императорский Варшавский университет был открыт в 1869 г. взамен упразднённой Главной Варшавской школы. Подобное преобразование стало следствием Январского восстания, и было одним из проявлений ужесточения царской политики по отношению к беспокойным польским землям [1, с. 38-41]. Главным камнем преткновения стало обязательное преподавание на русском языке, что вызывало возмущение поляков, однако люди помнили неудачное восстание, а цензурная система работала исправно, поэтому в публичном поле эта проблема особо не обсуждалась.

Активная дискуссия по поводу той роли, которую играет Императорский университет в польских землях, развернулась в период Первой русской революции и в последующие годы. Начинается она со статьи профессора Шимона Аскенази, ставшей обвинительным манифестом в адрес университета. Продолжает эту критику другой выпускник университета Николай Дубровский, рассмотрим некоторые тезисы последнего.

Аргументом в пользу предвзятости работников университета и того, что они служат лишь интересам «официальной России» [2, с. 5], Дубровский считает их тесные взаимоотношения с попечителем Варшавского учебного округа и главным русификатором Польши А.Л. Апухтиным.

Подбор кадров для университета проходил исключительно по принципу верности царизму и русификаторству, что, по мнению Дубровского, сопровождалось игнорированием их профессиональной пригодности. Дубровский в своей брошюре задаётся вопросом, насколько реалистичной и продуманной была идея властей, о том, что горстка лояльных русских профессоров сможет хоть как-то повлиять на студентов, сможет конкурировать с традициями польской литературы, журналистики, науки и культуры в целом [2, с. 7-8]?

Даже в университетском студенческом сообществе русские считались скорее «нежеланными гостями» [3, с. 432]. Такая антипатия объясняется памятью о последнем восстании, которая накладывалась на молодую горячую кровь. Однако нельзя сказать, что между студентами была какая-то открытая вражда, они относились друг к другу с холодным равнодушием. У поляков были свои студенческие традиции, к которым русских не допускали, а те и не особо хотели. Примером может быть ежегодный благотворительный концерт в пользу малоимущих студентов [3, с. 432].

В целом у Дубровского прослеживается рациональный вывод о том, что Варшавский университет не способен выполнить ни одну из возлагаемых на него функций и является попросту неэффективным расходованием народных денег.

В 1908 году некий русский профессор пытается полемизировать с критиками Варшавского университета.

В первую очередь он оспаривает цифры, касающиеся числа студентов. И Аскенази, и Дубровский сетуют на то, что в Главной школе слушателей было больше, чем в Варшавском университете, при том, что население польских земель постоянно росло. «Русский профессор» же приводит другие цифры, согласно которым в Варшавском университете, как минимум в начале XX века студентов было больше, а данные, которыми апеллируют его оппоненты, не соответствуют действительности [4, с. 10].

Не согласен автор и с принижением образовательной и научно-исследовательской ценности заведения. Он говорит, что хоть большая часть бюджета действительно уходит на зарплату преподавателям, значительная часть денег идёт на развитие самого университета.

В выводах «русский профессор» пишет, что претензии поборников колонизации университета надуманны и продиктованы исключительно их политическими устремлениям, в которые не вписывается идея культурного сближения двух народов [4, с. 19-20].

Таким образом, приняв во внимание позиции разных сторон, мы можем сделать вывод, что Варшавский Императорский университет, конечно

же, был элементом русификаторской политики царского режима, однако сами русификаторы слабо понимали, как это заведение должно работать, чтобы оно выполняло возложенную на него функцию. Претензии современников к науке и образованию вполне могут носить спекулятивный характер, их реальный уровень должен исследоваться отдельно.

Библиографический список

1. Баженова А.Ю. Историки Императорского Варшавского университета, 1869-1915: просвещение, наука, политика. Люблин, 2014.
2. Дубровский Ник. Официальная наука в Царстве Польском (Варшавский университет по личным воспоминаниям и впечатлениям). СПб., 1908.
3. Тур К.Н. Студенческие годы // Русская старина. Том 151. СПб., 1912.
4. Варшавский университет и бывшая Варшавская главная школа. СПб., 1908.

В.А. Вербовой

Самарский национальный исследовательский университет

МИТРОПОЛИТ ИОАНН (СНЫЧЁВ) В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Изученная литература позволяет выделить два направления в исследовании жизни и деятельности архиерея. Исследования первого направления посвящены изучению различных аспектов биографии митр. Иоанна. Первопроходцем в изучении биографии митр. Иоанна следует признать В.Н. Якунина. В его монографии «История Самарской епархии в портретах ее архиереев», вышедшей в 1999 году, архиерею посвящена одна из глав работы [1]. Большая часть главы о митр. Иоанне посвящена периоду управления Куйбышевской епархией в 1965-1990 гг., но это всего 16 стр., которые дают только обзорное представление о фрагменте биографии митр. Иоанна.

Художественно-документальное произведение Н.М. Коняева «Облеченный в оружие света» (2002 год) стало первым изданием, посвященным личности митр. Иоанна, в котором характеризуются все основные жизненные этапы [2]. Автор сосредотачивает свое внимание на описании некоторых аспектов духовно-нравственного воспитания паствы и личной жизни владыки, не касаясь его административно-управленческой деятельности.

Если в работе В.Н. Якунина были введены в научный оборот преимущественно архивные источники, то работа Н.М. Коняева основывается преимущественно на источниках личного происхождения. Работа написана в художественном стиле, без анализа исторических источников, поэтому в ней не соблюдается ряд требований, необходимых для научного издания.

Последней работой, посвященной митр. Иоанну, на данный момент является книга А.А. Солоницына [3]. А.А. Солоницын описывает такие

факты биографии митрополита, как подготовка магистерской диссертации, участие Иоанна в праздновании 1000-летия Крещения Руси в 1988 г. и др.

Статья игумена Никона (Ратникова) посвящена музыкальным способностям о. Иоанна, что интересно для изучения его личной жизни [4]. Среди исследователей биографии митрополита также отдельно стоит выделить статью А.С. Ивановой, которая рассматривает непопулярные темы издательской и благотворительной сфер деятельности в Куйбышевской и Санкт-Петербургской епархиях [5]. И.Н. Косых в своей работе затрагивает вопросы управления митрополитом Иоанном Ульяновской епархией [6]. Различные аспекты биографии о. Иоанна упоминаются также в работах церковных историков протоиерея Владислава (Цыпина) и иеромонаха Андрея (Василюка) [7] [8].

Второе направление исследований представлено анализом творчества митр. Иоанна, научное историческое изучение которого начинается вскоре после его кончины. П.С. Кабытов и И.Б. Моисеев проанализировали поздние историософские и публицистические работы владыки [9] [10].

Изучением мнения владыки о роли Ивана Грозного в истории России по его поздним трудам занимались В.Н. Курятников и иерей Дионисий (Кузнецов) [11] [12].

Ранним историческим и богословским трудам митрополита посвящены только две краткие обзорные статьи иеромонаха Иннокентия (Ляха) и петербургского историка Р.С. Катаева [13] [14].

Особое место в изучении жизнедеятельности владыки занимает исследование хранителя фондов УСЕЦИМ А.П. Семеновой. Ее статьи посвящены архиву фотографий владыки [15] [16].

Таким образом, жизнь и деятельность митр. Иоанна (Снычёва) преимущественно представлена в историко-краеведческой литературе. Она дает представление о двух направлениях изучения жизни и деятельности владыки. Наиболее разработанным следует считать второе направление. В творчестве акцент в анализе сделан на поздние работы.

Библиографический список

1. Якунин В.Н. История Самарской епархии в портретах ее архиереев. Тольятти, 1999.
2. Коняев Н.М. Ангел Церкви. Документальное повествование о жизненном пути, деяниях и посмертных чудесах Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского. СПб., 2009.
3. Солоницын А.А. Он родился мертвым, а умер живым. Крестный путь Владыки Иоанна (Снычева). М., 2018.
4. Никон (Ратников), игумен. Церковно-певческий талант митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева) в воспоминаниях его духовных чад // Пятнадцатые Иоанновские чтения. Самара, 2011.
5. Иванова А.С. Слово о владыке // Седьмые Иоанновские чтения. Самара, 2003.

6. Косых И.Н. Архиерейское служение в Симбирской (Ульяновской) епархии с 1832 по 1989 г. Часть 10. // Сайт: Московская Сретенская духовная семинария. URL: <http://sdsmpru/author/1754/>

7. Владислав Цыпин, протоиерей. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. М., 2006.

8. Андрей (Василюк), иеромонах. История Минской духовной семинарии периода первого возрождения в послевоенные годы (1947–1964 гг.) в документах архива МинДС // Церковно-исторический альманах. Минск, 2015. № 2.

9. Кабытов П.С. Историческая концепция митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна // Иоанновские чтения памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского. 9-10 октября 1996 г. Секция Русская история. Самара, 1997.

10. Моисеев И.Б. Историческое творчество митрополита Иоанна и самоопределение историка // Вторые Иоанновские чтения. Самара, 1998.

11. Курятников В.Н. Осмысление роли Ивана Грозного в судьбах России (по трудам митрополита Иоанна и русских историков) // Четвертые Иоанновские чтения. Самара, 1999

12. Дионисий Кузнецов, иерей. Митрополит Иоанн (Снычев) как автор книги «Самодержавие духа» // Десятые Иоанновские чтения. Самара, 2006.

13. Иннокентий (Лях), иеромонах. Митрополит Иоанн Снычев // Шестые Иоанновские чтения. Самара, 2002

14. Катаев Р. Митрополит Иоанн (Снычев) как церковный историк. Ко дню памяти митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). 2011. URL: <https://spbda.ru/publications/roman-kataev-mitropolit-ioann-snychev-kak-cerkovnyu-istorik-ko-dnyu-pamyati-mitropolita-sankt-peterburgskogo-i-ladojskogoi-joanna-snycheva/>

15. Семенова А.П. Владыка Иоанн и его духовные чада. Фотолетопись отношений. Отечественные и зарубежные поездки // Пятнадцатые Иоанновские чтения. Самара, 2011.

16. Семенова А.П. Предварительные результаты архивной работы с материалами фонда Владыки Иоанна (Снычева), хранящимися в Епархиальном Церковно-Историческом музее // Иоанновские чтения. Самара, 2011.

А.Г. Горбунов

Самарский национальный исследовательский университет

СОВЕТЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В советский период важнейшим источником исследований по данной теме являлись труды В.И. Ленина [1], разработавшего теоретические вопросы развития Советов. Также проблему усовершенствования советского государственного аппарата затрагивал Н.И. Бухарин [2]. Но в советское время работы Бухарина были практически недоступны для исследователей.

В статье «О демократизме и социалистическом характере Советской власти» В.И. Ленин, характеризуя Советскую власть, выделяет основные

принципы работы советов — участие в управлении государством «представителей трудящегося народа (рабочих, солдат и крестьян), свободно выбираемых и сменяемых в любое время массами»; «соблюдение социалистической законности» и борьба с волокитой: «величайшим искажением основных начал Советской власти ... узаконение их права ослаблять или торжествовать распоряжения общегосударственной власти» [3, с. 481].

Советские работы периода 1930-х — начало 1950-х гг. в основном представляют собой брошюры и статьи публицистического характера и их также можно охарактеризовать как исследования прикладного характера [4]. В большинстве работ авторы не дают чёткого анализа и выводов. Для современного автора представленные работы будут интересны лишь как историографический факт.

В 1950–1960-е гг. проводились диссертационные исследования представленной темы [5]. Современными исследователями отмечается, что на данном этапе развития историографии происходило накопление фактологического материала, что не могло не сказаться на качестве научных исследований [6, с. 6]. В этот период можно отметить увеличение количества работ и расширение тематики исследований, например, исследование закономерностей складывания общенародного государства, перспектив дальнейшего развития социалистической государственности и т.д.

На этапе 1970–1980-х гг. авторы уделяют внимание вопросам деятельности Советов различного уровня при решении различных хозяйственных задач. Л.В. Храмов подробно изучил деятельность Советов Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны. В его работах были поставлены задачи и решены ключевые проблемы, касающиеся деятельности местных органов власти региона в условиях войны: перестройка деятельности Советов, структура, кадровый состав, формы и методы деятельности местных органов власти, военно-оборонная, хозяйственная, материально-бытовая и социально-культурная функции Советов [7]. Также в этот период были опубликованы материалы и документы интересующей нас темы [8].

На современном этапе (1991–2018 гг.) перед исследователями открылись возможности для более широкого изложения своих взглядов, стала уже не актуальна однотипность исследовательских мнений, открылись архивные документы ранее не доступные в предшествующий период. Этот период характерен не только отказом большинства историков от марксистской методологии, но и поиском новых методологических путей.

Советские историки отдавали предпочтение социалистической демократии, нежели западной буржуазной. Одним из основных аргументов использовавшийся при доказательстве был фактор большого количества представителей местных советов и в связи с этим скрывался реальный факт, что «практически бесконтрольная власть была всё больше сосредоточена в руках бюрократического аппарата». Также отмечается, что в «течение многих лет изучение проблем развития советской государственности было догматическим, крайне однобоким и однолинейным. Исследование велось лишь

в единственной плоскости – доказательства последовательного и всё более углубляющегося социалистического народовластия в СССР» [9, с. 240-241].

Современная историография представлена работами Шарошкина, Восленского и др. [10]. Круг научных интересов историков представляет собой деятельность Советов Поволжья в области социально-бытового развития, развития промышленной базы в 1930-е гг. В отечественной историографии присутствуют диссертационные исследования Советов Среднего Поволжья Филимоновой и Морозкиной, [11] которые занимались вопросами здравоохранения, деятельностью Советов в области развития местной промышленности и улучшения социально-бытового положения рабочих.

Поле для возможного дальнейшего исследования является изучение биографий региональных политических элит различного уровня, таким образом, появляется возможность избежать «обезличивания» истории; преодоление идеологических догм при изучении деятельности областных Советов в области социально-экономического и культурного развития регионов Среднего Поволжья в послевоенный период (1946-1953 гг.), а также истории повседневности работников Советов.

Библиографический список

1. См.: Николаев В.В. Ленин о советском государстве. М.: АН СССР, 1960; Демочкин Н.Н., Тонких А.С. В.И. Ленин о социалистической демократии. Воронеж: Коммуна, 1969.
2. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.36. М., 1981.
4. Реконструкция государственного аппарата и борьба с бюрократизмом. М., 1934; Студеникин С. Госаппарат и соцсовместительство // Советское строительство. 1934. № 4.
5. Коршунова З.П. Из истории советского строительства в первые годы социалистической индустриализации. Оживление горсоветов РСФСР в 1926-1929 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955; Барбашев В.М. КПСС в борьбе за перестройку работы массовых организаций трудящихся в период проведения в жизнь Конституции 1936 г. и выборов в Верховный Совет СССР 1937 г.: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1955.
6. Гаврилов С.О. Местные Советы Российской Федерации в период подготовки и реализации конституционной реформы второй половины 1930-х гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2003.
7. Храмков Л.В. Советские депутаты трудящихся Поволжья в годы Великой Отечественной войны, 1941-1945гг. Саратов, Из-во СГУ, 1973; Он же. Работа Советов в годы войны. Куйбышев: Кн. изд-во, 1975; Он же. Во имя победы: Деятельность местных Советов Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Саратов: Изд-во СГУ, 1978.
8. Советы – власть народная. 1917-1983 гг.: Сборник документов и материалов. Волгоград, 1983.
9. Куликова Г.Б. Некоторые проблемы формирования и эволюции советского государства // Этот противоречивый XX век. М.: РОССПЭН, 2001.

10. Шарошкин Н.А. Развитие коммунального хозяйствами благоустройство городов Поволжья в 1930-е годы // Исторические записки: Межвуз. сборник научных трудов Пенза, 1999. Вып. 3; Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

11. Филимонова Е.Н. Городские советы Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Дис. канд. ист. наук. Самара, 1992; Морозкина Е.А. Городские советы Среднего Поволжья в годы второй и третьей пятилеток: опыт и проблемы: 1933 – июнь 1941 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2004.

А.А. Кузнецова

Самарский национальный исследовательский университет

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СТУДЕНТОВ КУЙБЫШЕВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В 80-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Актуальность работы состоит в том, что повседневная жизнь студенческой молодежи имеет на каждом историческом этапе свою специфику, обусловленную социально-экономическими и политическими

процессами, происходившими в стране. Студенческая повседневная жизнь, наполненная огромным многообразием событий, является одним из наиболее запоминающихся и особо значимых периодов жизни российской молодежи.

Историография по данной теме представлена в основном юбилейными изданиями по истории становления университета.

Наиболее значимыми группами источников для данной работы послужили материалы периодической печати, а также материалы устной истории.

Большую часть повседневной жизни студенческая молодежь была занята учебной работой в вузе. Однако в свободные от учебы часы каждый студент проводил досуг, исходя из собственных интересов. Времяпрепровождение студентов, как правило, занимали кружки художественной самодеятельности, спортивные секции, клубы по интересам, общественно-политические и культурные городские мероприятия.

В рассматриваемый период существенно возросла активность оперативного отряда дружинников университета, который был создан в 1974 году на юридическом факультете Куйбышевского государственного университета. Дружинники включались в работу с трудными подростками, вели пропаганду правовых знаний среди населения, помогали органам внутренних дел во время рейдов и дежурств охранять общественный порядок на территории Октябрьского района города Куйбышева [3, с. 61].

Студенты-биологи КГУ включались в решение экологических проблем. Об этом свидетельствует плодотворная работа в дружине по охране природы. Студенты пытались оказывать реальную помощь в сохранении уни-

кальной природы Самарской Луки. Они принимали участие в борьбе с браконьерством, в охране водного и воздушного бассейнов области. Кроме того, они вели просветительскую и профилактическую работу среди населения. [1, с. 2].

Особо отметим участие студентов Куйбышевского государственного университета в организации шефства над одним из куйбышевских детских домов. Студенты исторического и филологического факультетов с увлечением были вожатыми в пионерских лагерях.

В 1984 году в Куйбышевском государственном университете насчитывалось 52 группы художественной самодеятельности [3, с. 59]. Репетиции в творческих кружках требовали много свободного времени [2].

Студенческая жизнь 80-х гг. была насыщена дружескими контактами со студентами других вузов СССР и зарубежных стран, входивших в состав социалистического лагеря. Участники клуба интернациональной дружбы КГУ за свою активную работу были награждены поездками в Германию, Францию, Венгрию [3, с.60].

Студенты привлекались к реализации Продовольственной программы. Ольга Борисовна Леонтьева рассказала о сельскохозяйственных работах, в которых ежегодно принимали участие от 500 до 1200 студентов КГУ: «На первом курсе ездили «на свеклу». Добирались на электричках. Долго шли пешком до поля. На втором курсе ездили «на картошку». Жили в колхозе. Нам повезло жить в зданиях общежитского типа. Некоторые жили в бараках с нарами. Работа заканчивалась, когда темнело. Однажды достался вредный начальник и сказал: «Пока всю картошку не накопаете, с поля не увидите». В ответ мы устроили бунт. Целыми ночами пели песни, рассказывали байки» [2].

Интерес представляют воспоминания студентов-историков о прохождении учебных и производственных практик. «Археологическая практика, — вспоминает О.Б. Леонтьева, — оставила самое яркое воспоминание. Природа, романтика, ночные посиделки у костра. Правда, копали валы, а это не самая любопытная вещь. Интересной была музейная практика с Владимиром Владимировичем Кутявиным после окончания 4 курса в Ленинграде. Там мы были предоставлены сами себе. Были те, кто в музей так и не дошел. Мы посетили Петергоф, Эрмитаж, Русский музей. Владимир Владимирович провел для нас авторскую экскурсию во время белой ночи в центр города. Не оставила яркого следа архивная практика. В архиве нас заставляли переписывать карточки от руки» [2].

Летом 1987 года студентам куйбышевских вузов предстояло отправиться во Всесоюзную экспедицию по местам жизни и деятельности Валериана Владимировича Куйбышева. Особая роль возлагалась на третий и четвертый курсы исторического факультета КГУ. 1 июля студенты отправлялись в Москву. Там предстояла работа в архиве ЦК КПСС, Институте марксизма-ленинизма, в Центральном музее Революции, архивах военно-истори-

ческом, ВЦСПС, Госинфонде и в прочих государственных и общественных организациях. В план входила встреча с родными В.В. Куйбышева и ветеранами партии [4, с. 1].

Из сказанного становится очевидным, что студенческая повседневность КГУ 1980-х годов была очень насыщена и разнообразна. Обучающиеся Куйбышевского государственного университета, который в 80-е годы прошлого века закрепил за собой статус крупнейшего научно-методического и образовательного центра Поволжья, разносторонне проявляли себя в общественно-политической жизни.

Библиографический список

1. Ерофеев В. И по долгу, и по призванию: из опыта работы природоохран-ных дружин // Волжская заря. 1981. 10 июня.
2. Интервью с д.и.н., проф. Леонтьевой Ольгой Борисовной от 04.06.2019.
3. Самарский государственный университет: 1969-2009 гг. / Кабытов П.С., Храмков Л.В. Самара, 2009.
4. Чумаш Р.В. добрый путь, экспедиция! // Волжская заря. 1987. 9 июня.

А.А. Андросова

Самарский национальный исследовательский университет

СЕЛФИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК БУДУЩЕГО

Фотография, как визуальный исторический источник обладает целым рядом специфических особенностей. Ролан Барт в своей монографии «Camera lucida» отмечает, что, видит в позировании что-то не настоящее и неискреннее. «Ощущение при позировании неаутентичности, поддельности. Мы никогда не честны перед объективом. Мы фабрикуем своё тело, своё лицо». Данную операцию дешифровки источника, то есть учёт постановочности героев фотографий, безусловно, следует учитывать при атрибутировании фотоисточников. Подход к изучению визуальных источников может быть только синтетическим, это история на грани с психологией.

С точки зрения психологии фотография не только фиксирует случайно пойманные или продуманные кадры, но и оставляет право на бесконечную трактовку, на созидательный процесс познания. Психология фотографии сразу делится на психологию портретируемого и психологию фотографа, выделяются два равных участника процесса. Р.Бартес выделяет такой термин как «Плоская смерть» – достоверность присутствия, создание истории. Люди фотографируются для запечатления знаковых моментов в их жизни и расширение их. Знаковый момент, спустя много лет может быть ре-интерпретирован родственниками или изучающими фотографию. С точки зрения психологии, важен процесс «узнавания» на фотографиях как особенность человеческой памяти.

Что же такое селфи? Селфи — разновидность автопортрета, созданного с помощью фотоаппарата, иногда при помощи зеркала. Термин приобрёл известность в конце 2000-х — начале 2010-х годов. Поскольку селфи чаще всего выполняется с расстояния вытянутой руки, держащей аппарат, изображение на фото имеет характерный ракурс и композицию — под углом, чуть выше или ниже головы.

История селфи несколько старше, чем может показаться. На первом селфи химик и пионер фотографии Роберт Корнелиус, который в 1839 году сделал первый в мире отчетливый фотопортрет человека, сняв своё отражение в витрине семейного магазина. В 1900 году размеры камеры значительно уменьшились. Кодак выпустил фотоаппарат Brownie. Это небольшая картонная коробка, совсем непохожая на современные камеры стоила 1\$ и была страшно популярна.

Феномен селфи изучают уже не первый год, но он лишь набирает обороты: в этом году, по прогнозу Yahoo, количество фотографий с хэштегом Selfie только в Instagram может увеличиться в два раза.

В феврале 2014 года ученые из Городского университета Нью-Йорка представили проект *Selfcity* — первое в мире полноценное исследование феномена селфи, сочетающее в себе, по словам авторов, «теоретические, художественные и количественные методы». Интерес исследователей понятен, ведь накануне Оксфордский словарь назвал «селфи» словом 2013 года и определил это понятие как «фотографию самого себя, обычно сделанную с помощью смартфона или веб-камеры». В производство и потребление селфи как медийного формата включились все социальные страты мира: от подростков из Африки до президента Обамы и Папы Римского.

В рамках *Selfcity* за основу были взяты 3200 фотографий из пяти городов мира: Бангкока, Берлина, Москвы, Нью-Йорка и Сан-Паулу. Итоги исследования оказались отчасти предсказуемыми и не выходили за рамки здравого смысла. Во-первых, доля селфи в общем потоке фотографий в социальных медиа оказалась невысокой — не более 3–5%. Во-вторых, большинство авторов селфи — женщины, причем соотношение мужчин и женщин в разных городах выборки может быть очень разным. Наконец, селфи — это в основном молодежная культура, средний возраст авторов фотографий в выборке составляет 23,7 года.

В будущем селфи станет не только историческим источником одного, конкретного человека (где был, где работал, что случилось в последний день жизни). Но также мы сможем изучать флешмобы, ведь именно они помогут нам узнать тенденции, которые были в обществе (адель, проверка на прочность (пробежать, облить себя водой и т.д.).

Уже сейчас начинают изучаться и происходят попытки подвергнуть анализу тенденции селфи: попытка доказать что-то себе или обществу, желание запечатлеть каждый момент жизни, попытка приобщаться к общности.

ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРА В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Современная концепция демократии исходит из того, что без достижения гендерного равенства невозможно построение демократического общества. В связи с этим изучение проблемы гендерного подхода в образовании становится актуальной задачей исторических исследований. Особенно интересным представляется современный этап развития школьного образования в России.

В 2002 году была сформирована Гендерная стратегии РФ, а в 2004 году создано первое поколение российских Стандартов общего образования. В мае 2012 года был принят Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) второго поколения, работа по его реализации ведется в школах и в настоящее время. Соответственно можно выделить два этапа исследования данной проблемы, 2004-2012 и 2012 по 2019 годы. Важно отметить, что в рамках второго периода была принята новая государственная программа, «Национальная стратегия действий в интересах женщин».

При изучении процесса реализации ФГОС, с самого начала обнаруживается ряд противоречий, которые остаются неизменными на всем протяжении данного периода. С точки зрения гендерного подхода к школьному обучению существенной является проблема предоставления равных образовательных условий для мальчиков и девочек

Первым фактом, позволяющим сделать вывод о невнимании к этому вопросу, являются сведения о существовании более 700 российских школ с элементами раздельным обучения мальчиков и девочек [1]. Результаты такого обучения весьма сомнительны и активно оспариваются в научном педагогическом сообществе, многими специалистами рассматриваются, как ограничивающими условиями для личностного развития девочек.

Педагоги делятся своими методическими рекомендациями по процессу организации работы с мальчиками и девочками и в условиях смешанных классов, приводят таблицы гендерных «различий» в когнитивных способностях, а на самом деле – стереотипов. Преподносится это как соответствие требованиям учета индивидуальных особенностей по ФГОС [2, с. 18-19].

Вторым фактом, доказывающим закрепление в школьных программах традиционных гендерных стереотипов, стало возникновение новых учебных предметов, курсов и модулей. В этих курсах делается акцент на обязательном разделении гендерных ролей в обществе. В учебнике «Светская этика» существует глава под названием: «Какие правила мужские, а какие – женские?». Эта глава, полностью построенная на традиционалистских сте-

реотипах, утверждает фактически ограничение жизненных возможностей женщин исключительно рамками семьи [3, с. 62-63].

Помимо того, в школах до сих пор отдельно для мальчиков и для девочек преподается курс «технология». При этом, сами авторы реализуемых программ отмечают, что «выбор направления обучения школьников не должен происходить по половому признаку, а должен исходить из интересов и склонностей учащихся» [4, с. 5].

На основе анализа учебников и стандартов образования исследователи сделали вывод о том, что многие современные учебники для среднего и старшего уровней образования, воспроизводят гендерные стереотипы [5, с.105]. Это означает, что, ориентируясь в первую очередь на биологический пол, традиционное общество всегда приписывает человеку стереотипы поведения, что может не совпадать с реально существующими особенностями индивида [6, с.13]. В дальнейшем это может стать препятствием для самореализации женщин и мужчин. Данные выводы демонстрируют значимость гендерного подхода к образованию с точки зрения психологии и педагогики.

Социально-экономический аспект проблемы выражается в том, что государственную программу по улучшению качества жизни женщин и вовлечению их в политическую жизнь, вероятно, будет трудно реализовать, если с детства прямо или косвенно убеждать девочек в своем второстепенном положении. Особенно, когда это противоречит реальной социальной ситуации. В России на одиноких матерей приходится треть семей с детьми, где женщина оказывается вынужденной исполнять «мужские» экономические функции по содержанию семьи.

Именно в этих условиях проблема гендерного подхода к школьному обучению обретает особенно актуальное звучание, а ее решение становится необходимым компонентом образования в России.

Библиографический список

1. Управление Департамента семейной и молодежной политики города Москвы URL: <http://www.dsmpca.ru/932.html> (Дата обращения: 05.11.2019).
2. Педагогическое обозрение №1-2 (131-132). Новосибирск : Изд-во Городского центра развития образования, 2013.
3. Шемшурин А.А., Брунчукова Н.М., Демин Р.Н. Основы духовно-нравственной культуры народов России. Основы религиозных культур и светской этики. Светская этика. 4 класс (4-5 классы). М.: Дрофа, 2019.
4. Тищенко А.Т., Синиц Н.В. Программа по технологии для 5-8 классов. М.: Вентана-Граф, 2015.
5. Штылева Л.В. Фактор пола в образовании: гендерный подход и анализ. М.: ПЕР СЭ, 2008.
6. Воронцов Д. В. Что такое гендер // Практикум по гендерной психологии / Под ред. И. С. Клециной. СПб.: Питер, 2003.

СЕКЦИЯ IV. РУССКАЯ КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ ЭТНОСОВ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Н.Н. Космынина

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет*

ЖЕНЩИНЫ В СЕМЬЕ С.Т. АКСАКОВА

На протяжении XVIII-XIX вв. женщина начинает играть все большую роль в семье. Отношение к ней в обществе меняется, поэтому и ее положение в доме приобретает новый статус. Во многом это связано с образованием, и на примере семьи Аксаковых, видно, какую роль оно играло в семейной жизни. Женщины, получив достойное место в свете, устремились занять подобное заслуженное место и в своем доме.

Женщины в семье С.Т. Аксакова всегда занимали важное место, даже если на первый взгляд могло показаться совершенно иначе. В 1816 г. писатель Сергей Тимофеевич Аксаков женился. В жены он получил прекрасную Ольгу Семеновну Заплатину – дочь генерала Заплатина, воевавшего вместе с легендарным Суворовым, и турчанки Игель-Сюмы. Воспитываясь в обществе старого вояки, она взяла от него самое главное – доблесть духа. Ее сын, И.С. Аксаков, характеризовал ее следующим образом: «Неумолимость долга, целомудренность, поразительная в женщине, имевшей столько детей, отвращение от всего грязного, сального, нечистого, суровое пренебрежение ко всякому комфорту, правдивость ... презрение к удовольствиям и забавам, чистосердечие, строгость к себе и ко всякой человеческой слабости, негодование, резкость суда, при этом пылкость и живость души, любовь к поэзии, стремление ко всему возвышенному, отсутствие всякой пошлости, всякой претензии, – вот отличительные свойства этой замечательной женщины» [2, с. 15-16].

Преисполненная героических и патриотических стремлений, Ольга Семеновна внушала с детства их и своим сыновьям. Она предпочитала сыновей дочерям: «Имея в жизни своей 14 детей, из которых шесть сыновей, она жалела, что остальные были дочери» [2, с. 14].

Дочерей в союзе Сергея Тимофеевича и Ольги Семеновны было шесть (выжившие): Вера, Ольга, Надежда, Любовь, Мария, Софья. Старшая дочь Вера, в сравнении с другими сестрами, получила несколько другое воспитание, более серьезное и мужское. Вера поддерживала своих братьев в славнофильских идеях, она ярче всех сестер выделялась живостью ума и «поли-

тической» активностью. Для младших братьев и сестер Вера являлась наставником, учителем, примером для подражания. Младший брат Иван называл сестру «единственной своей утешительницей вместе в отесинькой по части письменной» [6, с. 46]. Иван отличался живым и насмешливым умом, а Вера – серьезностью, нередко она, на правах старшей сестры, высказывала брату свое негодование по поводу того, что ему все представляется в смешном свете [5, с. 13].

Хотя мать семейства Ольга Семеновна и несколько жалела, что не все ее дети сыновья, без помощи старшей дочери ей приходилось бы очень нелегко. Именно Вера помогала матери со всеми хлопотами в доме, ездила с матерью на похороны или венчание близких людей, помогала ухаживать за больными родственниками (умирающая сестра Ольги Семеновны).

Второй по старшинству дочерью была Ольга. Она страдала от очень тяжелой и длительной нервной болезни. В связи с этим она постоянно была окружена заботой и вниманием со стороны родителей и всех членов семьи. Конечно, как и все сестры в семье, она имела чудесное образование, принимала участие в семейных беседах, чтениях и обсуждениях, но из-за нервной болезни ее старались не тревожить особо шокирующими новостями, причем как грустными, так и радостными.

В 1829 г. в Москве родились две дочери: Анна, которая умерла в том же году, и Надежда. Под стать отцу Сергею Тимофеевичу, дочери его были очень талантливы. По воспоминаниям Веры Сергеевны известно, что Надежда имела отличный голос и прекрасно владела гитарой, она известна исполнением малороссийских песен под руководством Н.В. Гоголя [1, с. 273-278]. Есть сведения, что она занималась благотворительностью.

Талантом четвертой дочери писателя Любви было рисование. Сохранилось большое количество ее рисунков из семейных альбомов с видами Абрамцева. Не имея большой популярности в сфере искусства, она была неплохой художницей-любительницей. Любовь, как и старшая сестра Надежда, занималась благотворительностью.

Единственной дочерью С.Т. Аксакова, которая вышла замуж, была Мария. Мужем ее стал Е.А. Томашевский. Ее свекор, А.Ф. Томашевский был ближайшим другом С.Т. Аксакова. Брак оказался бездетным, род по линии Марии не получил продолжения.

Последней дочерью семейства С.Т. Аксакова была Софья (1835-1885), которая родилась в 1835 г. О ней никаких сведений не имеется.

Женщины в семье С.Т. Аксакова отличались умом, образованностью, душевностью и искренностью, стремлением делать добро. Но при этом они были очень закрыты от внешнего мира. В соответствии с воспоминаниями членов семьи, круг общения ограничивался нравственными установками: члены дома впускали в свой мир лишь тех, кого считали по-настоящему талантливыми и одаренными людьми, а не пустыми и бездушными. Но в доме всегда было видно женское присутствие, именно Ольга Семеновна делала встречи друзей незабываемыми, умела создать приятную обстановку.

ку, в которой всем было комфортно находиться. И, конечно же, «все дочери, подобно родителям и братьям, отличались умом, образованием и начитанностью и нисколько не походили на большинство девиц московского общества, с которыми они, впрочем, и не были знакомы» [3, с. 59].

Библиографический список

1. Аксакова В.С. Последние годы жизни Гоголя. Минувшие годы. 1908. № 7.
2. Аксаков И.С. Очерк семейного быта Аксаковых // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: в 4 т. Т. I. М., 1888.
3. Воспоминания С.М. Загоскина // Исторический вестник. 1900. Т.80.
4. Манн Ю.В. Гнезда русской культуры. Кружок и семья. М., 2016.
5. Пирожкова Т.Ф. Жизнь как трудный подвиг / Аксакова В.С. Дневники. Письма // сост., подгот. текстов, вступ. и сопровод. ст., коммент. Т.Ф. Пирожковой. СПб., 2013.
6. Письмо от 4. III. 1844 г. // Аксаков И.С. Письма к родным. 1844-1849. М., 1988.

К.Б. Сабитова

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ДУХОВНОЕ И СВЕТСКОЕ В СУДЬБЕ СЯЩЕННИКА НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.: НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНИ ПРОТОИЕРЕЯ А.В. СМИРНОВА

Рубеж XIX-XX вв. был временем быстро происходивших изменений в российском обществе, во многих его сферах. Вовлеченность в эти процессы затрагивала представителей самых разных слоев общества, в том числе духовенство. Священником с такой активной общественной позицией, соединявшим интерес к духовному и светскому, был Александр Васильевич Смирнов. Родившийся 16 ноября 1857 г. в Симбирской губернии в семье священника, он закончил Алатырское духовное училище. Выбор стези священника был осознанным, и объяснялся, в первую очередь, сильной верой в Бога и желанием помогать людям, следовать нравственной христианской жизни. Затем Александр Васильевич поступил в Симбирскую духовную семинарию, где проявился его научный интерес к апокрифической литературе. 22 декабря 1879 г. А.В. Смирнов ходатайствует о должности надзирателя, однако проработав около полугода, уезжает в Казань. Он поступил в Казанскую духовную академию и в 1884 г. закончил ее со званием кандидата богословия. В 1888 г. он защитил магистерскую диссертацию на тему «Книга Еноха. Историко-критическое исследование».

1 июня 1889 г. А.В. Смирнов вступил в должность законоучителя Казанского учительского института, а 27 ноября 1889 г. предписанием совета Казанского Родионовского института благородных девиц назначен на должность законоучителя института и священника домово́й церкви. С 1891 г. о. Александр работает преподавателем пастырского богословия в Казан-

ской духовной семинарии. Помимо этого, с 26 декабря 1893 г. он проводит службы в Петропавловском соборе. В том же году Смирнов становится профессором богословия в Казанском Императорском Университете и занимает место настоятеля его Крестовоздвиженской церкви. 10 мая 1896 г. он возведен в сан протоиерея. А 12 мая 1900 г. защищает докторскую диссертацию на тему «Мессианские ожидания и верования иудеев около времен Иисуса Христа (от Маккавейских войн до разрушения Иерусалима римлянами)».

В 1906-1907 гг. Смирнов был инициатором и одним из редакторов журнала «Церковно-общественная жизнь», публиковал статьи в «Православном собеседнике». Его беспокоили проблемы нравственности русского общества в условиях быстрых изменений, религиозных и философских исканий.

В 1912 г. Смирнов увольняется с должностей настоятеля университетской церкви и профессора университета и избирается в Государственную думу IV созыва от Казанской губернии. Он переезжает вместе с семьей в Санкт-Петербург. Как депутат, А.В. Смирнов выступал от партии октябристов и нескольких думских комиссий (по делам РПЦ, по образованию и просвещению). А.В. Смирнов с думской кафедры поднимал различные вопросы, касающиеся, прежде всего, народного образования, прав учителей-педагогов и преподавателей университетов, которые также совмещали свою работу со службой в церкви. Он искренне недоумевал над запретами Синода на преподавание священниками научных дисциплин. Им преимущественно затрагивались темы светского характера. Выступая с либеральных позиций, в первую сессию он привлекал внимание общественности к вопросам, касавшимся положения высшей школы. В течение второй сессии А.В. Смирнов поднимал проблемы положения профессоров высших учебных заведений.

В Петрограде протоиерей Смирнов исполнял обязанности настоятеля церкви при офицерской кавалерийской школе. С 1915 г. он занимал должность профессора богословия в Петроградском университете, кроме того, «в мае того же года, после некоторого согласования, его кандидатура была утверждена в качестве профессора богословия и одновременно настоятеля университетской церкви» [4, с. 391].

После событий февраля 1917 г. и октябрьского постановления Временного правительства о роспуске Государственной Думы протоиерей Смирнов не покинул Петроград. Он стал товарищем обер-прокурора Синода в составе Временного Правительства, занимался делами РПЦ. После тридцатилетней службы профессором по ведомству Министерства народного просвещения протоиерей Смирнов был уволен. Несмотря на это, он преподавал еще год и только в конце мая вышел в отставку, уехав в Самару.

Дальнейшая судьба и точная дата смерти А.В. Смирнова неизвестна, Д.М. Усманова пишет, что вероятнее всего, он погиб во время Гражданской войны [4, с. 392]. Однако православные издания приводят в качестве

года смерти Смирнова 1933 г. [1].

Библиографический список:

1. Александр Васильевич Смирнов (1857-1933), протоиерей. [Электронный ресурс] // Открытая православная энциклопедия : [сайт]. URL: <https://drevo-info.ru/> (дата обращения: 9. 10. 2019). Режим доступа: свободный.
2. Смирнов А.В. Современные идеалы воспитания. Казань, 1896.
3. Смирнов А.В. Религиозная вера и нравственная жизнь. Казань, 1911.
4. Смирнов А.В. Книга Еноха. Казань, 1888.
5. Усманова Д.М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906-1917. Казань, 2006.
6. Фирсов С.Л. Церковь в Империи. СПб., 2007.

А.Р. Панова

Самарский национальный исследовательский университет

НАДЕЖДА ЛАМАНОВА: СУДЬБА НА РУБЕЖЕ ЭПОХ

В качестве героя моего исследования выступает удивительная и талантливая женщина, Надежда Ламанова, сумевшая стать в дореволюционной России «поставщиком двора Его Величества», а после революции – она стала одной из тех, кто создавал новый визуальный облик советского человека.

На сегодняшний день нет даже изданной полной биографии Н. Ламановой. В этой связи, биографическое исследование жизни и творчества первого русского модельера, чья профессиональная деятельность пришлась на слом эпох, представляет несомненный научный интерес. Особенно это актуально в ситуации, что на сегодняшний день не обнаружены и не введены в научный оборот источники личного происхождения. Вполне вероятно, что это можно связать со спецификой её личной жизни: она была бездетной, оба мужа умерли.

Надежда Ламанова родилась в 1861 году. Происходила она из потомственного, но обедневшего, дворянского рода. Достоверно известно, что после смерти родителей совсем юная Ламанова была вынуждена сама содержать сестёр, поэтому она рано начала свою трудовую деятельность. Так, уже в возрасте 24 лет она открывает своё ателье, которое пользуется большим спросом [1, с. 40].

Удивительно, но она не умела рисовать, а создавала свои наряды, исключительно прикладывая ткань к телу, не соблюдая при этом никаких канонов. Этот факт позволил ей создавать костюмы, которые выделялись своей оригинальностью среди прочих [4, с. 55].

Фирма «Ламанова» становится популярной не только среди актёров и художников, но и среди аристократии. В 1904 году модельерше присужда-

ется титул «Поставщик Двора Ея Императорского Величества». Во время революции из-за этого титула она провела под арестом два месяца и спаслась только благодаря помощи жены Максима Горького, которая была поклонницей её платьев.

В годы нэпа в стране восстанавливаются связи с парижской модой, однако Ламанова одна из немногих поняла, что нужно делать упор на обедневшее население страны.

В 1925 году Ламанова и Мухина издают альбом «Искусство в быту»; помещая в нем практичные и красивые модели костюмов, адресуются не к профессиональным, но к домашним портняжкам. Им хочется, чтобы каждая женщина, руководствуясь их выкройками, могла сшить себе платье, чтобы каждая поняла, что такое красота формы, материала, цвета. В этом же году художниц приглашают принять участие во Всемирной выставке в Париже. Там Мухина представит сочиненные ею вышивки: декоративные, созданные по народным мотивам, и контрастирующие с ними, построенные на сложной геометрической основе орнаменты [4, с. 55].

В июне 1928 года на выставке под названием «Кустарная ткань и вышивка в современном женском костюме» формулирует основные принципы построения костюма.

А именно такие пункты: роль материала при создании формы главенствует над остальными факторами; форма должна давать свободу движений; орнамент связывает цвет и материал, форму и визуальную «тяжесть»; материал должен экономично использоваться (отсутствие отходов при производстве) [3, с. 102].

Весной 1928 года Надежда Ламанова была лишена избирательных прав за то, что она имела двух наёмных мастериц.

В 30-ые годы она снова начинает работать с интеллигенцией и приобретает известность как театральная и киномодельер.

К. С. Станиславский характеризует её как «незаменимого, талантливого и почти единственного специалиста в области знания и создания театрального костюма». Он же пишет о работе Надежды Петровны над костюмами комедии «Безумный день, или женитьба Фигаро»: «Ламанова — большая художница... Она для каждого костюма собственными руками будет искать не шаблонных и модных, а индивидуальных приёмов шитья» [5, с. 136].

В фильме Григория Александрова «Цирк» для роли Марион Диксон, которую исполнила Любовь Орлова, костюмы создавала лично Надежда Ламанова [2, с. 30].

15 октября 1941 года Надежда Петровна Ламанова умирает [1, с. 41]. На момент смерти ей было 79 лет, она прожила длинную и насыщенную жизнь.

Таким образом, Надежда Ламанова, как бы не старалась быть активным деятелем создания визуального образа нового советского человека, для советского общества она оставалась из «бывших». Художественный талант, вкус, делали её в две противоположные эпохи лучшей в своей профессии,

но идеология советская сделала так, чтобы Ламанова осталась «в тени», не реализовала все свои проекты.

Библиографический список

1. Стриженова Т.К. Судьба Надежды Ламановой // Журнал мод. 1989. №4. С. 40-41.
2. Стриженова Т. К. Из истории советского костюма. М., 1972.
3. Арманд Т. Орнаментация ткани. Руководство по росписи ткани. М.-Л., 1931.
4. Руан К. Новое платье империи: история российской модной индустрии, 1700-1917. М., 2011.
5. Станиславский К.С. Собрание сочинений. Т. 8. М., 1961.

Д.В. Мишустин

Самарский государственный институт культуры

КУЛЬТУРНЫЕ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ХУЛИГАНСТВУ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Самыми распространенными асоциальными явлениями в Самаре конца XIX – начала XX вв. являлись пьянство, и тесно связанные с ним хулиганство, побои, небольшие кражи. Борьба с ними осложнялась тем, что коронные власти до поры до времени фактически самоустраивались от этой проблемы. Мелкие уголовные дела по перечисленным пунктам, которые рассматривались по горячим следам сельскими судами и чинами городской полиции, не учитывались в официальной статистике [6, с. 115]. Они находились вне контроля вышестоящих органов юстиции и правопорядка. Всю заботу об их предотвращении должны были взять на себя сельские и городские общества, местное самоуправление.

Примеры асоциального поведения и средства противодействия ему, которые обходились вниманием судебных и правоохранительных учреждений, заинтересовано обсуждались в местной прессе, органах самоуправления, учебных заведениях. Источниками по данной теме стали материалы популярной в Самаре газеты «Волжское слово» за 1912 г., отчёты заседаний Самарской городской думы, архив 3-го высшего начального городского училища им. И.Тургенева.

В праздничные дни у трактиров или винных лавок собирались пьяные толпы. В помещениях этих заведений и подъездах домов, где они находились, разливалась водка, которую пили и юноши, и женщины, и старики. Распитие алкоголя сопровождалось ссорами, заканчивающимися ранениями и смертельными исходами. Доставалось и случайным прохожим [7, с. 18]. Дебоши затевали и хулиганы, не желавшие платить за выпивку [8, с. 6]. В хрониках происшествий встречались учебные заведения, где случа-

лись кражи [2] или их учеников задерживали за езду на предохранительных решётках трамваев [11, л. 114].

С нарушением общественного порядка в городе ассоциируются так называемые «горчишники» — деревенская молодёжь без средств к существованию, которая шаталась вечерами по улицам, пока их отцы трудились на заработках: «Одевались они в чёрный костюм, короткий пиджак, брюки или штаны <...> Лицо красноватое, заветренное, грубое, совершенно не интеллигентное, кажется зверообразным, с резко выступающими жевательными мышцами, способными во время драки откусить нос или палец у своего противника». В критических ситуациях (например, при встрече с полицейскими), они высыпали в лицо неприятеля горчичный порошок и разбегались. На страницах газет мелькали заголовки: «Драка на Панской. Снова горчишники», «Избит городской», «Коляями забили купца, раздели». В Струковском саду хулиганы с помощью рыболовных крючков рвали одежду на прогуливающих горожанках, а на Казанской улице клали поперёк дороги огромное бревно, мешая проезду [8, с. 6].

Со стороны городских властей и общественных деятелей рассматривались различные меры для устранения причин асоциальных явлений и предпринимались меры борьбы с девиантным поведением. Логичное решение было предложено гласными городской думы Сенаторовым, Шишкиным, Чельшевым, Савельевым. Они выступили за закрытие винных лавок в воскресные и праздничные дни, за запрет продаж алкоголя на вокзале и на пароходах во время стоянок: «Если народ будет трезвый, он будет трудолюбивый и умный» [7, с. 18]. Борьбу за трезвость эти самарские общественные деятели вели давно [5, с. 388-389].

Под воздействием перемен в общественных настроениях имперские власти не могли оставаться в стороне от поставленных жизнью вопросов, постепенно включая в число уголовных преступлений «действия, которые прежде таковыми не считались», в том числе «пьянство, хулиганство» [6, с. 125]. В 1912 г. Министерство внутренних дел предложило инициативы, которые предполагали кардинальную реформу местного суда. Они предусматривали ужесточение статей уголовного уложения, касающихся нанесения лёгких ран и побоев, произнесение бранных слов в общественных местах; упрощение порядка преследования за незаконную продажу вина; усиление наказания за нападение на дома, сады и другие культурные насаждения, а также их повреждение [2, с. 3].

Был представлен на утверждение устав создаваемой колонии малолетних преступников, а в нескольких уездах администрация приступила к составлению списков неблагонадежных лиц, к которым предусматривалось применить самые решительные меры (вплоть до их выселения). Как отмечали многие деятели, «полное уничтожение хулиганства возможно только при применении к провинившимся телесных наказаний, так как судебные и административные наказания приносят мало пользы в виду того, что с

момента совершения проступка до отбывания наказания проходит довольно много времени» [1, с. 5].

Другой подход был у Министерства народного просвещения. Он заключался в увеличении школ и расширения внешкольного образования. В низших школах наряду с обучением общеобразовательным предметам предлагалось организовывать различные ремесленные мастерские. В проведении таких мероприятий власти оказывали материальное содействие. Одним из учреждений, которое обучало и воспитывало мальчиков-подростков было 3-е Самарское высшее начальное шестиклассное училище им. И.С. Тургенева. Его ученики происходили из различных сословий, в основном это были дети крестьян, запасных рядовых и мещан [9, л. 27-28]. После прохождения здесь обучения многие юноши поступали в такие самарские образовательные учреждения как техническое железнодорожное училище, почтово-телеграфная школа и др., их брали на работу, где они находили приложение своим силам [10, л. 1-54].

Весомый вклад в дело просвещения и воспитания вносило Общества народных университетов. Собрания организации проходили в городской думе, где обсуждались методы лекционной деятельности в массах [3, с. 5]. В этом обществе на членские взносы и пожертвования работали несколько секций, их отчёты публиковались в «Известиях Самарского общества народных университетов» [4, с. 3]. Так, в секции «детских садов» (отличавшихся от современных дошкольных учреждений) молодежи прививали навыки культурного времяпрепровождения, занимая досуг и обучая полезным навыкам и рукоделиям.

Таким образом, местные власти и общественные организации Самары искали различные способы противодействия асоциальным явлениям. С помощью этих мер, особенно просветительского характера, удавалось сдерживать распространение девиантного поведения, прежде всего, в молодежной среде.

Библиографический список

1. Волжское слово. 1912. № 207 (1519). 25 сентября.
2. Волжское слово. 1912. № 265 1577. 7 декабря.
3. Волжское слово. 1912. № 268 (1580). 11 декабря.
4. Волжское слово. 1912. № 270 (1582). 13 декабря.
5. Кабытов П.С., Артамонова Л.М., Баринаева Е.П. и др. История Самары (1586-1917 гг.). Самара, 2015.
6. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Санкт-Петербург, 2018. Т. 3. (2-е изд, исправ.).
7. Самарское Поволжье в XX веке: Документы и материалы. Самара, 2000.
8. Сквозников А.Н. Русский Чикаго // Самарская газета. 2007. 14 июня.
9. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 304. Оп.1. Д.18.

10. ЦГАСО. Ф. 307. Оп. 1. Д.16.

11. ЦГАСО. Ф. 307. Оп.1. Д.29.

В.А. Борисова

Самарский национальный исследовательский университет

САМАРСКИЙ ГОРОДСКОЙ ЛАНДШАФТ ГЛАЗАМИ М. ГОРЬКОГО

Внешний облик Самары второй половины XIX в. поражал посетителей ярким контрастом: роскошные особняки купцов на главных улицах сочетались с нищетой и грязью быта жителей окраин. Противоречивое впечатление было произведено и на Горького, когда он 22 февраля 1895 г. переехал в Самару – в «город удивительно сонный и тихий, точно умирающий от старческого маразма» [1, с. 346].

История города Самары является достаточно популярной темой отечественной историографии: она относительно тщательно исследована и отражена в ряде крупных сборников и публикаций [2]. Тем не менее, одним из малоизвестных остается вопрос изучения исторической городской среды, так как авторы немногочисленных работ, посвященных данной теме, к сожалению, не уделяют должного внимания дореволюционному периоду. Интерес для авторов представляют прежде всего история и названия улиц советского периода, в основном, названных в честь революционных и партийных деятелей [3].

В связи с возросшим интересом к возвращению исторических названий улицам, проспектам, площадям и переулкам, для самарского краеведения представляется актуальным изучение многочисленных фельетонов и статей Максима Горького, напечатанных в «Самарской газете» в период жизни и работы писателя в Самаре (22 февраля 1895–13 мая 1896 гг.). Рассмотрение на первый взгляд маловажных деталей, будничных явлений, казусных инцидентов, описываемых Горьким в своеобразной «обличительной» манере, позволяет воссоздать совершенно иной, уличный быт провинциальной Самары конца XIX в.

Самой часто упоминаемой улицей в фельетонах Горького была, конечно, улица Дворянская (с 1 февраля 1935 г. и по настоящее время улица Куйбышева) – главная улица старой Самары, «как Невский проспект в Петербурге» [4, с. 637]. По вечерам, особенно зимой, эта улица была очень оживленной, она служила излюбленным местом гуляний для самарцев, где проходил своеобразный «парад мещанского благополучия и самодовольства» [5, с. 51]. Главенство центральной Дворянской улицы обеспечивала Алексеевская площадь (с 20 апреля 1918 г. и по настоящее время площадь Революции).

Именно на Дворянской улице и Алексеевской площади происходили все наиболее яркие события города, которые запечатлел Горький на стра-

ницах «Самарской газеты». В нескольких своих фельетонах Горький упоминает так называемый «Корневильский рынок» на углу Алексеевской площади – место, где предлагали свои услуги кухарки и горничные, которые за 3 рубля в месяц были согласны на полное подчинение своим господам. Но в виду отсутствия спроса, по наблюдению фельетониста, они «сидят день за днем, сидят и ждут работы, простужаясь и заболевая, уродуя себя» [6, с. 147].

Улица Дворянская упоминается и в других фельетонах Горького от 16 и 19 июля 1895 г., когда фельетонист завел речь об одной из самых острых проблем современной ему Самары – пыли на улицах: «На улицу нельзя выходить без респиратора, сетчатых очков и без ваты в ушах...» [6, с. 45].

Кроме Дворянской улицы и Алексеевской площади, Горький неоднократно посвящал свои фельетоны Струковскому саду, который был самым любимым летним гульбищем городского населения: «...Вечером он даже в будни, про праздники и говорить нечего, до того наполняется публикой, что по его аллеям, особенно по главной, с трудом можно двигаться [7, с. 706]. Фельетонист неоднократно рассказывал о своем собственном времяпрепровождении в этом саду: «...сажусь в укромный уголок и из него рассматриваю прекрасных самарянок...» [6, с. 43]. Но чаще всего, говоря о Струковском саде, Горький заводил речь о местном оркестре. Плохой выбор музыкальных произведений и не менее плохое исполнение вызвали негодование самарской публики. Горький, конечно, дал и свою собственную оценку: оркестр «...старательно производит большой музыкальный шум, исполняя творения европейских композиторов на зулусский лад» [6, с. 42].

Неоднократно Горький упоминает и Троицкую площадь – главную торговую площадь города. Кроме сообщений фельетониста о грязи Троицкого базара, о его крайней тесноте, о стаях собак, бросающихся на посетителей, и о постоянном шуме, он рассмотрел и главный принцип местной торговли – «не обманешь – не продашь», благодаря которому богатели торговцы и окончательно беднели мещане. Таким образом, в глазах Горького Троицкая площадь являлась «показателем степени нашего невежества, грубости и прочих “милых” качеств» [6, с. 176].

Реже Горький упоминал улицу Преображенскую, которая в настоящее время носит название улицы Водников. Преображенская улица – одна из старейших улиц Самары, она была лучшей по обустройству к моменту обретения Самарой статуса губернского города, здесь селились купцы и другие предприимчивые люди. Но в фельетонах Горького Преображенская улица известна прежде всего в качестве излюбленного места кулачных боев горчишников. По сообщению фельетониста, каждое воскресенье на этой улице устраивался своеобразный «скулоразрушительный и зубодробительный спектакль» [6, с. 155], продолжавшийся до прихода полиции.

Итак, Горький-фельетонист упоминал самые разные улицы и места города. Несмотря на критическое отношение писателя к Самаре, как к типичному городу застойной жизни, который лишь сосредоточил в себе наи-

более характерные недостатки провинциальной России, — благодаря его фельетонам становится известен совершенно другой, «внутренний» быт самарских улиц, без прикрас, без наносного европейского лоска. Таким образом, публицистическое наследие самарского периода творчества Горького, несмотря на некоторый специфический стиль автора, является одним из интереснейших источников изучения самарского городского культурного ландшафта конца XIX в.

Библиографический список

1. Горький М. (Дон-Кихот) Самара во всех отношениях // Максим Горький и Самара / сост. Л. А. Финк, В. З. Иванов-Паймен. Куйбышев, 1968.

2. История Самары: от воеводского управления до губернской думы / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара, 2011; История Самары (1586-1917 гг.): монография / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2015.

3. Каркарьян В.Г., Неверова В.Л. По улицам старой Самары. Куйбышев, 1988.

4. Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары, как губернского города (Историко-статистический очерк). Самара, 1877.

5. Треплев А. Максим Горький в Самаре // Максим Горький и Самара / Сост. Л.А. Финк, В.З. Иванов-Паймен. Куйбышев, 1968.

6. Горький М. (Иегудил Хламида). Между прочим. Фельетоны 1895-1896 гг. / под ред. С. Балухатого. Куйбышев, 1941.

О.А. Титова

Самарский национальный исследовательский университет

САМАРСКИЙ ОБЫВАТЕЛЬ В РЕВОЛЮЦИИ (1905-1907 ГГ.). ЛИТЕРАТУРА И ТЕКСТЫ ПОВЕДЕНИЯ

Вторая половина XIX — начало XX вв. «отмечены сильным ростом общественного движения, нередко приобретающего протестную и временами агрессивную и революционную форму» [1, с. 198]. В это движение оказались включёнными и обыватели Самарской губернии, что явилось следствием «прогрессивных социальных изменений в обществе, последствием предоставленной экономической и гражданской свободы огромной массе прежде бесправных людей, результатом развития рыночной экономики и невероятного прежде роста потребностей и ожиданий» [1, с. 201].

Основная форма существования мифологии нового времени — отечественная литература с изначально присущим ей механизмом взаимной символизации «реального» (конкретно-исторического) через «воображаемое» (историю идей). «Революции совершались в текстах, а оттуда смотрелись в свое историческое отражение, тусклое и всегда неверное» [4, с. 21].

По мысли теоретиков реализма, литература, беря материал из жизни, реорганизуя его и затем, возвращая в жизнь как объект для подражания и реализации, преобразует современную жизнь и перестраивает современно-го человека, т.е. творит будущее.

Оппозиционные партии, вместе с близкой к ним по духу периодикой и литературой и их широкой читательской аудиторией, говорили на одном языке – языке некоего единства, противопоставившего себя режиму. В этот период в России был распространен образ героя-революционера, который к тому же являлся «мучеником». Образ популяризировался в литературе, которую читала молодежь и, соответственно влиял на их умы» [2, с. 7].

Ряд дел фонда жандармского управления позволяет вывить некую общую поведенческую модель, вызванную революционным временем и связанную с уличным хулиганством, использующим революционную риторику [3]. Как правило, эти обыватели «за границей не были», «к суду не привлекались», следовательно, их нарушение порядка было связано с общим революционным «брожением» в стране, а не участием в революционном подполье. Сюжетная линия таких историй приблизительно одинакова: пьяный (или трезвый) житель ругает публично царя, предрекает революцию и производит какие-либо действия с бумагой как знаком революционного времени.

Революционный процесс оказал значимое влияние на публикацию листовочной литературы. Рост революционного движения с января по декабрь 1905 г. очевидно связан с массовой популяризацией листовочной агитации, которая проповедовала идеи и лозунги, отвечающие своевременным запросам значительной части политически активных масс, а также была понятна всем слоям населения.

В Самаре известие о расстреле мирной демонстрации в Петербурге было получено 10 января. Уже через день на улицах города и предприятиях было обнаружено огромное количество листовок, посвященных этим событиям.

Уже осенью революционная борьба рабочих приняла еще больший и более универсальный масштаб. Жители Самарской губернии поддержали общероссийскую октябрьскую забастовку. Митинги, демонстрации проходили в разных местах, раздавались листовки, произносились революционные речи. В частности, в октябре по городу была распространена листовка «Что дает нам царь, и чего мы добиваемся». Она закончилась призывом к вооруженному восстанию [3, Д. 687. Л. 11].

Известны случаи распространения листовок в учебных заведениях. Например, учитель Елизавета Федорова Попова проводила преступную пропаганду в январе 1906. Она провела собрание учителей в количестве 22 человека, на котором готовили планы погромов [3, Д. 683. Л. 5,8].

В провинции, как и в столицах, началось общее брожение, обыватель пришёл в движение. Вседозволенность проникала в обывательские поведенческие тексты. Оружие стало доступно не только профессиональным революционерам, но и просто хулиганящим, играющим в революцию, мар-

гиналам всех мастей, наводнившим город. Документы, относящиеся к тому периоду, постоянно упоминают револьверы системы «Бульдог».

Очевидно, что тексты закладывали в сознание людей определенные образы героев революции, образ врагов или «темных сил», которые ассоциировались с царским режимом и потому имели негативный смысл. Старой власти противопоставлялся образ новой демократичной, действующей глубоко в интересах народа и от его имени. Такое представление нацеливало людей на веру в светлое счастливое будущее, побуждало к действиям, порождало уверенность в том, что они станут очевидцами обновления реалий русской действительности.

Библиографический список

1. Миронов Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2013.
2. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосмос в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
3. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Оп.1. Ф.468.
4. Эткинд А. Хлыст. Секты, литература и революция. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

А.Г. Заруцкий

Оренбургский государственный педагогический университет

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЛЕНОВ СЕКТЫ «ЛЮДЕЙ БОЖИХ» В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Секта хлыстов, члены которой называли себя «Людьми Божьими», была широко распространена в дореволюционной России. Она возникла еще до реформы патриарха Никона и отделения старообрядчества от господствующей церкви. [4, с. 25]. В 1910 году протоиерей Т.И. Буткевич писал, что «хлыстовство охватило всю русскую землю» [1, с. 56]. Не была исключением и Оренбургская губерния, ситуация с сектами в которой в целом соответствовала общероссийской [3, с. 40]. Точные цифры численности сектантов привести невозможно ввиду развитой конспирации среди «Людей Божьих», однако, приходские священники в своих рапортах, относящихся к первым годам XX века, сообщают о десятках хлыстов, проживавших в пределах одного населенного пункта [2, л. 1].

В этих же рапортах содержатся многочисленные сведения о различных сторонах повседневной жизни приверженцев сектантства. Их поведение определялось строгими аскетическими правилами. Из документа в документ повторяются утверждения о том, что хлысты не едят мяса, избегают

употребления алкоголя и табака, не сквернословят и не играют в азартные игры, а также избегают половой жизни в браке [2, л. 8об.]. Именно этот строгий аскетизм, соответствующий идеалам русской крестьянской культуры, служил верным средством привлечения в секту новых сторонников и создавал многочисленные проблемы клирикам, которые вынуждены были вести скромный образ жизни, чтобы оставаться моральными авторитетами для прихожан [2, л. 6об.].

Основным видом религиозной деятельности приверженцев секты были «беседки», проходившие в строго конспиративном режиме. О них информанты священников сообщают краткие и однообразные сведения – на беседах «говорят о божественном и поют псалмы» [2, л. 10], читают «акафист Василию Великому по случаю именин самого хозяина» [2, л. 13], затем пьют чай и расходятся. Чай и рыбное угощение [2, л. 9] (по причине воздержания хлыстов от мяса) упоминаются практически во всех подобных сообщениях. Сектантские беседки мы можем рассматривать в качестве своего рода досуговой деятельности, которая особенно привлекала крестьян в зимнее время, когда они не были задействованы в полевых работах.

Однако, сектанты посещали не только беседки, но и богослужения в православной церкви, причем, как отмечается, часто проявляли изрядное рвение к участию в православных обрядах. «Храм Божий посещают усердно, в жертвах не отказывают, любят участвовать в крестных ходах» [2, л. 4], пишет приходской священник Николай Сироткин.

Он же в своем рапорте сообщает любопытные подробности, относящиеся к повседневной жизни сектантов. По его словам, которые подтверждаются и иными документами, хлысты часто путешествуют, причем на значительные расстояния. Иногда они скрывают истинные цели путешествия, рассказывая ложные истории о поездках в паломничество, например, в Киев, которые не подтверждаются фактами [2, л. 13 об.]. Священник предполагает, что сектанты ездят в другие регионы для общения с единоверцами и сбора денег на их нужды.

Некоторые факты, сообщаемые в рапортах, выглядят загадочно и на данный момент не находят объяснения. «Постройки их и те имеют отличие от других: ворота, калитки, калиточки в разные стороны, а на дворе нагорожено, что и днем не смекнешь, зачем так устроено» [2, л. 4]. Такие сведения Сироткин приводит об архитектуре сектантских домов, и насколько они являются типичными, предстоит выяснить в дальнейших исследованиях.

Библиографический список

1. Буткевич Т. И. Обзор русских сект и их толков. Харьков, 1910. 607 с.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 175. Оп. 2. Д. 18.
3. Ефименко М.Н., Камзина А. Д. Русское сектантство как «иная культура» и объект аккультурации на территории Оренбургской епархии второй половины XIX — начала XX вв. // Электронный научно-образовательный журнал «Исто-

рия». 2019. Т. 10. [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840006013-3-1/> (дата обращения: 15.11.2019). DOI: 10.18254/S207987840006013-3

4. Эткинд А. М. Хлыст: секты, литература и революция. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 688 с.

А.В. Протасова

Самарский национальный исследовательский университет

СОСТОЯНИЕ СЕКТАНТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО СЫЗРАНСКОМУ ОКРУГУ И ИХ РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА

Сызрань как один из крупных городов, входящим в Самарскую губернию, а затем в Средневолжский край, в 1920-е гг. имела развитую духовную жизнь во всем ее многообразии. В городе были представлены все традиционные религиозные конфессии, а также сектантские образования. Сектантство главным образом было представлено баптистами: в самой Сызрани данная секта насчитывала 60 членов, из которых большинство являлись латышами; в с. Безводовке община насчитывала 25 человек; в латышском поселке «Смиттен» 57 прихожан; в с. Трубетчина 63 человека; в с. Батрацкие выселки 25 человек, в с. Репьевке около пяти прихожан. Существовали и одиночные баптисты в Шигонском районе в селах Климовка, Левашевка. Другая секта – Адвентистов седьмого дня по архивным данным, составляла в г. Сызрань 40 человек [1, л.59], но численность прихожан уменьшалась. Причиной было выявлено плохое руководство и тяжесть «десятины» в размере 10%, которую были обязаны платить все прихожане. Данные по сектам в Сызрани собирались на основе зарегистрированных данных, но на самом деле сектантских организаций в городе было больше.

Сызранская ячейка организации Союза воинствующих безбожников также как и самарская ячейка, проводила массу агитационных кампаний по вовлечению граждан в свои ряды. Такие мероприятия проводились под лозунгом «каждый не верующий должен быть членом СВБ» и по архивным данным позволили увеличить состав сызранской ячейки до 5500 человек. Наряду с активными действиями пропаганды Союза воинствующих безбожников, не менее интенсивную работу проводили и церковники, и сектанты. В одном из отчетов организации СВБ указывалось, что данные религиозные группы проводят работу по срыву коллективизации. Также говорилось о том, что проповедники и попы произносят проповеди о страшной взаимосвязи между проводимой коллективизацией и созданием колхозов с концом света. Причиной было названо повсеместное закрытие церквей и молельных домов, а потому было сказано, что без веры в Бога мир

существовать не будет. Ввиду данной ситуации, общины стали проводить перерегистрацию своих членов, и после проверки, вычеркивать всех, кто уже успел записаться в колхозы. Интересная ситуация, связанная с данным фактом, связана с г. Усинском. Там, в период рождественских празднеств, у одной бывшей дамы легкого поведения (дословно проститутки) обновилась икона. После такого события женщина начала ходить по селу и говорить жителям об изменении своих религиозных воззрений и о желании вступать в колхоз: «я была неверующая – безбожница и хотела записаться в колхоз, а теперь уверовала, и пусть что хотят со мной, то и делают, а в колхоз я не пойду» [1, л.19]. Кроме этого, сектанты стали распускать слухи о скором пришествии Христа для совершения суда над нечистыми. Ими также особенно проповедовалось учение Л.Н. Толстого «О непротивленчестве злу», «О задачах человечества в совершенствовании и прочие сочинения.

К концу 1920-х гг. в СССР начали вводить особую антисектантскую работу, так как данные религиозные проявления представляли, по мнению советского руководства, большую угрозу. Сектанты говорили о строительстве «сектантского коммунизма», и опасность перехода граждан под влияние данной идеи была весьма высока. Руководители сект прямо говорили о том, что готовы сотрудничать с советами и помогать им, так как называли себя такими же коммунистами, как рабочие и крестьяне, с единственной разницей в наличии веры в Бога. «Мы, сектанты-коммунисты, приветствуем вас за то великое и святое дело коммунизма, [...] которому мы также давно служим [...] Мы желаем сотрудничать с вами в деле насаждения коммунизма [...] Мы не будем упрекать вас, а вы не упрекайте нас за то, что вы и мы идем к коммунизму разными путями» [3]. Сектанты создавали свои отделы по агитации и пропаганде религии, устраивали сектантские соревнования, вели специальные кружки и секции. Вместо Международного женского дня чтили праздник «жен-мироносец» [2, с.63], исполняли молитвы во имя Христа вместо Интернационала и многое другое.

Таким образом, сектантство в г. Сызрань и ее округе на 1929 г. было представлено достаточно широко. Несмотря на антирелигиозную пропаганду по всей стране, сектантские образования еще открыто существовали в условиях советской действительности и даже пытались сопротивляться безбожникам, распространяя религиозную пропаганду на население.

Библиографический список

1. Государственное бюджетное учреждение Самарский областной государственный архив социально-политической истории (ГБУСО СОГАСПИ). Ф.8. Оп.1. Д. 397.
2. Савин А.И. Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920-1941 гг. Документы и материалы. Новосибирск, 2004.
3. Эткинд А.М. Хлыст. М, 1998. URL: <http://www.hrist-commun.ru/kom-rel.html>.

КАРНАВАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ 1920-Х ГГ., КАК ФОРМА ТЕАТРАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

Политический карнавал 1920-х гг. — это вершина клубной самодеятельности, а в известном смысле и вершина всей ранней советской праздничной культуры. Как праздничная форма «политкарнавал» развился из традиционной манифестации, которая, объединившись с инсценировкой — другой традиционной формой раннего советского праздника, — приобрела совершенно новый облик. «Весёлое» — вот то главное и новое, что принес с собой «политкарнавал» и чего не доставало ранее советской праздничной культуре, поскольку в первые годы советской власти праздники были насыщены серьезным драматическим агитом. Рабочий и красноармеец нередко позиционировались как сосредоточенные, глубокомысленные и подавленные сознанием своей исторической миссии люди-жертвы. Считалось, что смех заглушит революционное настроение и дезорганизует дух борьбы, присущий первым советским праздникам. Такая установка способствовала специфической атмосфере этих празднеств, делая упор на «серьёзном», «героическом» и «жертвенно-трагическом» настрое.

Несмотря на это смех, хотя и не сразу, но занял почетное место в советской массовой праздничной культуре. С его помощью «политкарнавал» воспитывал чувство коллективности в массах, а также отражал актуальные моменты строительства и политической борьбы, и выполнял немаловажную функцию организации и проведения отдыха.

Историография «политкарнавала» в основном представлена в виде общих исследований посвященных советской праздничной культуре [2, 5], однако отдельно стоит отметить работы М.М. Бахтина, в которых автор выделяет концепцию карнавализации и смеховой культуры [1].

В данной статье будут рассмотрены основные карнавальные элементы в советских массовых праздниках 1920–1930-х гг. Главной источниковой базой исследования стали руководства по организации праздничных действий, позволяющие понять устремления и взгляды на значение революционных праздников [8, 9, 10]. Еще одним важным источником является периодическая печать исследуемого периода [3, 4, 6, 7].

«Смеховое» начало советского «карнавала» выражалось во всевозможных «карнавальных выдумках». Широко использовалась политическая сатира, направленная против набора внешних и внутренних врагов Советского Союза: «Вот над головами рабочих колонн проплывают самодовольные рожи 3-х врагов социалистического строительства — это рожи кулака, Чемберлена и бюрократа. Не хватает только рожи четвертого врага социализма — рожи продавшегося буржуазии Троцкого» [4]. Выбираемые для

карнавального шествия сюжеты были остро злободневны, и связаны с политическими лозунгами дня. Кроме того, в «политкарнавале» принимали участие фигуры, замаскированные под определенные бытовые персонажи: пьяница, лодырь, прогульщик.

Делая объектом осмеяния врагов и недругов СССР, лодырей, пьяниц, прогульщиков, советский «карнавал» вносил огромный вклад в проводимую партией идеологическую борьбу и способствовал воспитанию в массах политической и гражданской сознательности.

В тоже время карнавал был не только политическим, но и индустриальным, он тесно связан с экономическими задачами, популяризовал их, заражая массы трудовым энтузиазмом. Важным элементом постановок во время демонстрации были колонны декорированных грузовиков, представившие фабрики и заводы города. Их оформление отражало ключевые темы экономического развития страны: успехи кооперации, индустриализации и соцсоревнование, непрерывную трудовую неделю, карикатуры нарушителей трудовой дисциплины: прогульщиков и лжеударников.

Ночная часть оформления демонстраций и карнавалов имела свою специфику. Особое внимание уделялось световым эффектам: введению прожекторов, световых плакатов в окнах зданий и на улице, световых газет, организации фейерверка, бенгальских огней. Во время вечерних и ночных шествий иногда вводились специальные сценические акты сожжения фигур олицетворявших внутренних и внешних врагов советской власти: фашизм, царизм, пьянство, бюрократизм, разгильдяйство. Посредством таких карнавальных элементов в сознании масс закреплялась «единственно верная» интерпретация революционных событий.

Неотъемлемой частью карнавального церемониала являлись и факельные шествия, способствующие усилению театрализации массового действия в ночное время. Так, например, в газете «Молодой ленинец» в 1929 г. описываются факельные шествия во время празднования 10 годовщины КИМ в Саратове: «Тёмная ноябрьская ночь. Со всех концов города двигаются под звуки марша и бодрых, радостных, комсомольских песен ячейки второго района. Ярko полыхают факелы, разбрасывая по ветру снопы красных искр, эти искры летят далеко, взвиваясь ввысь, и гаснут, поглощённые холодом, сыростью и мраком. Так пылают факелы во всех концах мировой пролетарской революции» [6].

Через различные инсценировки с использованием огня и факельные шествия, происходила визуализация образов и символов новой эпохи. Поскольку они были рассчитаны, прежде всего, на малограмотное население, особенно восприимчивое к эмоционально-психологическому воздействию массовых зрелищ. Использование огня в советской карнавальной культуре заключалось не только в его ритуальных свойствах, но и в эстетическом и зрелищном значении. В цветовом оформлении таких шествий традиционно преобладал красный цвет, олицетворяющий кровь, пролитую за уста-

новление советской власти. И если красный был цветом пролетариата, то, черно-серебряный, белый с черным, желто-зеленый являлись цветами отрицательного порядка, ассоциирующимися с образом церкви, похорон, желтого интернационала, цветом разложения, пивной.

Наравне с факелами в ночные инсценировки были введены почти повсеместно прожекторы, фейерверки. Всё это в сочетании с политсатирой, цирком, театром петрушки, парадом конницы или пехоты, спортивными выступлениями и специфичным для советской демонстрации антуражем придавало необычайно красочный облик этому типу празднества.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить, что, проблема карнавального празднества — одна из серьезных и сложных в советской праздничной культуре. Таковой она стала уже в конце 1920 х гг., когда тенденция на карнавализацию первомайских и октябрьских праздников, стала всё больше и больше искусственно ограничиваться.

Библиографический список

1. Бахтин, М.М. Собрание сочинений в семи томах. М., 2010. Т. 4.
2. Захаров, А. В. Карнавал в две шеренги: к истории советских массовых празднеств // Человек. 1990. № 1.
3. Известия. Москва. 3 мая 1925.
4. Красное знамя. Томск. 4 мая 1929.
5. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление: Опыт историко-теоретического исследования. М., 1978.
6. Молодой ленинец. Саратов. 22 ноября 1929.
7. Правда. Москва. 5 мая 1926.
8. Цехновицер О. Демонстрация и карнавал. К десятой годовщине октябрьской революции. Л., 1927.
9. Цехновицер О. Празднества революции. Л., 1931.
10. Шукин, Ю., Магидсон, А. Оформление массового празднества и демонстрации. М., 1932.

Е.В. Алексеенко

Самарский национальный исследовательский университет

ТАКТИКИ И СТРАТЕГИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ЖЕНЩИН САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920–1930-Е ГГ.

Когда рушится одна жизнь и на её обломках вырастает новая, «маленький человек» оказывается в ситуации необходимости адаптироваться к изменившимся условиям, что придает его тактикам и стратегиям повседневного существования новый характер. Особенно интересен в ситуации социально-политических катастроф — мир слабых, к которому можно отнести женщин, детей и стариков. Женщины, в силу особенностей своего фи-

зиологического состояния, испытывают двойной стресс: общечеловеческий, вызванный сменой политической власти, и физиологический, связанный, к примеру, с беременностью, родами, кормлением детей и т.д. В этой связи анализ того, как женщина в своей повседневной жизни адаптируется к новым условиям, какие использует повседневные тактики и стратегии выживания, представляет несомненный научный интерес и является актуальной темой в связи с поиском новой парадигмы антропологически ориентированной истории.

В Советском Союзе численность рабочего класса росла с беспрецедентной быстротой, изменялся его социальный состав. Ещё более стремительно возросла роль женского труда: ни в одной стране мира доля женщин в составе рабочего класса не стала столь значительной за такое короткое время. К 1930 г. на производство в стране пришло 473 000 женщин, что в 4 раза превышало численность новых работниц 1929 г. [2, с. 7].

Самарские женщины с большим энтузиазмом относились к своему новому статусу в профессиональной сфере: «говорят, то мы женщины должны быть готовы к войне: учиться стрелять, санитарному делу и т.д. Но и кроме того повышать свою квалификацию, чтобы могли замещать мужчин в нашем строительстве ... если наши мужья пойдут на фронт, мы здесь сумеем постоять за Советскую власть, за интересы трудящихся» [4, л. 65].

Женщина в советском обществе, приобретя экономическую независимость от мужчины, начинает активно участвовать в общественной жизни страны. Женщины Самарской губернии были членами профсоюзов, потребительской кооперации, числились в партийных списках, а также фигурировали в работе женотделов и делегатских собраний. Но на деле общественная работа не привела к освобождению женщины от «домашнего рабства», а только расширила круг её обязанностей.

Фонды, хранящиеся в Самарском областном государственном архиве социально-политической истории, позволяют анализировать детали без отрыва от макроисторического контекста. Товарищ Вомина пишет руководителю делегатского делегатского собрания товарищу Балахниной: «Одно говорю, что с работой я не справляюсь и нет сил одной все сделать: не знай идти собирать женщин, писать отчеты, списки и т.п. А у меня еще кроме, пионеры, школа, а там сельсовет ругает... Откровенно говоря. Иногда жрать некогда. Придешь, а тебе уже повестки принесли. И думаешь, что делать, куда идти? Ей-ей сума сойду скоро... Иногда ходишь по неделе и более грязная. Честное слово хоть душись. Ну как быть. Скажите» [5, л.17].

Идя от «человека», а не от объективных закономерностей, мы, вполне возможно, подтвердим их, но обязательно реконструировав «живую личность» [1, с. 31].

В Самарской губернии на совещании женщин делегатов XIV-го губсъезда Советов в 1927 году т. Моисеева из Мелекесского уезда отмечала, что «многие мужчины на женщин не смотрят как на человека» [6, л. 26.]. Для

снятия с должности председателя Крестьянского комитета общественной взаимопомощи ей пришлось обращаться в ячейку ВКП(б), поскольку сам председатель никакого внимания не обращал. На совещании её поддержала тов. Филиппова из Ставропольского уезда: «у нас тоже ещё над женщинами смеются, когда начинают работать в обществе. Нужно дать директиву, чтобы изжить такое явление» [6, л. 26.]. Поэтому в резолюции был отмечен такой недочёт в области вовлечения женщин в работу как «неблагоприятная обстановка для работы женщины, создаваемая мужской частью».

В профессиональной деятельности женщины подвергались гендерной сегрегации, поскольку наибольший процент тружениц был представлен в области медицинского и социального обеспечения, а наименьший – в промышленной сфере, которая традиционно считалась мужским занятием. Иностранцы специалисты, приезжавшие в СССР, удивлялись плохой дисциплине. Инженер компании Форда П. Макгрегор в 1929 г. жаловался дирекции завода «Красный Путиловец», что «За всю свою жизнь я повидал меньше девушек, занятых тяжелым ручным трудом, чем за один час, проведенный здесь» [7].

Трудности возникали, когда на завод Форда в Америку командировали для обучения методам производства женщин: работу в цеху компания считала делом сугубо мужским. Когда одну настойчивую практикантку всё-таки допустили в цех, мастер не разрешал ей обедать вместе со всеми рабочими – «мисс, ведь среди них есть негры!». Ситуацию урегулировали, но начальник Автостроя С.С. Дыбец телеграфировал из Америки в отдел кадров: «Посылку женщин прекратите» [8].

Таким образом, становление советской женщины происходило в условиях жесточайшего давления не только со стороны власти, но и со стороны внешних условий, в которых они оказались поставлены в 1920-е годы: война, голод, разруха. У женского населения не было иного выхода, кроме как адаптироваться к изменившейся обстановке. Им приходилось вырабатывать собственные тактики и стратегии выживания в эту сложную, переходную эпоху. Новая советская идентичность формировалась двумя векторами. Под гнетом тоталитарного террористического государства: в условиях поглощения общества, атомизации общества, лишения средств производства, в том числе и производства себя как личностей. Однако в рамках этой концепции невозможно было ответить на вопрос, как и за счет чего, помимо насилия и террора, эта система строилась и держалась. Второй вектор представлял собой мощную систему пропаганды, целью которой было воспитать высококвалифицированного специалиста, способного решить насущные проблемы молодого советского государства. Советская женщина находилась в ситуации обременения все более и более новыми социальными ролями, оставаясь при этом женой, матерью, дочерью, сестрой. Женщина «биологическая» должна приспособливаться к социальному простран-

ству новой социалистической эпохи [3]. «Игра в идентичности» была основной стратегией выживания женщин ранней советской эпохи. Отнюдь не государство распределяло роли жертв или агентов политической системы.

Библиографический список

1. Бурдые П. Социология социального пространства. М.-СПб., 2005.
2. Голдман В.З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917-1937 гг.) / пер. с англ. В.Ю. Любовской. М., 2010.
3. Кобозева З.М., Скачкова У.О. Женщина социальная и женщина биологическая в тисках ранней советской эпохи 1920-х гг. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenschina-sotsialnaya-i-zhenschina-biologicheskaya-v-tiskah-ranney-sovetskoj-epohi-1920-h-gg>
4. Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2550.
5. Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф. 73. Оп. 274. Д. 1.
6. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 1058.
7. Шпотов Б.М. Западные источники индустриализации СССР (конец 1920-х – 1930-е гг.). URL: <https://www.hse.ru/data/2010/03/30/1217471628/shpotov.pdf>
8. Шпотов Б.М. Не дано нам было историей тише идти. техническая помощь Запада советской индустриализации. URL: <http://www.pseudology.org/tazbory/IndustriaGAZ.htm>

А.И. Писарева

Самарский национальный исследовательский университет

ИЗМЕНЕНИЯ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ САМАРЫ В ГОДЫ НЭПА

Введение НЭПа изменило жизнь советского человека по сравнению с предшествующим периодом. Принятый в 1922 г. Кодекс законов о труде юридически четко регламентировал продолжительность рабочего дня. И в результате, по сравнению с периодом Гражданской войны, у горожанина оказалось больше свободного времени, которым он мог распорядиться по своему усмотрению.

Набор развлечений в годы НЭПа был достаточно традиционен: танцы, кино, театр, гостевое общение, прогулки. Прием и посещение гостей занимали значительное место в ряду разнообразных видов отдыха горожан. К общению стремились и рабочие, и служащие, и интеллигенция, и, конечно, молодежь [2, с. 84].

В то же время годы НЭПа явились своеобразным подготовительным этапом для последующего мощного наступления государства на религию.

В его основу была положена антирелигиозная пропаганда. С середины 1920-х гг. антирелигиозная работа властями стала проводиться более организованно. Е. Ярославским был создан Союз воинствующих безбожников, стала издаваться газета «Безбожник», тираж которой к концу 1920-х гг. достиг 500 тыс. экземпляров. В провинции ее первые номера появились уже в 1923 г. [2, с. 87].

Хотя к концу 1920-х гг. многие горожане по-прежнему с удовольствием участвовали в религиозных праздниках, однако уже не все воспринимали их именно как религиозные. Какая-то часть жителей видела в них только форму отдыха и развлечения. Отдавая дань религиозной стороне дела, люди в первую очередь стремились отдохнуть, разрядиться после трудовых будней, отвлечься от проблем. Приподнятость настроения, веселье, общение — вот что прежде всего определяло атмосферу этих событий [2, с. 87-88].

При губполитпросвете в 1921 году был создан литературный отдел (ЛИТО), отвечавший за писательскую жизнь в городе. При ЛИТО проводились поэтические вечера, где выступали начинающие поэты, рабочие и крестьяне, а критики отдела оценивали произведения не только по их форме, но и в соответствии с содержанием, с общественным звучанием [7, с. 22-23]. В 1922 году возникает Самарское литературное общество «Слово», проводившее литературно-художественные чтения, привлекавшие всех желающих. Чтения пользовались огромной популярностью у самарских жителей, и только за первые два года их посетило больше 10 тыс. человек [1, с. 257].

Получило импульс для развития и художественное искусство. В 1924 году в Самаре возникает «Общество пролетарских художников», организовавшее художественные курсы. В следующем году творческий коллектив вступает в АХРР — Ассоциацию художников революционной России. Деятельность «Общества» пробуждает в среде самарчан интерес к живописи, растет число посетителей реорганизованного в 1924 году художественного музея: так, выставку в мае 1925 года посетили 4 тыс. человек, тогда как первую государственную выставку картин в октябре того же года — более 9 тыс. [4, с. 95].

Продолжала наращивать темпы политика ликвидации безграмотности, запущенная в начале 1920-х годов. В официальном письме народного комиссариата просвещения в Самарский губернский отдел народного образования отмечалось, что «Наркомпрос в условиях изживания Самарской губернией последствий голода считает крупными достижениями губоно почти полный охват школой детей школьного возраста в городах губернии, открытие за последние 3 года около 1000 новых школьных комплектов и значительное повышение доли народного образования в местном бюджете» [5, с. 261]. Просвещение охватывало не только детей школьного возраста — по-прежнему ширилось и число школ ликбеза для жителей всех возрастов. В 1924-1925 годах в уже 780 подобных школах обучалось 55 тыс. человек [3, с. 61].

Стержневым учреждением развития науки в Самаре являлся университет, и хотя он был закрыт в связи с проблемой финансирования его деятельности, функционирование университета осуществлялось на протяжении большей части эпохи новой экономической политики.

Развитие образования в Самаре периода НЭПа после закрытия университета осуществлялось, преимущественно, на базе среднего профессионального обучения. Из высших учебных заведений остался лишь сельскохозяйственный институт с 390 студентами, который, разумеется, не мог компенсировать ликвидацию Самарского университета. Среднее профессиональное образование же предоставлялось, по состоянию на июнь 1928 года, 210 учреждениями с 19046 учащимися; в это число входили 45 техникумов с 6612 учащимися, 37 профучилищ с 3648 учащимися [5, с. 264], а также школы ФЗУ, учебные мастерские, долго- и краткосрочные курсы профессионального образования. Такой образовательный кластер функционировал, главным образом, ориентируясь на потребности индустриального и сельскохозяйственного строительства. В то же время, деятельность Самарского университета, оставившая многообразные исследовательские центры и научные общества, подготовившая тысяч высококвалифицированных кадров, архивные и библиотечные фонды, стала базой для развития высшей школы в регионе уже в 1930-е годы [4, с. 94].

Изменение социокультурного климата, проявившееся в повсеместном распространении грамотности, вовлечении самарских жителей в культурную жизнь города и страны, приобщении самарчан к искусству, вел к возрастанию потребности в дополнительных культурно-просветительных учреждениях. Стремительно шло расширение сети библиотек, читальных клубов и изб-читален: к концу 1925 года 397 библиотек по всей губернии посещало 67 тыс. читателей, еще 200 тыс. ходило в клубы и избы-читальни [6, с.104].

Таким образом, переход к новой экономической политике, начало мирного развития хозяйства, активная политика культурного строительства со стороны Советов позитивно отразились на культурном климате Самары. Данные процессы нашли отражение в преодолении безграмотности, развитии образования, успехах научной жизни, количественном и качественном росте культурных и просветительских учреждений города.

Библиографический список

1. Вся Самара: Адресно-справочная книга на 1925 г. Самара: Изд-во Общ-ва археологии, истории, этнографии и естествознания, 1925.
2. Гуменюк А.А. Повседневная жизнь городов Поволжья в годы НЭПа // Клио. 2007. №3.
3. История Куйбышевской области (1917-1980 гг.). Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1981.
4. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век (1918–1998). М., 2000.

5. Самарское Поволжье в XX веке: Документы и материалы/ Под ред. П.С. Кабытова. Самара: Издание Самарского центра РАН, 2000.

6. Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до наших дней. Кн. 3: Самарский край в XX веке (1918–1996 гг.). Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997.

7. Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни (1919–1923 гг.). Самара, 1993.

Д.Ю. Селифونتова

Самарский государственный социально-педагогический университет

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КИТАЯ: ОЦЕНКИ СОВЕТСКИХ ВОЕННЫХ

Изучение особенностей восприятия Китая в СССР началось ещё в советской историографии. Анализ мемуаров советских военных имеет особое значение, т.к. их наблюдения о быте, культуре, внутренней политики Китая в 1930-е годы, всегда сопоставлялись с актуальной международной обстановкой. Кроме того, образ Китая в 1930-е годы служил для формирования и корректировки Я-концепции советского общества: через сравнение советской и китайской культуры неизменно подчеркивалось превосходство первой.

Основная часть мемуаров и воспоминаний советских военных, посвящена второй половине 1930-х гг., когда после договора 21 августа 1937 г. СССР стал оказывать активную материальную и военно-техническую помощь как правительству Чан Кайши, так и Коммунистической партии Китая, стремясь тем самым сдержать агрессивные устремления Японской империи на Дальнем Востоке. Китай, при своей отсталой экономике и примитивном военном оснащении, осмелился оказать сопротивление Японии, отличавшейся экономической и военной мощью.

Военные и дипломаты попадали в страну, которая была разорена войной и пронизана нищетой. Одно из ярчайших описаний оставил С.П. Константинов, который прибыл в Китай в качестве добровольца.

«Простой люд жил в ужасающей нищете на окраинах городов. Теснота, духота, зловония и мириады мух были обычны для районов бедноты. На каждом углу узких улочек можно было заметить либо грязный трактир, либо дом терпимости, куда клиентов затаскивали чуть ли не силой» [1, с. 200]. Паталах Г.Н. отмечает 15 февраля 1941 г. — «Сколько нищеты и рабства здесь царит. Бедность непроглядная, едят бурьян. Рис стоит огромных денег» [2, с. 73]. Летчик С.В. Слюсарев в своем отчете описывает грязные, узкие улочки, которые застроены лавчонками. «По городу носились старые, разбитые автомашины иностранных марок; при этом водители не соблюдали никаких правил уличного движения» [3, с. 220]. Н.Г. Козлов

искренне удивлен тем, что беднота и роскошь соседствуют в одном городе [4, с. 127].

Таким образом, мы видим, что в Китае существовали места, где жила малочисленная обеспеченная часть населения и иностранцы. Но этот факт еще больше свидетельствует о том, что почти все население страны жило на грани голода на узких, оживленных, грязных улочках. В газете «Правда» корреспондент пишет: «Улицы до отказа переполнены народом и необычайно оживлены» [5].

Подтверждение данных слов можно найти у С.С. Белолипецкого. Он отмечает, что часть города, расположенная вдоль Янцзы, называлась международным сеттльментом. Там был расположен утопающий в тропической зелени ряд богатых особняков, занимаемых посольством иностранных государств [6, с. 149].

Наиболее ярко и подробно дает характеристику этому явлению А.С. Панюшин. «В любом китайском городе много рикш. Оборванные, полураздетые, они готовы за гроши подвезти вас куда угодно. Да и что остается делать? Другого варианта нет, а жить надо: дома голодная семья. Вот и приходится с утра до ночи караулить клиентов. Редко кто из рикш имел свою коляску. Дорого стоит. За арендованную коляску владелец отбирал половину заработка» [7, с. 144].

«Все рикши очень тощие. Глаза впалые, вены на руках и ногах вздуты. Остановится на минутку распаленный бегом человек, немного отдышится и снова бежит, обливаясь потом» [8, с. 130] — такого было знакомство с рикшей у летчика — испытателя К.К. Коккинаки.

В.Р. Бойко пишет, что: «Один раз в год по карточкам продавали по одной паре резиновых тапочек для мужчин. Все ходили в рубашках, в соломенных накидках и босые. Торговля была в руках японцев. Китайцам запрещалось есть рис, или полагались только гаолян, чумиза и кукуруза» [9, с. 83]. На скудной пище, не покладая рук, китайцы работают с рассвета до сумерек» [10, с. 27]. С таким невыносимым образом жизни, смерть в 30-40 лет была естественна.

Советник китайской армии при Чан Кайши Чуйков В.И. писал, что «несмотря на необычное трудолюбие, китайцы ходили в лохмотьях, жили впроголодь» [11, с. 224]. Неудивительно, что произошло падение морали и нравственности. Для советского человека вызывала недоумение многочисленная, нескрываемая проституция.

Много странного, непонятного, ужасного увидел доброволец из СССР, который приехал помочь китайскому народу освободиться от японской оккупации. Как мы видим, в мемуарах, дипломатических отчетах, письмах часто встречается разнообразное описание быта, улиц, условий жизни, и не только отношений внутри китайского народа, но и отношения советского человека к китайцу, и китайского человека к иностранцам — всё это позволяет реконструировать образ Китая, существующий в советском обществе середины XX в.

Библиографический список

1. Константинов С.П. Страницы прошлого // На Китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925-1945 гг. М., 1977.
2. Паталах Г.Н. Китай, 1941 г. Дневник военного советника. М., 1989.
3. Слюсарев С.В. В воздушных боях над Китаем // В небе Китая. 1937 -1940. М., 1982.
4. Козлов Н.Г. В небе Китая // В небе Китая. 1937 -1940. М., 1982.
5. «Правда». 25 января. 1938. №24.
6. Белолипецкий С.С. В сражающемся Китае // На Китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925-1945 гг. М., 1977.
7. Панюшин А.С. Записки посла: Китай 1939-1944 гг. М., 1982.
8. Коккинаки К.К. Щит и меч // В небе Китая 1937-1940. М., 1982.
9. Бойко В.Р. Освободительная миссия // На Китайской земле. 1925–1945 гг. М., 1974.
10. Владимиров П.П. Особый район Китая. 1942-1945. М., 1977.
11. Чуйков В.И. Миссия в Китае // На Китайской земле. 1925 – 1945 гг. М., 1974

И.Д. Янцен

Самарский национальный исследовательский университет

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ЕГО СОЦИАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ КОНЦА 1930-Х – НАЧАЛА 1940-Х ГГ.

Понимание современных проблем российских женщин невозможно без изучения женской повседневности в первые десятилетия существования советской власти, что делает данную работу актуальной и социально значимой. Автор поставил перед собой следующую цель: показать, как создавался образ идеальной советской женщины в отечественном кино 1930-х гг. и каким социальным содержанием он наполнялся. Для достижения поставленной цели мы, на основе анализа наиболее успешных фильмов в советском прокате тех лет, попытаемся определить образ совершенной советской женщины, который предлагался для подражания всем женщинам Союза государственной пропагандой.

Кинематографические произведения представляют собой уникальный, хотя и весьма специфический исторический источник, который позволяет визуализировать изучаемый исторический материал. Социальная функция кинематографа заключается в том, что кинофильмы программируют поведение человека, формируя стереотипы и образцы [1]. Все, что попадало в советские фильмы 1930-х гг., имело смысл и являлось знаками, значение которых определенным образом маркировалось. Фильмы управляли восприятием зрителей, и поэтому в них нет ничего случайного.

Начало коллективизации и индустриализации поставило советских женщин в новые социальные условия [2, с. 314]. Через женские образы власти пытались донести до людей важные идеологические установки. Женские персонажи стали выполнять роль рупора идеологии. Именно в их образы вкладывались мысли и идеи, которые власть считала необходимым донести до каждого советского гражданина.

Советское кино 1930-х – начала 1940-х гг. – это массовое кино, которое оставалось таковым на протяжении всей истории СССР и которое отвечало критериям массовой культуры: оно имело миллионы зрителей, было простым, стандартизированным, обладало позитивным пафосом, удовлетворяло потребности в отдыхе и развлечении. Фильмы финансировались государством и цензурировались: контроль фильма начинался со сценария, свободная воля режиссера блокировалась [3, с.164]. Задача производства фильмов заключалась не в отображении окружающей действительности, а в ее конструировании, создании реальности, в которой жизнь представлялась только в светлых тонах.

Ключевым жанром кинематографических произведений становится музыкальная комедия [1]. Выдвигается лозунг «Почувствовать, развлекая». Ведущими режиссерами, снимавшими в этом жанре, были Г.В. Александров, И.А. Пырьев и К.К. Юдин. Их фильмы чрезвычайно продуманы: информация, передаваемая кинокартинами, понятна, однозначна и исключает иную интерпретацию. На основе успешных в прокате фильмов этих талантливых режиссеров (таких, как «Богатая невеста» и «Трактористы» Пырьева, «Девушка с характером» Юдина и «Светлый путь» Александрова), мы можем выявить формируемый образ советской женщины и определить его социальное содержание.

Отличительной особенностью названных комедий является показ социального роста женщин. Главная героиня «Светлого пути» (1940 г.) Таня Морозова, сыгранная Любовью Орловой, проходит путь от неграмотной деревенской девушки и домработницы до передовой ткачихи. У своей хозяйки в деревне она жила на положении служанки, пока та ее не приревновала к молодому инженеру Алексею Лебедеву. Выгнанная из дома, Таня Морозова переезжает в город и устраивается уборщицей на ткацкую фабрику имени Ногина, поступает в вечернюю школу и обучается работать на ткацком станке. В скором времени Таня становится ткачихой и участником Стахановского движения, добившись на фабрике выдающихся успехов: вместо 8 станков она следит за работой целого цеха, состоящего из 150 станков. В конце фильма героиня Орловой в прекрасном дворце получает за свой труд Орден Ленина. Если раньше Таня, тайно влюбленная в интеллигентного инженера Лебедева, считала себя не достойной его, то теперь, получив Орден Ленина, она могла считать себя ему равной.

В фильме «Трактористы» (1939 г.) Ивана Пырьева персонаж Марии Ладыниной Марьяна Бажан – женщина, уже достигшая успехов. Марьяна

Бажан — бригадир женской тракторной бригады и кавалер Ордена Трудового Красного Знамени. О ней часто пишут в газетах, она популярна, ее узнают, поклонники пишут письма. Ее земляк, главный герой Клим Ярко, демобилизованный танкист, увидев ее в газете, в шутку говорит своим товарищам, что направляется к ней [4, с. 477]. Марьяна Бажан представлена в фильме как сильная, волевая женщина, что подтверждается не только ее характером, но и даже внешним видом: на мотоцикле, в робе и сапогах она носится по колхозным полям и управляет работой своей бригады.

Героиня Валентины Серовой, Катя Иванова, из фильма «Девушка с характером» (1939 г.) Константина Юдина — лучшая работница дальневосточного зверосовхоза. Она собирается наказать своего директора Мешкова, который развалил всю работу зверосовхоза. Она намеревается ехать в Москву, чтобы подать на него жалобу. По пути на станцию, Катя ловит диверсанта и сдает его пограничникам. Затем, без билета, работая официанткой вагона-ресторана, она добирается до Москвы, где подает жалобу на Мешкова. Его увольняют, а вместо него директором совхоза назначают Катю.

Таким образом, в результате выдвинутого лозунга «Поучать, развлекая», появились замечательные комедии выдающихся режиссеров Александрова, Пырьева и Юдина. Созданные ими женские образы транслировали государственную идеологию и помогли конструировать новую социалистическую действительность. Стахановка, лучшая работница, девушка, решившая изменить свою жизнь к лучшему, достигшая успехов в производстве и получившая признание общества благодаря своему самоотверженному труду в строительстве будущей счастливой социалистической жизни — вот идеальный образ советской женщины, достойный подражания.

Библиографический список

1. Дашкова Т.Ю. Любовь и быт в кинофильмах 1930 — начала 1950-х гг. // История страны / История кино / Под ред. С.С. Секиринского. М., 2004. URL: <https://vikiidalka.ru/1-80315.html> (Дата обращения 4.11.19)
2. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т.1. №3/4.
3. Туровская М.И. Зубы дракона: мои 30-е годы. М., 2015.
4. Советская власть и медиа: Сб.ст. / Под ред. Х. Гюнтера и С. Хэнген. СПб., 2005.

**ПУТЬ ИЗ ПОДПОЛЬЯ НА СТРАНИЦЫ РАЙОННЫХ ГАЗЕТ:
РЕЛИГИОЗНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА**

Ульяновская область – многоконфессиональный регион России. Его социальная сфера исторически формировалась под влиянием синкретизма множества религиозных течений.

В условиях советского светского государства, несмотря на официальный запрет законодательства, существовали и развивались многочисленные религиозные практики, в том числе и религиозных меньшинств. Как правило, в научной литературе под религиозным меньшинством понимается группа граждан, обладающая устойчивыми религиозными характеристиками, имеющая желание сохранить свою самобытность и численно меньшая относительно основных представленных на данной территории конфессий.

Отдельные религиозные течения Ульяновской области в период с 1950-ых – 1990-ых гг: баптисты, пятидесятники, свидетели Иеговы, истинно православная церковь, хлысты, старообрядцы различных толков, существующие ещё со времён Симбирской губернии. Официальная пропаганда считала, что «их учение, их взгляды на жизнь, их мораль мешают советским людям в строительстве коммунистического общества». [1, с. 35]

По территории Ульяновской области новые христианские течения распространялись неравномерно. Так, например, очаг распространения баптистского движения – Сенгилеевский и Мелекесский районы, пятидесятнического – Радищевский, свидетелей Иеговы и истинно православной церкви – в г. Ульяновске и Богдашкинском (ныне Ульяновском) районе. Хотя количество хлыстов значительно сократилось к этому времени, они всё ещё оставались в Тереньгульском и Кузоватовском районах, а также в г. Ульяновске [2, л. 2, 3].

Закрытость и официальный запрет порождали много слухов и мифов. Им приписывались жестокие обряды, в большинстве случаев гиперболизированные. К примеру, пятидесятников обвиняли в похищении и «приношении в жертву вере» малолетних детей, каннибализме и т.д. [1, с. 31]. Подобные слухи распространялись и во времена Российской империи, например, о хлыстах и их обрядах причащения.

В целом, в советский период деятельность новых христианских движений пресекалась и как правило была скрытой, а информация об их деятельности не попадала в официальные источники. Однако ситуация существенно меняется в конце XX века: новые религиозные движения получают мощный импульс развития с появлением в России не только формаль-

ной (декларируемой официальными властями), но и фактической религиозной свободы. Также меняется отношение населения к так называемым «сектам»: если в середине XX в. советские граждане категорически негативно относились к представителям «сектанства», то в 90-ые годы появляются люди, нейтрально или даже в некоторых случаях положительно относящиеся к их вероучениям.

Для подтверждения этого стоит рассмотреть положение баптистов в г. Димитровграде: по описанию журналиста газеты «Димитровград-панорама» Станислава Андриянова, посетившего местную баптистскую общину, они показались ему приветливыми, спокойными людьми, не навязывающими своё вероисповедание. Также он сравнил димитровградских баптистов с саратовскими. По его утверждению, в Димитровграде они раздавали литературу и брошюры бесплатно, а в Саратове взимали за неё плату; димитровградская община мирно относилась к чужим и иноверцам, свободно пускала их в молеальный дом, а саратовская община была агрессивна настроена к незнакомцам. Примечателен также ещё один факт: по религиозным соображениям баптисты отрекаются от просмотра телевизора, чтения светской литературы, газет, употребления алкоголя и курения, прослушивания современной музыки, однако димитровградские баптисты позволяли себе смотреть телепрограммы и читать классическую литературу [3, с. 16].

Можно сказать, что баптисты постепенно начали утрачивать зловещий образ, созданный в процессе антирелигиозной пропаганды. Частью населения они воспринимались уже не как враги власти и государства, а обычные люди, отличающиеся от других лишь убеждениями, касающимися вопросов веры.

В 1990-ых годах, кроме расцвета христианских движений, в Ульяновской области появляются новые культы. К примеру, гаудия-вайшнавизм — религиозная традиция внутри индуизма, также известная под названием кришнаизм [4, л. 7]. Это экзотическое течение быстро привлекло к себе внимание молодёжи. Нужно отметить, что негативного образа кришнаитов в Ульяновской области в это время не возникло. Этому поспособствовала их филантропическая деятельность: Общество Сознания Кришны организовывало выступления перед тяжелобольными, что положительно было встречено как медперсоналом, так и пациентами; одно время бесплатно кормили нуждающихся, планировали открыть столовую [5, с. 9].

Всплеск активности религиозных меньшинств связан с протестом на запрет их деятельности в советский период. Часть из них смогла подстроиться под новую государственную систему и перестала восприниматься жителями как нечто зловещее и запрещённое, а другая часть прекратила свою деятельность, в том числе под влиянием законодательства, а также активной позиции Симбирской епархии и Ульяновского муфтията, например, Свидетели Иеговы.

Библиографический список

1. Белопольский, Б. Р. В омуте религиозного сектантства. Ульяновск: Кн. изд-во, 1962.
2. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). ФР-3705. Оп. 1. №48.
3. Димитровград-панорама. 1997. 25 мая.
4. ГАУО. ФР-3705. Оп. 1. №179.
5. Симбирский курьер. 1999. 29 декабря.

М.М. Гумеров

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1945-1985 ГГ.

С приходом к власти большевиков государственно-исламские отношения начали складываться непросто. Не смотря на то, что в целом они носили негативный характер, временами мусульманской элите и самим верующим казалось, что в определенный момент они смогут возродить ту систему религиозного обучения, которая существовала в дореволюционный период. В данной работе мы постараемся выделить основные способы и механизмы передачи исламского образования в Куйбышевской области с послевоенного периода до начала эпохи перестройки.

С началом Великой Отечественной войны советское руководство снова повело себя относительно лояльно по отношению к церкви для того чтобы религиозные лидеры выступили с патриотическим обращением помочь Красной армии и Родине в достижении победы над врагом [3, с. 154].

Однако после войны власть переходит на новый этап конфронтации с исламом, а главную роль в передаче религиозных знаний продолжает играть устная традиция. Наличие устной традиции подтверждается как учеными [1, с. 107], так и представителями духовенства. Имам-хатыб Самарской Исторической мечети Биктаев Наиль Данисович считает, что в этот период велика была роль «бабаев и абиев» (с татарского языка «бабушки и дедушки»), которые смогли передать определенные знания в области религии. К данному источнику знаний можно отнести тех лиц, которые успели получить определенное образование в существовавших ранее мусульманских учебных заведениях. Так, например, в Самарской губернии в 1915 г. действовало 107 мектебе и 27 медресе [1, с. 60].

Также надо отметить, что с течением времени людей, обладающих качественными знаниями в области ислама, сокращается: многие погибли во время Великой Отечественной войны, некоторых не стало в силу возраста.

О последующих попытках мусульман Куйбышевской области передать традиции, обычаи, нормы и определенные знания в области ислама в 1950-х гг. говорят некоторые сведения в отчетах Уполномоченного – Петра Алексина за этот промежуток времени. Стоит отметить, что активная просветительская деятельность духовенства среди местного населения не прекращается, а в определенные моменты даже усиливается. В одном из отчетов Уполномоченного указывается, что в Куйбышевской области насчитывается 20 зарегистрированных мусульманских общин в сельской местности [4, л. 5], в которых местное духовенство проводило религиозно-просветительскую работу. Таковой общиной, как правило, была мечеть. В самом же Куйбышеве она открылась в сентябре 1967 г. [5, л. 61]

До этого момента все же определённой части мусульманского населения города удавалось получить религиозные знания иным путем. Петр Алексин указывает, что верующие города проводят молитвенные собрания на квартирах мелкими группами [4, л. 5]. В этих квартирах читали Коран, проводили проповеди, исполняли религиозные службы.

Отдельно следует упомянуть деятельность поволжских ишанов (в среднеазиатской и волго-уральской традиции – синоним терминов муршид, шейх) в деле распространения религиозных знаний. Наиболее известными в волго-уральском регионе стали представители «Кизляу тарикы» (суфийское братство волго-уральских накшбандийских ишанов из с. Кизляу (Курманаево, ныне в Нурлатском р-не РТ): Валиахмет Сабилов, Габдулбари Мулюков и Ибрагим Яхин. Не редким явлением в 1950-х гг. стали организованные Яхином и его учениками по четвергам ишанский сабак (специфический элемент суфийской культурной практики: задание, которое дает учитель (муршид, шейх) для ежедневной практики. Обычно состоит из повторений особых религиозных формул (зикр) и цитат Корана), на который собирались по 20-30 человек, практиковавших тихий зикр (специфический элемент суфийской практики, одна из ключевых ее форм. Заключается в многократном поминании одного или нескольких имен Аллаха или произнесения особых формул на сакральном арабском языке) и чтение религиозных книг [2, с. 218].

Таким образом, самым актуальным механизмом передачи мусульманских знаний оставалась устная традиция посредством тех лиц, которые успели получить религиозное дореволюционное образование. Определенную деятельность в этом направлении вели муллы, проповедовавшие в мечетях региона. В 50-х – 60-х гг. активной стала работа ишанов, которые делились знаниями в области религии и проводили определенные обряды. До определенного момента в г. Куйбышеве верующие организовывали сборы только в частных квартирах для сохранения и распространения исламских канонических традиций, а с 1967 г. у мусульман города появилась возможность проповедовать в открывшейся мечети.

Библиографический список

1. Гусева Ю. Н. Ислам в Самарской области. М.: Логос. 2007. С. 112.
2. Гусева Ю. Н. Ишанизм как суфийская традиция Среднего Поволжья в XX веке: формы, смыслы, значение. М.: Медина. 2013. С. 218.
3. Гусева Ю.Н. Российский мусульманин в XX веке. Самара: Офорт, 2013. С. 416.
4. Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р4089. Оп. 1. Д. 15.
5. ЦГАСО. Ф. Р3219. Оп. 1. Д. 5.

Л.Г. Мкртчян

Самарский национальный исследовательский университет

САМАРСКИЙ АРХИТЕКТОР И КРАЕВЕД ВАГАН ГАЙКОВИЧ КАРКАРЬЯН

Ваган Гайкович Каркарьян (22 августа 1934, Баку — 6 января 2014, Самара) — заслуженный архитектор России, член-корреспондент Российской Академии архитектуры и строительных наук, художник, профессор Самарского государственного архитектурно-строительного университета.

Вагана Каркарьяна, без сомнения, можно назвать личностью, легендарной для Самары. Это человек, не только много сделавший для формирования архитектурного облика современной Самары, но и всей душой болевший за сохранение исторической части города. Его книга о деревянной Самаре стала уникальным источником информации о деревянном убранстве самарских домов, многих из которых уже не существует. Большая часть самарцев впервые познакомилась со знаменитыми самарскими особняками и другими архитектурными шедеврами по рисункам Вагана Гайковича [1].

В.Г. Каркарьян впервые оказался в Куйбышеве в студенческие годы, путешествовал по Волге на теплоходе, поднялся наверх от набережной по какой-то улице, свернул налево, потом направо, вышел к площади Куйбышева. Он запомнил этот город, полюбил его на всю жизнь. С 1958 года он стал главным архитектором в «Горпроекте». С 1962 года — член Союза Архитекторов СССР. С 1964 по 1988 годы был председателем Правления Куйбышевской организации Союза архитекторов [далее СА] СССР. Избирался членом правления, членом секретариата, Секретарем Правления СА СССР. Был членом Организационного комитета по проведению Учредительного съезда СА России. Избирался членом Президиума, Секретарем СА России, Председателем Совета организаций Союза архитекторов Поволжья, членом комиссии при Совете Министров РСФСР по присуждению Государственных премий России в области архитектуры. С 1994 года — член-корреспондент Российской Академии Архитектуры и строительных наук [2].

Ваган Каркарьян был увлеченным краеведом. Он написал ряд книг по истории старой Самары: «По улицам старой Самары» [3], «Старая Самара: история, дома и люди» [4], «Модерн в архитектуре Самары» [5] и др. Ваган Гайкович был защитником исторической части Самары. Во многих своих интервью он отмечал, что старую Самару необходимо беречь, поскольку она хранит в себе историческую память о прошлом, о наших предках, благодаря чему сохраняется преемственность поколений и сам город [6].

Следует также отметить, что В.Г. Каркарьян был первым исследователем, который сделал попытку изучить историю армянской диаспоры Самарского края [7].

Владимир Востриков, искусствовед, член Союза художников России, отмечает следующее: «Благодаря Каркарьяну мы начали в свое время изучать старую Самару, узнали о старой крепости, о начале строительства нашего города. Каркарьян — не только архитектор. Не каждому дано такое планетарное мышление — соизмерять территорию, композицию, понимание архитектурной среды, масштабно мыслить по направлению в будущее о развитии города» [2].

Среди архитектурных проектов В.Г. Каркарьяна можно выделить проекты Железнодорожного вокзала г. Самары, Монумента Славы, фонтана в честь 30-летия Победы в Великой Отечественной войне (совм. с В.А. Борисовым и Р.Н. Барановым), Зала Торжеств, 2-й очереди набережной реки Волги (совм. с А.В. Годзевичем), фасада и зала заседаний Самарской Губернской Думы (реконструкция), Дома актера (совместно с Н.А. Красько), застройки улицы Молодогвардейской (совм. с В.А. Голосовым, В.Н. Блохиным) и многие другие [8].

Ваган Каркарьян считал, что «Самара ценой проб и ошибок еще только обретает свой современный портрет. Помочь городу не утратить в новой исторической эпохе собственное лицо могут только четкие и ясные гуманные градостроительные законы, новый генплан города и право горожан влиять на судьбу своей любимой Самары» [2].

Вагана Гайковича не стало 6 января 2014 г. на восьмидесятом году жизни. 9 января 2019 г. в Самаре увековечили память известного архитектора. В его честь на Волжском проспекте, на фасаде дома № 45, в котором Ваган Каркарьян долгое время жил с семьей, установили мемориальную доску. Автором скульптурной композиции стал Карен Саркисов [9].

Библиографический список

1. Михайлова О. Лица Самарской губернии: Каркарьян Ваган Гайкович // Сайт «Самарские судьбы» / URL: <http://samsud.ru/blogs/hroniki-samarochki/lica-samarskoj-gubernii-karkarjan-vagan-.html>
2. Игнашов А. Архитектор Ваган Каркарьян. 14 сентября 2014 г. // Сайт «Самарские судьбы» / URL: <http://samsud.ru/journal/samsud/vagan-karkariyan/page-1.html>.

3. Каркарьян В. Г. По улицам старой Самары. Куйбышев, 1988.
4. Каркарьян В. Г. Старая Самара: время, дома и люди: очерки по истории города и его архитектуре. Самара, 1998.
5. Каркарьян В. Г. Модерн в архитектуре Самары. Самара, 2006.
6. Из интервью В.Г. Каркарьяна редакции газеты «Samara Today» // «Я так думаю!» В. Каркарьян о том, как развивается Самара / URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Xr8J3AYF37k>.
7. Каркарьян В.Г. Армяне // Этносы Самарского края. Историко-этнографические очерки / Под ред. Т. И. Ведерниковой. Самара, 2003.
8. Специальный репортаж. Самара Вагана Каркарьяна / Самара ГИС, 19 января 2014г. / URL: <https://www.youtube.com/watch?v=t2cdZiBq4cw>.
9. Создал облик Самары: на Волжском проспекте открыли мемориальную доску в честь Вагана Каркарьяна // Сайт 63.RU «Самара-онлайн». / URL: <https://63.ru/text/culture/65821931>.

Д.А. Афанасьева

Самарский национальный исследовательский университет

ИРЛАНДСКИЙ ПАБ В РОССИИ: ГЛОБАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ В КУЛЬТУРЕ

В условиях глобализации остро стоит вопрос об унификации культуры. Часто можно услышать суждения о том, что культурные явления без изменений распространяются из единой точки по всему цивилизованному миру, что приводит к стиранию национальных различий и космополитизму. Данное исследование попытается рассмотреть данный вопрос на примере культурного опыта взаимодействия России и Ирландии, а конкретно, на факте распространения в России ирландских пабов.

Процесс культурного обмена России и Ирландии протекает вот уже не одну сотню лет. Постепенно в результате этого обмена создается стереотипный образ ирландца и в народе укореняются традиционные ассоциации с «зеленым островом»: трилистник, святой Патрик, паб. Затем эти элементы начинают проникать в повседневную жизнь и становятся частью культурной ситуации. Проследить данное явление можно на основе проникновения на территорию современной России культурного феномена ирландских пабов, особого типа заведения, занимающего важное место в культуре Ирландии.

Паб (от англ. «public house») в своей завершенной форме появляется в XIX веке, когда владельцы уже существующих исторически питейных заведений, сталкиваясь с движением за здоровый образ жизни. Чтобы сохранить свое дело, они начинают торговать, помимо спиртных напитков, продуктами питания. В этом качестве – в виде совмещения питейного заведения с пунктом общественного питания, пабы сохраняются и в настоящее время [2, с. 16].

История ирландских пабов в России начинается гораздо позднее, чем на самом «зеленом острове», в 90-е годы XX века. В 1991 году в Москве открывается первый «ирландский паб», располагается он на Арбате. Успех первого в России паба приводит к открытию по всей стране множества подобных заведений.

Визуальное оформление ирландских пабов в Ирландии и в России довольно схоже, однако суть этих заведений во многом отличается: если старинная обстановка в пабах Ирландии аутентична [2], то в России это лишь антураж. Подобная ситуация происходит и с названиями – в Ирландии названия пабов имеют определенный смысл, они содержат отсылки к культурным, историческим явлениям, географическим объектам и т.д. [8]. В России пабы зачастую используют названия, вызывающие ассоциации с простейшими представлениями об Ирландии, за ними, по большей части, нет истории. С помощью антуража осуществляется эксплуатация и «продажа» мифологии «национального», что обеспечивает интерес потенциальных потребителей [7, с. 185]. Кроме того, в западной Европе «ирландский» паб – это демократичное в плане цен и обстановки заведение. В России же паб ближе к синтезу бара и ресторана и ориентирован на население, готовое к достаточно высокому порогу цен.

Это изменяет и функции заведения. В Ирландии паб – место социальных пересечений, «третье место» между домом и работой, где можно поддерживать старые связи и завязывать новые знакомства [1, с. 101]. В России явление паба укладывается на уже существующие традиции посещения питейных заведений и учреждений общепита. Являясь скорее заведением для среднего и обеспеченного класса, «ирландский» паб на территории РФ наследует городским ресторанам, появившимся под влиянием европейской культуры в XIX веке. Рестораны посещались по особым случаям, не на постоянной основе и вряд ли могли быть названы центральным местом общественной жизни [4, с. 75].

Паб в России посещается определенными кругами людей, он редко становится площадкой для социальных коммуникаций между людьми, не знакомыми между собой [3, с. 163]. Общение персонала с посетителями также остается в рамках соблюдения субординации, в то время как на своей родине, в Ирландии, общение хозяина паба с посетителями часто происходит в заведомо неофициальной манере [1, с.107].

Таким образом, можно отметить, что ирландский паб, как явление был принят российской культурой при сохранении некоторых внешних признаков, однако суть заведения, его функции и отличительные черты были интерпретированы и унаследовали черты русской ресторанной культуры. Из этого можно сделать, в свою очередь, вывод о том, что глобализация не стирает культурных различий, а заимствования могут вписываться в жизнь иного общества без разрушения национальных традиций.

Библиографический список

1. Martin K. Have Ye No Homes To Go To? The history of the Irish pub. Cork. 2006.
2. McIntosh G. Providing an Alternative to the Public House: The Irish Temperance League and the Creation of the First Coffee Chain in Belfast in the 1870s // *Urban History*, №2(2012).
3. Гутыра В. И. Идентичность современной городской молодежи (на примере столичного и провинциального города) // *Вестник ОмГУ*. 2015. №1(75).
4. Малышкина Е.А. Эволюционный путь развития индустрии общественного питания в дореволюционной России // *Социально-экономические явления и процессы*. 2014. №2.
5. Неупокоева В.Ю. Ирландский паб как объект культурологического исследования // *Гуманитарные научные исследования*. 2016. № 12.
6. Смирнов А. В. Новый общепит: коммуникационная система в условиях современного города // *Международный журнал исследований культуры*. 2017. №2 (27). С. 185.
7. Травер П.В. История и образ кабака и трактира в русской культуре. Ч. 1. Об истории кабака на Руси и трактира в России // *История и современность*. 2013. №1.

СЕКЦИЯ V. ИСТОРИЯ РОССИИ В XX В.: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ РЕШЕНИЯ

А.Е. Глотова

Самарский национальный исследовательский университет

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОЖНО-ВЕНЕРОЛОГИЧЕСКИХ ДИСПАНСЕРОВ В СССР В КОН. 1930-Х – СЕРЕДИНЕ 1940-Х ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ КУЙБЫШЕВСКОГО ОБЛАСТНОГО КОЖНО-ВЕНЕРОЛОГИЧЕСКОГО ДИСПАНСЕРА)

Великая Отечественная война коренным образом изменила жизнь советского государства, оказав влияние на все общественные институты Советского Союза. Одним из таких институтов является система кожно-венерологических диспансеров. В историографии проблема венерических болезней в советском обществе рассматривается эпизодически [напр., 4]. Система кожно-венерологических диспансеров Самарской области изучалась в статьях Н.А. Ерендеевой [напр., 2], однако хронологические рамки ее работ охватывают лишь период конца 1910-х – конца 1920-х гг.

В 1930-е гг. протекала ускоренная урбанизация Куйбышевской области: к примеру, численность населения Самары-Куйбышева за 10 лет, с 1928 по 1939 г. выросло почти в 2 раза: с 222 тыс. до 390 тыс. [3, с. 99]. Урбанизация является одним из факторов, способствующих распространению венерических заболеваний [1, с. 5]. В этот период советское правительство уделяло особое внимание профилактике и лечению социальных болезней, в том числе венерических. Система кожно-венерологических диспансеров в области включала в себя местные венпункты и диспансеры, а также кожно-венерологический институт, переименованный в 1940 г. в Куйбышевский областной кожно-венерологический диспансер.

В предвоенные годы финансирование института росло, однако выделяемых средств было недостаточно [8, л. 62]. На 1939 год в диспансере числилось лишь 23 врача, причем, поясняя это место в отчете его автор указывает: «в том числе 12 мужчин, 8 женщин, 1 член ВКП(б)» [8, л. 6]. Прочитанное место может указывать на значительный дефицит и текучку кадров в диспансере. Косвенно это подтверждается письмом Народного Комиссариата здравоохранения СССР о необходимости с перекладывания части работы врачей на средний медперсонал (медсестер) [6, л. 22].

В предвоенный период деятельность кожно-венерологических диспансеров все более жестко регламентировалась. Так, народный комиссариат

здравоохранения СССР постоянно повышал требования по собираемой с учреждений статистике, вводил новые показатели качества лечения больных и выявления очагов распространения инфекций [6, л. 36]. Врачи далеко не всегда справлялись с поставленной задачей, что отражалось на сохранившейся документации. Приписки, исправления, арифметические ошибки – все это характерно для документов учреждения в указанный период.

Кожно-венерологический институт активно занимался научной деятельностью (1938 – 13 научных работ, 1939 – 15 работ) [7, л. 9-10]. Кроме того, приоритетным направлением для диспансера была профилактика кожных заболеваний. Так, на куйбышевских предприятиях врачи добивались улучшения гигиенических условий труда, вводили новые средства предохранения от кожных заболеваний [7, л. 45]. Кроме того, диспансер занимался лечением больных кожно-венерических заболеваний. Лечение было весьма неэффективным, в том числе из-за самих пациентов: согласно собранной в 1937-1938 гг. статистике, 20% пациентов диспансера неаккуратно лечились, 49% досрочно прервали лечение, и лишь 21 процент, судя по всему, успешно завершил лечение [7, л. 87].

С началом Великой Отечественной войны приоритеты советского правительства изменились и снабжение диспансеров необходимыми средствами было резко ограничено. Так, уже с 1942 г. приказом Наркомздрава СССР вводилась система жесткого контроля над медикаментами и перевязочным материалом. Приказ обязывал работников медицинских учреждений заменять дефицитные медикаменты средствами народной медицины: например, кровоостанавливающие заменялись жидкими экстрактами водного перца, калины, вата – липовой стружкой, сфагнумом. В кожно-венерологическом диспансере в связи с этим вводились временные схемы лечения сифилиса, с заменой сложных в производстве лекарств на их более простые и менее эффективные аналоги [6, л. 78].

Осложнилась и эпидемиологическая обстановка в области: в тыловые области Советского Союза были эвакуированы 17 млн. человек, и Куйбышевская область стала одним из центров проживания перемещенного населения [5, с. 110]. Ухудшение бытовых условий в городе приводило к распространению чесотки. Дальнейшему ухудшению ситуации способствовал упадок системы областных венпунктов: приказы наркомздрава призывали в полном объеме восстановить сеть местных лечебных учреждений [6, л. 126, 145]. Сократился объем научной деятельности диспансера: если в 1939 г. план научной работы диспансера включал 15 тем, то план за 1944 предусматривал лишь 6 [7, л. 17]. Лишь к 1944 г. ситуация с лечением кожно-венерологических заболеваний изменяется в лучшую сторону. Косвенно на это указывает возобновление контроля над работой частно-практикующих врачей, на чью деятельность власти закрывали

глаза в условиях тяжелого положения государственной медицины [6, л. 139].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В предвоенные годы, получая определенную государственную поддержку, система кожно-венерологических учреждений в области проходила стадию становления, охватывая все больший спектр выполняемых задач. В годы Великой Отечественной войны вследствие сокращения финансирования, ухудшения бытовых условий жителей области, притока беженцев работа диспансера осложнилась. Сократился объем научной деятельности диспансера, эффективность лечения в следствие перевода на временные схемы лечения упала, пришла в упадок сеть местных венпунктов. Это приводило к эпидемическим всплескам социальных болезней, борьба с которыми на государственном уровне была весьма ограничена.

Библиографический список

1. Адаскевич В.П. Заболевания, передаваемые половым путем. Витебск, 1997.
2. Ерендеева А.Н. Состояние сети медицинских учреждений, специализирующихся на лечении социальных болезней (на примере Самарской губернии 1920-х гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 13. №3(2). Самара, 2011.
3. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век (1918-1998). М., 2000.
4. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999.
5. Федотов В.В. Проблема взаимоотношений эвакуированного и местного населения в среднем Поволжье в годы Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 12. №6. Самара, 2010. С. 110-112.
6. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-2256. Оп. 2. Д. 1.
7. ЦГАСО. Ф. Р-2256. Оп. 2. Д. 3.
8. ЦГАСО. Ф. Р-2256. Оп. 2. Д. 6.

М.О. Трофимов

Самарский государственный социально-педагогический университет

СОПРОТИВЛЕНИЕ КАК СПОСОБ ВЫЖИВАНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ И.С. ДИКОВА)

Великая Отечественная война навсегда изменила судьбы миллионов людей в нашей стране. Они погибли на поле брани, умирали в госпиталях, пропадали без вести и попадали в плен. Последняя из перечисленных

групп — жертв войны, занимает особое место и привлекает все большее внимание исследователей. В ходе войны, по разным оценкам, в плен попало от 4,7 млн. до 5,7 млн. советских солдат и офицеров, около 3,5 млн. военнослужащих погибло [1, с. 312]. На протяжении многих десятилетий данная тема практически не изучалась по причинам идеологического характера и отсутствия доступа ученых к необходимым источникам. На рубеже XX—XXI вв. формируется российская школа по изучению истории советских военнопленных (С.В. Аристов, М.Е. Ерин, В.Н. Земсков, А.В. Латышев, М.М. Паникар, П.М. Полян, М.И. Семиряга, В.В. Шевченко и др.) [2]. В центре внимания исследователей — судьба рядового человека в плену, повседневные практики не только адаптации, выживания в невыносимых условиях, но и сопротивления фашистскому режиму, борьбы за свое человеческое достоинство. Безусловную ценность в этом плане имеют источники личного происхождения, в том числе и неопубликованные.

В Самарском областном государственном архиве социально-политической истории хранится уникальный документ — «Воспоминания Дикова И.С. о пребывании в немецких концентрационных лагерях в годы Великой Отечественной войны» [3], который не вводился в научный оборот.

Иван Степанович родился 18 апреля 1912 г. в селе Белый Яр (ныне Ульяновская обл.). В РККА его призвали 13 июля 1941 г. (59 кавалерийский полк, 46 кавалерийская дивизия). 23 марта 1942 г. он был награжден орденом Красной Звезды. И.С. Диков быстро продвигается по службе: стал командиром учебного дивизиона при штабе 11 кавалерийского корпуса [3, л. 1]. Но 6 июля 1942 г. корпус попал в окружение под г. Ржев. И.С. Диков, получивший в одном из боев серьезную контузию (ослеп), попал в плен [2, л. 2]. В плену на оккупированной советской территории и в Германии он находился почти три года — с 19 июля 1942 г. по 29 апреля 1945 г.

Менялись лагеря (Ржев, Смоленск, Белоруссия; Германия — Мюнзинген, Людвигсбург, Дахау), немецкие военные заводы, на которых он трудился, но неизменной оставалась позиция И.С. Дикова — сопротивляться любым путем. Следует отметить, что он не только активно участвовал в саботаже работ, в выведении оборудования из строя, нанесении себе увечий и т. п., но и в противодействии переходу советских военнопленных в «Русскую освободительную армию» Власова, в создании подпольных организаций [3, л. 2, 3, 4]. Так, в лагере под г. Мюнзинген действовала активная группа из 12 человек во главе с офицером Лавровым, в которую входил и И.С. Диков. Он принимал участие в «Боевом сотрудничестве военнопленных» в шталаге V A (г. Людвигсбург), которое возглавлял Павел Иванович Пышкин [2, с. 6]. В составе этой организации Диков играл роль связного. Он занимался организацией побегов из лагеря, распространением листовок, пытался улучшить положение своих товарищей-военнопленных.

Значительное место в воспоминаниях Ивана Степановича занимают описания издевательств и расправ над военнопленными. Сам он пережил страшные пытки в тюрьме г. Штутгарт [3, л. 10]. Удивительно, но все пережитое не повлияло на его память: спустя многие годы называет фамилии, имена и отчества некоторых военнопленных, которые испытали вместе с ним ад нацистских концлагерей; имена предателей [3, л. 3, 5, 6, 8, 9].

На всю жизнь И.С. Диков запомнил обстоятельства, при которых он был освобожден из плена. Его и других военнопленных спас австрийский коммунист, сбежавший из Дахау. Он сумел сообщить командующему 7-й американской армии о готовящейся в лагере расправе над пленными. 29 апреля 1945 г. американские войска освободили всех заключенных. В лагере Иван Степанович прожил до 25 июня 1945 г. Затем его переправили в Венгрию, а в конце сентября – на советскую территорию. Вскоре он вернулся к семье в село Никольское (Ульяновская обл.) [12, 13, 14].

О своей послевоенной судьбе И.С. Диков сообщил скупо, что в настоящее время (1958 г.) он живет и работает в г. Куйбышеве главным кондуктором кондукторского резерва станции Куйбышев [3, л. 14].

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что работа над изучением рассмотренных воспоминаний только началась, в настоящее время проводится сравнительный анализ сведений и фактов, содержащихся в них и документов Центрального архива министерства обороны РФ, которые находятся в открытом доступе. Необходимо выяснить предвоенную и послевоенную судьбу И.С. Дикова. Удалось установить, что в 1985 г. и 1993 г. он был награжден орденами Отечественной войны I и II степени.

Война породила множество судеб, подобных судьбе Ивана Степановича Дикова. Однако не все непоправимо искалеченные бывшие советские военнопленные нашли в себе силы написать о том, что они пережили. Поэтому воспоминания нашего героя – ценный исторический источник по истории военной повседневности, военной антропологии, истории обычного человека на войне, не утратившего свои лучшие черты в условиях пребывания в плену.

Библиографический список

1. Стратиевский Д. Образ советского военнопленного в исторической памяти немецкого общества и в историографии ФРГ: общественный и политический аспекты // Труды по Русистике. 2012. № 1. С. 312-319.
2. Ерин М.Е. Советские военнопленные в нацистской Германии 1941-1945 гг. Проблемы исследования. Ярославль: ЯрГУ, 2005. 178 с.
3. СОГАСПИ. Ф. 651. Оп. 10. Д. 15.

**ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ БОЛЬШИХ ГРУПП БРОНЕТЕХНИКИ
В ХОДЕ НАСТУПЛЕНИЙ В 1942 ГОДУ: НА ПРИМЕРЕ БОЕВОГО КРЕЩЕНИЯ
50-Й И 51-Й ТАНКОВЫХ БРИГАД САРАТОВСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ**

28 июня развернулось крупное немецкое наступление между Курском и Харьковом, известное как «летнее наступление группы “Вейхс”» [2, с. 243]. Оборону на Воронежском направлении немцы прорвали за два дня, что дало им возможность продвинуться местами до 35 км [2, с. 244; 6, с. 32]. С целью ослабить натиск противника на Воронежском и Острожском направлениях, Ставка ВКГ решила провести наступательную операцию во фланге 2-й танковой армии вермахта в районе Жиздры и Болхова, используя для этого 16-ю и 61-ю армии [5, с. 49; 21, л. 52].

Цель статьи — на основе опубликованных архивных источников [12–21] и работ по этому периоду [1–11], рассмотреть и проанализировать боевые действия танковых бригад саратовского формирования в составе 3-го танкового корпуса [3; 11], активно участвовавших в наступлении на Болховском направлении с 7 по 12 июля 1942 года. На примере их применения, продемонстрировать способность использования танковых корпусов советскими военными.

Наступление началось 5 июля в 4:20 с артиллерийской подготовки, которая продолжалась до 5:50 [21, л. 53; 1, с. 50]. «Штурмовые группы» [18, л. 65] успешно преодолели передний край обороны, однако впоследствии продвижение встретило упорное сопротивление противника [21, л. 52; 14, л. 33; 13, л. 138].

Следующие сутки ушли на укрепление занятых рубежей и выполнение поставленных задач, которые не были достигнуты днём ранее [21, л. 60].

К исходу дня стало очевидным, что прорвать оборону противника и изменить ситуацию силами потрёпанных штурмовых групп и пехотных подразделений первого эшелона не удастся. Осложнил положение и тот факт, что советская авиация переключилась на поддержку соседа — 16-ю армию, в том время как немецкие самолёты, напротив, стали совершать налёты на позиции РККА [5, с. 50].

Наиболее очевидным шансом позволяющим изменить ход операции, которая всё больше превращалась в «частную» [1, с. 300], стал ввод 3-го танкового корпуса. Соединению предстояло вступить в бой 7 июля в 7:30 и, как указано в журнале боевых действий, «самостоятельно прорвать оборону противника» [12, л. 327]. Важно отметить, что первоначальная задача корпуса заключалась в развитии успеха и выходе на оперативный простор [20, л. 50]. Опыт использования больших масс танков против прочной обо-

роны противника уже имелся и закончился неудачей за месяц до данной операции [7, с. 27; 8, с. 118].

7 июля, перед началом атаки по позициям неприятеля был произведён 30-минутный огневой налёт [5, с. 50]. В журнале боевых действий 61-й армии, в параграфах, посвящённых боям танковых бригад за 7 июля, указывается, что 51-я тбр «в 13:00 атаковала передний край обороны противника» [21, л. 69] и что «бригада, не имея успехов, с потерями отошла в район Майский. В 17:00 авиация противника групповым налётом (20–25 шт.) в течение полутора часа бомбила боевые порядки бригады, нанося ей большие потери в материальной части» [21, л. 69]. Причина столь позднего вступления в бой, как отмечалось в параграфе, посвящённом 50-й тбр, заключалась в том, что бригада «задержавшись на переправе через реку в 14:00 атаковала противника» [21, л. 69]. К исходу дня она также подверглась «бомбежке авиации противника» [21, л. 69]. По итогу первого боя «танковые войска» безвозвратно потеряли 85 человек убитыми, 215 ранеными, а также лишились 43 боевых машин [21, л. 73].

Отсутствие успеха применения танкового корпуса, привело к тому, что на следующий день — 8 июля, «3-й танковый корпус в боях не участвовал, приводил в порядок материальную часть и пополнял боеприпасы» [21, л. 73]. Так же немаловажно отметить тот факт, что в 22:00 поступил приказ командиру корпуса генерал-майору Дмитрию Карповичу Мостовенко продумать использование соединения для самостоятельного прорыва [21, л. 73; 9, с. 15].

План наступления окончательно согласовали к 1:00, в нём сообщалось, что корпус начнёт атаку в 6:15 9 июля. На подготовку выделялось всего лишь 3 часа, так как к 4:30 корпус должен был закончить перегруппировку и занять исходные рубежи. Изменилась и тактика, командование приняло решение пустить в первом эшелоне 50-ю и 51-ю танковые бригады, во втором — 3-ю мсбр, нанося тем самым главный удар с целью развития успеха операции. 103-я тбр находилась в резерве корпуса [9, с. 15; 10, с. 14].

Изменения в первые часы боя дали положительные результаты. 50-я тбр прорвав передний край обороны противника под сильным огнём ПТО и артиллерии ворвалась в Близово. Затем танкисты приступили к уничтожению огневых точек и живой силы противника [21, л. 80; 9, с. 16; 10, с. 15]. 51-я тбр так же прорвала оборону неприятеля и дошла до Уланово. Однако первый эшелон танков наскочил на минное поле, которое немцы установили ночью. Ценой 4 боевых машин, бригада всё же смогла ворваться в населённый пункт. Но израсходовав боекомплект, она отошла на первоначальные позиции, оставив деревню под защитой мотострелков, которые вели бой с пехотой и танками противника до 16:00, после чего так же вынуждены были отойти на исходные рубежи [21, л. 80; 10, с. 15]. По результатам этого боя, корпус потерял 94 единицы бронетехники и 1341 человека: из них погибли — 182, ранены — 895, пропали без вести — 264.

При этом удалось уничтожить 21 танк противника и до полка пехоты [21, л. 80].

Далее в действиях командования 61-й армии последовал набор стандартных ошибок: стали дробить танковый корпус на части, что привело к распылению сил и большим потерям боевой техники. В то время как противник всё чаще стал переходить в контратаки, поддержанные большими группами авиации — по 50–60 самолётов. В результате советское наступление выдохлось, и 12 июля было прекращено на достигнутых в первый день рубежах [5, с. 50].

По итогу боёв, корпус потерял безвозвратно 60% материальной части и поставленные задачи не выполнил [12, л. 327]. Причины неудач объясняются следующими выводами. Корпус не имел боевого опыта, а командный состав, вплоть до командующего армией, не знал, как использовать столь мощный резерв в своём распоряжении. Так же сказались отсутствие гибкости и своевременной реакции на проблемы, которые возникали в процессе наступления. С другой стороны, противник не обладая значительными силами, смог грамотно их применить, нанося тяжёлый урон по советским частям.

Однако, несмотря на все выше перечисленные причины неудач, бригады саратовского формирования стойко выдержали боевое крещение. Находясь в сложной обстановке, они приобрели опыт планирования и ведения боевых действий, управления войсками в бою и их всестороннего обеспечения. Офицеры, сержанты и солдаты постигали науку побеждать не в теории, а на практике, в ходе боёв, ценою собственных успехов и ошибок. Всё это несомненно оказало положительный эффект в дальнейшем. Танковые бригады успешно принимали участие в операциях «Багратион», Висло-Одерской и Восточно-Померанской, за что получили звание гвардейских. В дальнейшем они были задействованы в Берлинской операции, где и встретили окончание Великой Отечественной войны.

Библиографический список

1. Бешанов В.В. Год 1942 — «учебный». М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2006.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М.: Кучково поле, 2012. Т. 3.
3. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия / Под ред. М. М. Козлова. М.: Советская энциклопедия, 1985.
4. Великая Отечественная война. 1942 год: Исследования, документы, комментарии / Под ред. В. С. Христофорова. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2012.
5. Танковый прорыв. Советские танки в боях 1937–1942 гг. / А. В. Исаев, В. Л. Гончаров, М. Н. Свиринов [и др.]; редактор-составитель В. Л. Гончаров. М.: Яуза, Эксмо, 2007.
6. Исаев А. В. Перелом 1942. Когда внезапности уже не было. М.: Яуза, 2012.
7. Казаков М. И. На воронежском направлении летом 1942 года // Военно-исторический журнал. М.: Красная звезда, 1964. №10.

8. Мошанский И. Б. Крупнейшие танковые сражения Второй Мировой Войны. Аналитический обзор. М.: Вече, 2011.
9. Нечаев В. Н. 50-я гвардейская танковая бригада. Саратов: Приволж. кн. изд., 1991.
10. Нечаев В. Н. Гвардейский Уманский: Военно-исторический очерк о боевом пути 9-го танкового корпуса. М.: Воениздат, 1989.
11. Советская военная энциклопедия. М.: Воениздат, 1980. Т. 8. «Ташкент» — Ячейка.
12. Центральный архив министерства обороны (ЦАМО). Ф. 3409. Оп. 1. Д. 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=451312515>(дата обращения: 14.11.2019).
13. ЦАМО. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=130579441>(дата обращения: 14.11.2019).
14. ЦАМО. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 10. [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=110184360> (дата обращения: 14.11.2019).
15. ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 269. [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=258814743> (дата обращения: 14.11.2019).
16. ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 354. [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=258818980> (дата обращения: 14.11.2019).
17. ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 354. [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=258819116> (дата обращения: 14.11.2019).
18. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1049 [Электронный ресурс]. URL: https://yadi.sk/i/Dqq-yB0NE6ob_Q (дата обращения: 14.11.2019).
19. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2203. [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=100251139> (дата обращения: 14.11.2019).
20. ЦАМО. Ф. 3170. Оп. 1. Д. 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=450117831> (дата обращения: 14.11.2019).
21. ЦАМО. Ф. 418. Оп. 10695. Д. 51. [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=110110226> (дата обращения: 14.11.2019).

А.А. Рыбакова

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СТАЛИНГРАДА В 1943 ГОДУ

Проблемы восстановления Сталинграда затрагивались в монографиях и статьях многих авторов. Так, например Э.В. Кузьмина рассматривала механизмы централизованных поставок и планового распределения материальных, трудовых и финансовых ресурсов; Г.А. Ясковец освещал молодежно-комсомольское и черкасовское движение [1].

Несмотря на большое число исследований, посвященных восстановлению экономики и городского хозяйства на оккупированных и пострадавших от боевых действий территориях, отдельные вопросы нуждаются в даль-

нейшем изучении. В частности, актуальной проблемой является оценка масштабов разрушений на территории города. На основе выявленных архивных документов проанализирована структура организации восстановительных работ на территории Сталинграда в послевоенный период, изменения его внутригородских объектов после Сталинградской битвы 1943 года.

Исходя из цели исследования, были систематизированы архивные документы Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО) и Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), дана оценка уровня выполненных работ и выявлены факторы, замедляющие ход восстановительных работ. Анализ архивных документов позволил сделать вывод о масштабности потерь и разрушений города, проанализировать роль населения в восстановительных работах.

Сталинград представлял собой страшную и разрушительную картину. Не сохранилось ни одного из 126 предприятий, 48 заводов уничтожено полностью. Заводы «Красный Октябрь», «Баррикады», СТЗ – представляли разрушенные и пострадавшие здания от тяжелых боевых дней.

Началом восстановительных работ послужило постановление городско-го комитета обороны 25 февраля 1943 года [2, л. 39] по которому директор завода №91 А.И. Уфлянд обязывался обеспечить окончание восстановительных работ к 1 июня 1943 года. Но восстановление цехов завода №91 проходило неудовлетворительно. Об этом свидетельствовал документ Обкома ВКП (б), от 12 апреля 1943 года [2, л. 6] Работы велись по суточному графику, который срывался из-за отсутствия квалифицированной рабочей силы, транспорта, стройматериалов и горючего. Для выполнения поставленных задач требовалось 2200 человек рабочих, из них 1200 квалифицированных. К моменту работ имелось уже 1536 рабочих, из них только 396 квалифицированных.

В марте 1943 года рассматривается вопрос о состоянии машиностроительных заводов. 29 марта справочные материалы, из обращения секретаря Сталинградского горкома И. Пиксина к жителям города [3, л. 11-14], сообщали об общем положении заводов № 221 и СТЗ.

Оценивая состояние заводов, он отмечал, что «все корпуса зданий цехов завода № 221 были сильно повреждены. За время с 5 февраля по 27 марта 1943 года дирекцией и парторганизацией завода была проделана большая работа. Очищена территория завода от трупов, очищено и отремонтировано 500 погонных метров дороги внутри завода.

Завод СТЗ пострадал гораздо сильнее. Имеются цеха, оборудование которых почти полностью подверглось горению. В инструментальном цехе из 187 станков, годных к восстановлению только 12 станков, а 175 станков сгорели» [3].

Огромную роль по восстановлению города и его промышленности сыграли специально организованные бригады трудящегося населения. 4 апре-

ля выходит постановление Городского Комитета Оборона «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства Сталинграда и области» [5, л. 1-6]. Патриотка города, награжденная медалью «За оборону Сталинграда», Александра Максимовна Черкасова, работница детского сада Дзержинского района, стала организатором добровольческой бригады из работниц детского сада, домохозяйек. Бригада Черкасовой обратилась с призывом к сталинградцам включиться в восстановление родного города. «Только в июне месяце 1943 года только в 3-х районах города – Тракторозаводском, Краснооктябрьском и Ерманском – было организовано 136 бригад с количеством 1.945 человек, в июле 254 бригады – 4.315 человек, в августе 261 бригада – 5.346 человек» [4].

Добровольческими бригадами была проведена большая работа, в Ерманском районе восстановлена начальная школа на 200 мест; в Дзержинском районе было восстановлено 2 общежития, детские ясли, 3 детских дома; в Краснооктябрьском районе было отстроено 8 квартирных домов, оборудовано 3 класса начальной школы [6].

Труд каждой отдельный семьи, каждой организованной бригады, каждого отдельного человека, ребенка, ветерана, был направлен на восстановление и на возвращение былой жизни своему городу. Не жалея своих сил, люди разбирали завалы голыми руками, чтобы расчистить территорию для строительства новых домов. Восстановление двигалось медленно и с огромным трудом. Но шаг за шагом, постепенно выстраивались новые жилые дома. Отстраивались и возвращались к работе заводы и предприятия, которые снова снабжали фронт всей необходимой продукцией.

Библиографический список

1. Ясковец Г. А. Черкасовское движение: год первый (из истории добровольного участия жителей Сталинграда в восстановлении родного города в 1943–1945 гг.) // Окончание войны в Сталинграде и Кельне, 1943–1945: материалы науч. конф., Волгоград, апрель 1995 г. Волгоград, 1997.
2. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИ-ВО). Ф. 113. Оп. 4. Д. 24.
3. ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 122.
4. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 5.
5. Российский государственный социально-политический архив (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 225.
6. Хроники Возрождения: Сталинград 1943-Волгоград 2005. Волгоград, 2005.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СОЛДАТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ БРАТЬЕВ ВОЛОДИЧКИНЫХ)

В 1941–1945 гг. многие родители в нашей стране получили не одну похоронку на своих детей. Матери, пережившие подобное, есть и в нашей Куйбышевской (Самарской) области. Среди них Прасковья Еремеевна Володичкина – уроженка поселка Алексеевка Кинельского района, лишившаяся шестерых сыновей из девяти – Александра, Андрея, Василия, Михаила, Николая и Федора. Их имена увековечены в Книге Памяти Самарской области [3, с. 235]. Вернувшиеся с полей сражений братья – Константин, Петр и Иван не отмечены ни в одной публикации. Поэтому мы поставили задачу вернуть из исторического небытия именно этих трех братьев.

Источниками реконструкции их военных и послевоенных биографий послужили материалы двух фондов Центрального государственного архива Самарской области [1-2], Центрального архива Министерства обороны РФ, размещенные на известных сайтах [4-5]. Ценной является информация наградных листов к медалям «За отвагу» и «За боевые заслуги» К.П. и П.П. Володичкиных. Впервые вводятся в научный оборот материалы «устной истории» – интервью с Виктором Ивановичем Володичкиным (сын Ивана Павловича) и его женой Мариной Александровной [6].

В заявлении о приеме на работу в Управление Красноглинской железнодорожной ветки МАП СССР от 3 февраля 1947 г. Константин Павлович Володичкин указал, что служил в рядах РККА с декабря 1937 г. на Дальнем Востоке [1, с. 5]. Получил предложение от комиссара полка стать кадровым военным, но отказался. Позже перебрался в г. Омск по просьбе знакомого директора механического завода, куда вскоре переехала и его семья [2, с. 81]. Из наградного листа К.П. Володичкина следует, что его боевой путь начался в сентябре 1942 г. в составе 4-й роты противотанковых ружей 4-го батальона 75-й стрелковой добровольческой бригады сибиряков Западного фронта [4]. По данным портала «Память народа» 75-я стрелковая добровольческая бригада входила в состав 41-й армии Калининского фронта, которая с мая по ноябрь 1942 года обороняла рубежи западнее и юго-западнее города Белый [5]. Именно здесь Константин получил свое боевое крещение. В наградном листе кратко изложен его личный боевой подвиг: «В ходе ожесточенных боев старший сержант Володичкин К.П., огнем из противотанкового ружья подавил огонь двух танковых пулеметов, обеспечив этим самым продвижение пехоты» [4]. 7 декабря 1942 г. он получил

тяжелое ранение осколком в правую челюсть, в связи с чем, был госпитализирован в Прокопьевский военный госпиталь. Уже 12 августа 1943 г. солдата выписали для дальнейшего продолжения службы. Прокопьевским РВК он был направлен в распоряжение начальника пересыльного пункта г. Кемерово, куда Константин прибыл 13 и отбыл 16 августа [5]. Его дальнейший боевой путь пока нам не известен. Но до января 1945 г. он находился в действующей армии [1, с. 4].

Приказом 1-й механизированной Красноградской дивизии от 20 августа 1945 г. санитар эвакотранспортного взвода 558 отдельного медико-санитарного батальона ордена Красной Звезды Петра Павловича Володичкина наградили медалью «За отвагу» [4]. Из наградного листа следует, что в РККА он служил с 22 октября 1941 г., а в действующей армии с июля 1942 г. Воевал на Северо-Кавказском (1941–1942 гг.), 2-м Украинском (1943 г. – июнь 1944 г.), 1-м Белорусском (23 июня 1944 г. – 10 июня 1945 г.) фронтах. Каким он был воином, свидетельствует переполненная записями графа о контузиях и ранениях в Наградном листе [4]. Он был контужен в 1943 г., по-видимому, в ходе Белгородско-Харьковской наступательной операции («Румянцев»). Дивизия, в которой служил П.П. Володичкин, участвовала в ней с 3 по 23 августа 1943 г. В боях за Берлин в апреле 1945 г. Петра Павловича тяжело ранили [4]. Он был демобилизован в ноябре 1945 г.

Иван Павлович Володичкин перед войной получил травму глаза (инвалид III гр.). Но он упорно рвался на передовую. В 1942 г. его мобилизовали и направили в г. Куйбышев, где он стал служить автослесарем по ремонту двигателей в гараже строительно-восстановительного батальона [6]. Надежно отремонтированные его руками покореженные грузовики один за другим отбывали на участки боевых действий. По воспоминаниям сына Виктора Ивановича работал он усердно, как во время войны, так и после ее окончания [6]. Ушел с работы лишь в 1947 г. [2, с. 82].

Послевоенная жизнь братьев Володичкиных выдалась тяжелой. Константин и Петр мучились от ран, полученных в боях. Все вместе переживали потерю шестерых братьев и матери, которая не вынесла этого. У каждого была семья, которую надо было содержать. Поэтому работали чуть ли не до последнего вздоха – Константин стрелочником на железной дороге [1, с. 4], Петр санитаром в городской больнице (г. Куйбышев), Иван на серном заводе в транспортном цехе (п. Алексеевка) [6].

Петра Павловича не стало 22 августа 1963 г. Жена – Анастасия Ивановна, осталась с двумя детьми: Валентиной и Василием [2, с. 83]. Иван Павлович умер в августе 1973 г. Его жена – Анастасия Степановна, продолжила воспитывать шестерых детей: Александра, Алексея, Юрия, Евгения, Константина и Виктора [2, с. 82]. Константин Павлович последние годы жизни провел на больничной койке. Скончался 15 октября 1986 г. [2, с. 81].

Библиографический список

1. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.Р-3223. Оп. 2. Д. 126.
2. ЦГАСО. Ф.Р-5140. Оп. 1. Д. 280.
3. Книга Памяти: Рос. Федерация, Самарская область: Т. 11. Самара, 1994. 384 с.
4. URL: www.podvignaroda.ru – обобщенный банк документов о награжденных и награждениях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.
5. URL: www.pamyat-naroda.ru – портал, созданный Министерством обороны РФ с целью предоставления наиболее полной информации об участниках Великой Отечественной войны.
6. Интервью с В.И. Володичкиным и его женой М.А. Володичкиной. Интервьюер – А.К. Принько. 26 сентября 2019 г.

А.А. Игонин

Ульяновский государственный университет

РАЗМЕЩЕНИЕ РАБОЧИХ ЭВАКУИРОВАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА ТЕРРИТОРИИ Г. УЛЬЯНОВСКА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Географическое положение Ульяновского района Куйбышевской области (с 19.01.1943 – Ульяновской области) и в особенности города Ульяновска (наличие железнодорожного моста через Волгу) обусловило важность региона как центра эвакуации населения и материальных ценностей. Для тылового Ульяновска эвакуация стала не только явлением, характерным для нефронтовых территорий, но и точкой отсчёта его как будущего промышленного района и административного центра новой области.

Вместе с предприятиями и организациями в Ульяновск эвакуировались рабочие и служащие с семьями. С конца июля 1941 г. в город стали прибывать эвакуированные граждане из прифронтовых районов. За первые 6 военных месяцев население города достигло 160 тыс., а на 1 января 1943 г. население города составило уже 200 тыс. человек без учёта военных [1, с. 16].

Эвакуация предприятий, учреждений и организаций с их рабочими и служащими и других граждан, явились серьёзным испытанием для города. Главнейшими проблемами стали жильё, снабжение продовольствием, топливом, электроэнергией и водой. В статье рассматривается решение жилищной проблемы и размещение населения как фактор урбанизации и изменения политики в административно-территориальном делении.

Жилищная проблема решалась несколькими способами: расселение в уже существующей жил. площади (частные дома, ЖЭКи, школы, клубы, «благоустроенные» подвалы), в быстровозводимых бараках, землянках и т.п., а также расселением в сельской местности.

Уже 7 июля 1941 г. горсоветом была утверждена норма жилплощади на одного человека в 5 кв. м., но на практике получалось ещё меньше. Например, в общежитии рабочих фабрики им. КИМ по ул. Гончарова, 4 в 6 комнатах общей площадью в 86 кв. м. проживал 51 человек, т.е. 1.6 кв. м. на человека [1, с. 16].

В связи с повышенной концентрацией промышленных предприятий в Ульяновске происходило перераспределение жилой площади. Большое внимание местные власти уделяли размещению рабочих и специалистов. С 1942 г. правительством были определены меры по выделению льготных кредитов рабочим оборонных предприятий для индивидуального строительства. Но из-за острой нехватки стройматериалов и транспорта десятки рабочих семей смогли построить себе дома и полужемлянки. Всего за годы войны для рабочих крупных заводов строительными организациями было построено свыше 37 тыс. кв. м. жилья [1, с. 17], включая жильё упрощённого типа, т.е. бараки.

Одновременно с прибытием в город эвакуированного населения осуществляется «встречная» эвакуация ульяновцев в сельскую местность. Также, не справляясь с потоком эвакуированных, городскому эвакуосовету приходилось расселять рабочих по окрестным деревням: Протопоповке, Арскому, Баратаевке, Лаишевке и др. С сентября 1941 по февраль 1942 гг. из города было эвакуировано 27 тыс. ульяновцев [1, с. 18].

Хорошо иллюстрирует жилищную ситуацию в городе отчёт одного из эвакуированных заводов за 1943 г.: «Самым серьёзным вопросом ... является жильё. ... рабочие расселены в основном на частных квартирах в порядке уплотнения, занимая углы, кухни или лишь в небольшой части изолированные комнаты. Завод располагает жилплощадью в размере 11.5 тыс. кв. м., из них 4000 кв. м. не могут быть использованы без капитального ремонта. Неустроенность в быту, отсутствие элементарных удобств являлось и является одной из причин нарушений указов Президиума Верховного Совета СССР о трудовой дисциплине, не говоря уже о том, что самым тяжёлым образом сказывается на производительности труда» [2, с. 266-267].

Проблема обеспечения жильём эвакуированного населения, в течение всей войны стояла очень остро, к чему добавлялись сложности со снабжением продовольствием, водой, электроэнергией и теплом. Однако властями на местах было приложено немало усилий по обеспечению жильём и созданию минимальных бытовых условий.

Важным последствием эвакуации в годы войны стал рост Ульяновска как промышленного центра, в связи с чем была пересмотрена политика в области административно-территориального деления и 19 января 1943 г. была образована Ульяновская область. Для части людей эвакуация оказалась временным явлением, но для большинства эвакуированных рабочих она стала началом жизни на новом месте в связи с закреплением перевезённых вместе с ними предприятий.

Приезд большого количества предприятий внёс существенные изменения в экономику города. Если раньше Ульяновск был городом учебных заведений и мелких предприятий, то после эвакуации в него заводов и фабрик с первоклассным оборудованием и многочисленными высококвалифицированными коллективами рабочих, город стал крупным промышленным центром.

Библиографический список

1. Ефимов Ю.Д., Лосева В.И. Ульяновск и Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны // Ульяновцы – Великой Победе. Краеведческие записки. Ульяновск, 2005. Вып. 11. С. 7-40.
2. Ильязова Р.В., Пашкин А.Г. Здесь ковалась победа...: сборник документов // Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2015. 306 с.

Т.Ю. Маркарян

Самарский национальный исследовательский университет

ЖЕНЩИНЫ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ НА ТРУДОВОМ ФРОНТЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО РАЙОНА)

Тема исследования определяется особой значимостью периода в Великой Отечественной войне истории нашей страны населения и той ролью, которую сыграли женщины тыла фронту в укреплении военной мощи страны и достижении Победы. В годы войны народ и армия слились в борьбе против сильного и опасного врага.

Утром 22 июня 1941 года, как и во все населенные пункты нашей страны, черные репродукторы принесли в Ставрополь-на-Волге страшную весть о том, что началась война в сельском парке им. Воровского состоялся военный митинг [1, с. 73].

Учащаяся школы медсестер Паршина от имени своих подруг, оканчивающих в этом году школу, просила записать их добровольцами на фронт [3, с. 102]. Прошло всего три дня, и школа медицинских сестер проводила на стареньком пароходе местного сообщения «Колхозник» Клаву Исаеву, Веру Ванурину, Настю Загуляеву, Веру Колыганову, Машу Совину, Веру Краснову, Веру Согрешихину в составе первой группы добровольцев на фронт [4, с. 49].

Уже 4 июля 1941 года Ставропольский райком партии принял решение об экстренной подготовке трактористов и комбайнеров. Была организована школа механизаторов, в которой обучали по специальностям тракториста, комбайнера и помощника комбайнера.

В 1942 году в Нижнем Санчелееве пятнадцатилетняя девочка Галина Лазарева организовала первую в Куйбышевской области женскую тракторную бригаду [2, с. 51].

Крупных промышленных предприятий здесь не было. Существующие мелкие перестраивали свою работу для выполнения военных заказов. Артель «Заря», например, обеспечивала фронт валенками, телогрейками, теплым бельем. «Передовик» выпускал для бойцов обувь; пищекомбинат – концентраты; промкомбинат – лыжи и повозки [3, с. 91].

В связи с мобилизацией в области стало недостаточное количество профессий: 132 тракториста, 30 комбайнеров и 92 их помощника. Если до войны эти профессии считались в основном мужскими, то теперь положение менялось. 14 июля 1941 г. ставропольский райком партии принял решение об экстренной подготовке трактористов и комбайнеров [4, с. 27].

Ими теперь стали женщины и девушки. Первой обратилась с призывом к молодежи Ставропольского района Надя Белякова из с. Ягодное.

Комсомолка Кирилина пришла на курсы трактористок при Узюковской МТС, когда ей исполнилось только 16 лет. Несмотря на юный возраст, она хорошо овладела техникой и грамотно ее эксплуатировала.

Отлично работали на тракторах У-2 Анна Дмитриевна Богданова, Зинаида Алексеевна Сомова; на тракторах марки СТЗ трудились Анастасия Михайловна Ярышева, Надежда Петровна Дроботова, Прасковья Васильевна Полякова. «Мы должны сравнивать себя с танкистами и во всем походить на них», — заявляли молодые трактористки этой же МТС — П. Широкова, М. Юртаева, М. Никитина, А. Берляева, А. Куракина, К. Ефимова [1, с. 65].

Можно резюмировать следующее:

1) Война подорвала материально-техническую базу сельского хозяйства, сократился уровень квалификации механизаторов и уменьшались трудовые ресурсы.

2) Одной из первоочередных задач была перестройка экономики на военный лад, где за время войны доля женского труда в сельском хозяйстве, по сравнению с 1940 годом, возросла в 6 раз.

3) Началось освоение новых профессий: механизатор, агротехник и т.д. Широко была развернута переподготовка сельскохозяйственных кадров: бригадиров, звеньевых, специалистов по агротехнике по выращиванию сахарной свеклы, льна и конопли, где преимущество получали женщины.

Библиографический список

1. Ванчинов Д. П. Военные годы Поволжья (1941-1945). Саратов : изд. Саратовского университета, 1980. 313 с.
2. Захарова Ф. П. Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны: Куйб. книжное изд-во, 1966. 432 с.
3. Королев А.И. Великая Отечественная война и советская государственность // Правоведение. 1985. № 2. 354 с.
4. Овсянников В.А. Ставрополь – Тольятти. Страницы истории. Тольятти: Изд-во Фонда «Развитие через образование», 1997. 362.

**УЧАСТИЕ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА ЧАПАЕВСКА В РЕСПУБЛИКАНСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СОРЕВНОВАНИЯХ ПО БЛАГОУСТРОЙСТВУ
ГОРОДА В 1946-1948 ГГ.**

Социалистическое соревнование – состязание по производительности труда между государственными предприятиями, цехами, бригадами и отдельными рабочими. Разрушенным войной, голодом и дефицитом элементарных товаров потребления, советским городам требовалось восстановление и улучшение жизненных условий. В очередной раз на помощь государству пришли обыкновенные советские люди.

Комитеты профсоюзов ежемесячно подводили итоги соревнования. Передовой организации вручалось переходящее Красное знамя. Лучшие люди награждались памятными грамотами. Их имена заносили в Книги почета [1, с. 220].

16 января 1945 г. вышло постановление Совнаркома РСФСР и ВЦСПС «О социалистическом соревновании городов РСФСР на лучшее проведение работ по благоустройству города» [2, л. 1]. В 1946 г. в соревнование включились города Куйбышевской области – Сызрань и Чапаевск. Восстановлением городского хозяйства должны были заняться горкомхоз, Завод №15, Завод №102, Завод №309, Завод №508 и Артполигон [2, л. 1]. Последние две организации по неуказанным причинам в дальнейшем не участвовали в соцсоревнованиях.

Думается, что благоустройство города производилось за счет средств названных организаций, полученных сверх прибыли. Деньги отчислялись предприятиям коммунального хозяйства, таким образом, и они включались в соревновательный процесс. Объединившись с заводчанами и поддерживая инициативу Ленинского района г. Куйбышева, чапаевские коммунальные работники брали на себя обязательства о досрочном выполнении послевоенной пятилетки в честь XXXI годовщины Великой Октябрьской социалистической революции [3, л. 1].

Ежеквартальные отчеты исполкома и профсоюзов о проделанной работе в обязательном порядке должны были быть представлены не только в облкоммуноотдел, но и в Куйбышевский областной комитет профсоюза работников коммунального хозяйства.

Планы и промежуточные результаты работы приводились по следующим направлениям: жилищное хозяйство, санитарная очистка, дорожно-мостовое хозяйство, озеленение, водные переправы, а также благоустройство бань, прачечных и парикмахерских [2].

Анализируя деятельность предприятий по годам можно указать следующие показатели. В 1946 г. по жилищному хозяйству план был выполнен в среднем на 93%, санитарной очистке – 91%, ремонту дорог – 31%, озеленению – 85%, водным переправам – 60%, а благоустройство бань, прачечных и парикмахерских составило – 85% [2, л. 7-8].

О ходе социалистических соревнований в 1947 г. можно судить по данным, которыми располагал Чапаевский горкомхоз. Ремонт жилищного хозяйства был выполнен на 72%, санитарная очистка – 108%, ремонт дорожного покрытия – 57,5%, работа прачечных, бань и парикмахерских – 267%. Водные переправы и зеленое хозяйство города выполнили планы только в последнем квартале – на 60 и 70% соответственно [4, л. 84, 93].

Часто эти организации давали неверные сведения в отчетах. Это влекло за собой снижение результатов для предприятия даже в условиях перевыполнения плана [2, л. 14].

Значительного внимания на протяжении всего социалистического соревнования требовало от властей санитарное состояние города. Отчеты по данному вопросу составлялись с периодичностью раз в три месяца. К примеру, уровень чистоты в г. Чапаевске на начало 1948 г. характеризуется по сравнению с серединой 1947 г. как удовлетворительный [4, л. 14; 2, л. 14].

О существовании и других проблем в городе 6 января 1948 г. заявил на I сессии Куйбышевского областного Совета депутатов трудящихся (второго созыва) С.Л. Симоненко [5, с. 2]. Депутат говорил об острой необходимости постройки водовода, канализации и домов городского типа, поскольку большинство рабочих до сих пор живут во временках, возведенных перед войной. Симоненко подчеркивал, что в 1948 г. благоустройством города занимались директора заводов и дали много средств на эту работу. Занимались этим и партийные организации. «Выделялся» глава Чапаевского горкомхоза Хропов, который с завидным упорством не решал эту важную проблему.

Последний год социалистического соревнования заканчивали уже по трем направлениям: жилищное хозяйство (84,5%), санитарная очистка города (114%) и благоустройство бань, прачечных и парикмахерских (115%) [4, л. 5, 15, 50].

По результатам данного мероприятия 26 работникам коммунального хозяйства г. Чапаевска были награждены значком «Отличника социалистического соревнования СССР», половину из которых составили служащие банно-прачечного и парикмахерского хозяйства. Двух работников поощрили грамотой Министерства коммунального хозяйства РСФСР, ведь производственные задания рабочие перевыполняли на 130% [6, л. 33-35].

Таким образом, в период участия предприятий и организаций Чапаевска в социалистических республиканских соревнованиях 1946-1948 гг. была проведена большая работа по благоустройству города. Представленные результаты стали основой для благоустройства г. Чапаевска в последующие годы.

Библиографический список

1. Гладков И.Г. Они обслуживают нас. М.: Профиздат, 1965.
2. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-2330. Оп. 4. Д. 31.
3. ЦГАСО. Ф. Р-3324. Оп. 2. Д. 8.
4. ЦГАСО. Ф. Р-2330. Оп. 4. Д. 55.
5. Волжская коммуна. 1948. 16 января.
6. Самарский государственный архив социально-политической истории (СО-ГАСПИ). Ф. 9462. Оп. 1. Д. 36.

Я.А. Павловская

Московский государственный университет

НАСТРОЕНИЯ МОСКВИЧЕЙ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В Советском Союзе в 40-е и первой половине 50-х годов публичные социологические опросы не проводились. Однако это не значит, что власть не интересовалась настроениями своих граждан: напротив, эти данные отслеживались достаточно регулярно различными государственными и общественными организациями [1, с. 151]. Если речь идет о столице СССР, то этим занималось специальное Организационное инструкторское бюро МГК ВКП(б). В связи с теми или иными событиями отправлялись докладные записки (так называемые «информации») о настроениях москвичей начальнику этого отдела и первому секретарю МК и МГК ВКП(б) Георгию Михайловичу Попову. Актуальные сведения о настроениях поступали через информаторов, которые были своего рода «глазами и ушами партии». Таким образом, становились известными сведения даже из частных бесед и разговоров [2, с. 10].

Между тем, в периодической печати также можно было найти настроения и мнения москвичей. Однако в отличие от докладных записок, они представлялись широкодоступными для массового читателя, поскольку целью их публикации было манипулирование общественным мнением [1, с. 152]. Так, будучи официальным партийным органом, ежедневная газета «Московский большевик» публиковала исключительно положительные и лояльные по отношению к действиям властей отклики граждан [3].

Отметим при этом, что и в информациях, и на страницах газеты мнения не оставались анонимными: всегда указывались ФИО человека, профессия и место работы, иногда возраст и семейное положение.

Тем интереснее было провести анализ настроений москвичей, которые встречались в советской прессе, занимавшей особое место проводника пропаганды официального курса партии, и в информациях — докладных записках, доступных только узкому кругу лиц. Для этого были отобраны осо-

бо значимые события первых послевоенных лет, а именно: День победы и война с Японией, выборы в Верховный совет СССР, продовольственный кризис 1946 года и повышение пайковых цен, 800-летие Москвы и 30-летие Октябрьской революции, отмена карточной системы и денежная реформа 1947 года.

Анализ настроений москвичей на основе их реакций и откликов на вышеназванные события послевоенных лет показал, что в периодической печати и информациях они передавались различно. Например, рассмотрим мнения по поводу объявления войны Японии 9 августа 1945 года. В номере «Московского большевика» от 10 августа 1945 года были опубликованы сообщения о митингах рабочих московских заводов и цехов, а также их воодушевленные сообщения, в которых выражалось одобрение внешней политикой СССР и обещания помочь Красной Армии: «Япония – коварный сосед, который все время угрожает нам. Наше правительство поступило правильно, решив ликвидировать эту угрозу»; «Настало время покончить с японской агрессией на Дальнем Востоке»; «Мы, труженики советского тыла, сделаем все от нас зависящее <...> чтобы своим трудом поддержать Красную Армию» и другие [3, №187 (7714), с. 2]. В свою очередь, в информации Оргинструкторского отдела МГК ВКП(б) первому секретарю Г.М. Попову также было сказано о поддержке советского правительства, а принятые меры оценивались как необходимые и своевременные [4, с. 94]. Однако, помимо этого, встречались высказывания отрицательного характера: люди были недовольны известием о столь скором начале новой войны и считали, что она была навязана СССР Америкой и Англией. Многие опасались возможного затяжного характера войны и как следствие голода, а женщины боялись новой мобилизации своих мужей и детей [4, с. 95].

Касательно других событий в докладных записках можно встретить не только мнения негативного характера, но также случаи протестных действий москвичей (например, наличие бюллетеней с надписями недовольства существующим положением на выборах в Верховный Совет СССР или вовсе отказ прийти на избирательный участок [4, с. 147]). Тем не менее, в целом, нельзя говорить о том, что отрицательные высказывания преобладают над положительными, наоборот, они встречались реже. Более того, не было найдено негативных откликов по отношению лично к И.В. Сталину. В этом смысле нельзя не согласиться с мнением Е.Ю. Зубковой о том, что начало мирной жизни было озаменовано особой общественной атмосферой [2, с. 49]. Следовательно, полученный результат можно объяснить эйфорией людей от победы в войне и надеждой на лучшее будущее.

Таким образом, первые послевоенные годы москвичи по большей части были довольны происходившими событиями. Конечно, периодическая печать, являясь официальным органом пропаганды, демонстрировала необходимую линию власти, однако нет оснований утверждать, что люди, чьи

положительные высказывания публиковались в газетах, в действительности так не считали. Напротив, исходя из анализа в том числе официальных документов, нельзя говорить о негативных настроениях москвичей как о массовом явлении применительно к этим годам.

Библиографический список

1. Зубкова Е.Ю. Сталин и общественное мнение в СССР. 1945-1953 // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. М.: Наука, 1999. С. 151-170.
2. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М.: РОССПЭН, 2000. 230 с.
3. Московский большевик. Орган МК и МГК ВКП(б), Московского областного и городского Советов депутатов трудящихся.
4. Москва послевоенная. 1945-1947. Архивные документы и материалы. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 2000. 768 с.

И.И. Елгина

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

ПРОЦЕСС РЕФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ: МАРТ 1953 – ИЮЛЬ 1954 ГОДА (НА МАТЕРИАЛАХ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Процесс реформирования пенитенциарной системы, получивший развитие после кончины И. В. Сталина, до настоящего времени не подвергался полному исследованию. Этому способствовал ряд факторов: недоступность материалов; запутанность ведомственного подчинения конкретных учреждений; неточность статистических данных; субъективный характер восприятия изучаемого периода в истории.

В связи с изменением политической обстановки, а также подхода к пониманию репрессивной системы, на местах проводилась работа по обсуждению состояния пенитенциарной системы. В протоколах партийной организации УИТЛК УМВД Куйбышевской области [1, с. 73–75] присутствует информация о выполнении Указа от 27 марта 1953 года. В документе отмечается, что все основные мероприятия по выполнению Указа об амнистии были проведены в срок. Однако серьезным недостатком в деятельности аппарата управления в 1953 году признается односторонняя работа по выполнению Указа об амнистии. Партбюро и руководством управления приняты меры для перестройки работы в связи с проведенной амнистией. Выявлено, что по состоянию на 15 апреля 1953 года облпрокуратурой санкционировано постановлений на освобождение заключенных по

Указу «Об амнистии» — на 10 622 человека. Но из 10 622 человек, на которых дана санкция на освобождение, фактически освобождено только 6 тысяч человек [2, с. 129].

Однако процесс проведения амнистии нельзя рассматривать как сугубо положительный, потому как существовали и отрицательные стороны ее проведения. Так, в докладе о ходе выполнения постановления бюро Обкома КПСС от 28 октября 1953 года «О мерах усиления охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью в г. Куйбышев» [3, с. 4–5] отмечается, что многие из амнистированных вновь стали заниматься преступной деятельностью. С января по апрель 1953 года отмечено последовательное снижение преступности. Однако с мая 1953 года, несмотря на принимаемые меры, преступность стала резко возрастать. В ноябре 1953 года рост преступности был приостановлен и пошел на снижение.

Реформы Л. П. Берии в рамках пенитенциарной системы являлись причиной изменения отношений между соратниками по партии. Уже 26 июня 1953 года, Президиум Верховного Совета СССР постановляет: снять Л.П.Берия с поста первого заместителя председателя Совета министров СССР и с поста министра внутренних дел СССР. В связи с этим, бюро Куйбышевского обкома КПСС постановляет: 13 июля 1953 года провести объединенный пленум обкома и Куйбышевского горкома ЦК КПСС «О преступных антигосударственных действиях Берия» [4, с. 28].

На момент 1954 года руководство Советского государства пришло к пониманию того, что «...лагеря — обуза для экономики и что миллионы содержащихся в них людей невиновны...» [5, с. 446]. Курс на реформирование всей пенитенциарной системы был продолжен: «...это доказывает, что сомнения насчет эффективности ГУЛАГа испытывал не только Берия...» [5, с. 446]. В целях коренного улучшения работы исправительно-трудовых лагерей и колоний, коллегия МВД СССР постановила принять ряд мер: осуществление передачи ГУЛАГа из Министерства юстиции в Министерство внутренних дел. Постановления ЦК КПСС от 12 марта 1954 года «Об основных задачах Министерства внутренних дел СССР» [6, с. 469] и от 10 июля 1954 года «О мерах улучшения работы исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД СССР» [7, с. 162] создавали условия для расширения процесса реформирования пенитенциарной системы.

Обсуждая доклад «О задачах парторганизации по выполнению постановления ЦК КПСС от 12 марта 1954 года», собрание партийного актива парторганизаций Кунеевского ИТЛ отмечает, что отмеченные в решении Президиума ЦК КПСС недостатки в полном объеме относятся к Кунеевскому исправительно-трудовому лагерю МВД СССР. Постановление от 10 июля 1954 года также выносилось на обсуждение в партийной организации лагерных отделений Кунеевского ИТЛ. В частности, лагерного отделения № 11, на партийном собрании которого отмечалось, что «...в постановлении ЦК КПСС от 10 июля 1954 года с исчерпывающей полнотой вскры-

ты недостатки работы ИТЛ и колоний МВД, указаны меры устранения этих недостатков и улучшения работы по перевоспитанию и исправлению заключенных ...» [8, с. 44].

Так, начальный этап становления процесса реформирования пенитенциарной системы Советского государства (1953 – 1954 годов) устанавливает факты того, что подавляющее большинство осужденных, не попадали под бериевскую амнистию, а передача исправительно-трудовых лагерей Министерству юстиции СССР не способствовала повышению уровня руководства местами лишения свободы и укреплению режима, что являлось причинами дальнейшей реорганизации пенитенциарной системы. Все последующие преобразования в духе постановлений от 12 марта 1954 года и 10 июля 1954 года более детально прорабатывали деятельность исправительно-трудовых колоний. Было положено начало созданию качественно иной пенитенциарной системы. Рассмотрение на примерах Куйбышева процесса реформирования Советской пенитенциарной системы дает возможность оценить, насколько мобильным было ее развитие.

Библиографический список

1. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее СОГАСПИ). Ф. 7357. Оп. 1. Д. 45. Л. 73-75.
2. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 108. Д. 28. Л. 129.
3. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 109. Д. 16. Л. 4-5.
4. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 90. Д. 64. Л. 28.
5. Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М.: Московская школа политических исследований, 2006. 608 с.
6. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. док.: 7 т. Т. 2. Карательная система: структура и кадры / отв. ред. и сост. Н. В. Петров; отв. сост. Н. И. Владимирцев. М.: РОССПЭН, 2004. 695 с.
7. Кокурин А. И. ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917-1960. М.: МДФ, 1997. 1856 с.
8. СОГАСПИ. Ф. 7259. Оп. 1. Д. 18. Л. 44.

Д.А. Рамм

Самарский национальный исследовательский университет

ЖИЛИЩНАЯ ПРОБЛЕМА НА ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ В 1950-1960-Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ТОЛЬЯТТИНСКОГО ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОГО ЗАВОДА)

В марте 1956 г. по инициативе Министерства электротехнической промышленности (МЭП) СССР в районе Куйбышевской ГЭС началось строительство Ставропольского завода «Ртутных Выпрямителей» (СЗРВ) [1, л. 2], который в 1964 г. был переименован в Тольяттинский электротехни-

ческий завод. В июле 1959 г. СЗРВ был введён в список действующих предприятий II-ой категории с рекомендуемой численностью персонала свыше 4-х тыс. чел. [4, л. 1-2]. Для размещения имевшихся и потенциальных рабочих (3 700) [2, л. 3] неоставало пригодных зданий, что обусловило возникновение острой жилищной проблемы, над разрешением которой МЭП и руководство предприятия трудились на протяжении конца 1950-х – конца 1960-х гг.

До 1959 г. условия проживания большей части рабочих были крайне недостаточными. Многим из них приходилось ютиться в тесных комнатах или неблагоустроенных бараках. Стеснённость, отсутствие коммунальных удобств и использование общих кухонь приводило к распространению инфекционных заболеваний, в частности туберкулёза, что было характерно для многих предприятий города. В крайне тяжёлом положении находились рабочие, не имевшие семей. Они размещались в небольших 10-ти комнатных деревянных бараках без удобств по 3-4 человека на комнату. Представители разных полов проживали раздельно. Женщинам предоставлялось больше места в расчёте на одного человека. Таким образом, в одном мужском общежитии разрешалось проживать 44 лицам, а в женском – 22 лицам. Недостаток общежитий при высоком числе рабочих приводил к сокращению пространства, выделяемого на одного человека и приводил к скученности – по 200 коек на каждое строение. Общежития были обеспечены мягким инвентарём по количеству проживающих, но неоставало элементарных предметов мебели – шкафов, столов, стульев и табуретов [5, л. 92-93]. Подобные условия проживания вряд ли могли компенсировать тяжёлый монотонный труд на производстве.

Обеспечение работников жильём выходит на первый план с 1959 г. по 1969 г. В 1959 г. под застройку было выделено свободное пространство 5-ти прилегающих к предприятию заводских кварталов, которые застраивались типовыми многоквартирными домами. Строительство велось усилиями завода посредством строительных отрядов, сформированных из числа рядовых рабочих. Первый ведомственный жилой дом был сдан в эксплуатацию в ноябре 1959 г. и вмещал 156 чел. – работников завода и членов их семей [3, л. 78]. В 1960 г. жилой фонд пополнился ещё 5-ю домами с общей жилой площадью в 6 352 м², в которых разместилось 230 семей. Тем не менее, завод продолжал испытывать острый недостаток в жильё, обеспеченность к списочному составу достигала только 21 %, на каждого проживающего в среднем приходилось по 7,5 м² [5, л. 92-93].

Численность промышленно-производственного персонала завода на протяжении 1960-х гг. повысилась и стала колебаться на отметке в 4-5 тыс. чел. В 1964 г. на заводе числилось 3 279 чел. [6, л. 1], в 1967 г. – уже 5493 чел. [7, л. 1]. В соответствии с возрастанием численности персонала обострилась необходимость в дальнейшем расширении жилого комплекса. По состоянию на 1968 г. на балансе завода числилось 24 жилых дома с жилой

площадь в 36 382 м², 4 детских учреждения: 2 комбината, одни ясли, один детский сад, с вместимостью в 415 детей. Завод имел мужское и женское общежития. Первое размещалось в инженерном корпусе и предусматривало 370 мест. Второе располагалось в жилом доме и занимало 16 трёхкомнатных квартир, где проживало 160 чел. [8, л. 54-55]. В 1969 г. был произведён задел на 70-ти квартирный жилой дом [9, л. 5]. Однако, появление указанных выше объектов слабо способствовало изменению ситуации: в среднем на каждого работника приходилось приблизительно по 6,6 м² — ещё ниже, чем в 1960 г.

Строительная кампания, развернувшаяся в 1950-1960-е гг. не смогла в полной мере удовлетворить потребности предприятия в жилом фонде. Выполнение обязательного плана по вводу новых промышленных мощностей и повышению производительности труда сопровождалось огромными затратами, усугублялось нехваткой оборудования и, тем самым, вызывало увеличение численности рабочей силы. Прирост персонала опережал скорость возведения новых жилых зданий, на которые, к тому же, не всегда доставало средств. За 4-х летний период начального строительства (1956-1959 гг.) и последующее десятилетие основные финансовые вложения направлялись, главным образом, на создание промышленных сооружений в ущерб общехозяйственным и жилым комплексам, что лишь усугубляло проблему. В условиях недостатка жилого фонда предоставление квартир производилось исходя из уровня образования и семейного положения. Причём, решающее значение имело именно высшее образование. Поэтому, правом первоочередного заселения располагали руководящие и инженерно-технические кадры, приток которых напрямую зависел от наличия свободного жилья. Улучшению условий проживания рабочих отводилось второстепенное значение.

Библиографический список

1. Управление по делам архивов мэрии г.о. Тольятти. Ф. Р-153. Оп. 1. Д. 2.
2. Управление по делам архивов мэрии г.о. Тольятти. Ф. Р-153. Оп. 2. Д. 10.
3. Управление по делам архивов мэрии г.о. Тольятти. Ф. Р-153. Оп. 2. Д. 15.
4. Управление по делам архивов мэрии г.о. Тольятти. Ф. Р-153. Оп. 2. Д. 39.
5. Управление по делам архивов мэрии г.о. Тольятти. Ф. Р-153. Оп. 2. Д. 103.
6. Управление по делам архивов мэрии г.о. Тольятти. Ф. Р-153. Оп. 2. Д. 437.
7. Управление по делам архивов мэрии г.о. Тольятти. Ф. Р-153. Оп. 2. Д. 534.
8. Управление по делам архивов мэрии г.о. Тольятти. Ф. Р-153. Оп. 2. Д. 621.
9. Управление по делам архивов мэрии г.о. Тольятти. Ф. Р-153. Оп. 2. Д. 739.

**ГРУППОВАЯ ДИНАМИКА ПАРТИЙНОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ И ОРГАНОВ
ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ 50-Х ГГ. XX В.**

Латинский термин «номенклатура», в контексте анализа как систем управления, так и групповой динамики в политической системе, используется в двух ипостасях: 1. как набор должностей, замещение которых осуществлялось с согласия партийного комитета; 2. как категория руководящих работников, назначавшихся на должность соответствующим парткомом и наконец, организационная форма партийно-кадрового управления [2, с. 73].

В отечественной историографии исследованием проблемы групповой динамики и принципов формирования партийной номенклатуры СССР 50-х гг. XX в. занимались М.С. Восленский, Н.А. Вороновский, Л.Н. Пономарёв, В.В. Рябов, П.С. Кабытов, А.А. Мякотин, С.С. Войтиков.

В зарубежной социально-гуманитарной науке исследованием проблемы групповой динамики и принципов формирования партийной номенклатуры СССР 50-х гг. XX в. разрабатывали: американский социолог, специалист в изучении теории управления и формирования политических элит, профессор Колумбийского университета Р.К. Миллс, профессор социологии Калифорнийского университета, почётный профессор Кембриджского университета М. Манн, американские политологи К.Д. Астром и Б. Виттенмарк.

Рассмотрев трактовки групповой динамики и принципов формирования партийной номенклатуры СССР 50-х гг. XX в. как отечественных, так и зарубежных учёных, автор считает, что групповую динамику партийной номенклатуры как СССР, так и Куйбышевской области 50-х гг. XX в., можно представить как логическую цепь сменяемости типовых элементов социальных взаимодействий внутри механизма политического контроля советского общества:

1. Обучение и окончание Высшей Партийной Школы в г. Киев, г. Минск, г. Ленинград, г. Москва, г. Куйбышев, г. Ростов-на-Дону, получение разрядки в пункт отбытия и выполнения управленческих полномочий;

2. Двухлетняя или четырёхлетняя управленческая практика в ведомстве сельскохозяйственной или производственной сферы экономической жизни страны (с заменой прохождения управленческой практики в ведомстве иного профиля, в зависимости от полученных результатов управления);

3. Стандартизация общественных начал в партийно-государственном аппарате СССР, выраженная в регулярной сменяемости управленческих кадров на местах и в политическом центре [3, с. 176].

Согласно структуре групповой динамики, в контексте разного рода взаимодействий внутри партийной номенклатуры, предлагаемой автором ис-

следования, начинающий, в том числе и ободрённый опытом руководителем, должен был пройти пять стадий управленческой конверсии: 1. адаптация в условиях существования руководимого ведомства; 2. изучение специфики ведомства сельскохозяйственного или производственного профиля; 3. формирование команды управляющего из представителей кадрового состава руководимого ведомства; 4. интеграция управленческих новаций руководителем в структуру исполнения полномочий ведомства; 5. получение результатов от стандартных и инновационных управленческих решений в ходе их исполнения нижестоящими сотрудниками ведомства.

Вследствие реализации алгоритма групповой динамики партийной номенклатуры на местах, согласно принципам 1-го секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета министров СССР Н.С. Хрущёва, райкомы и райисполкомы различных субъектов СССР, которые пополнились выпускниками партийных учебных заведений, должны были достаточно быстро получать положительный результат за короткий период времени. Выполнение указаний Совета министров СССР, а также ведомств политического руководства страны, было проблематичным: вновь прибывшие управленцы из состава партии стремились изучить специфику руководимого ведомства, трудового коллектива и на основе аналитических выверок принимать грамотные управленческие решения для их исполнения управляемым персоналом [1, с. 606].

Короткая адаптация на новом рабочем месте, безсистемное исполнение нерациональных и достаточно поспешных управленческих решений трудовым коллективом, приводило к получению неудовлетворительных результатов как в трудовой деятельности рабочих, так и в управленческой деятельности руководителей определённых ведомств производственно-территориального типа.

Как позже отмечал Н.С. Хрущёв, после отставки со всех государственных постов СССР (1964): «Я признаю что ошибся в правильности курса на полное омоложение руководящей группы в ЦК партии, так и в парторганизациях на местах. Выдвинуты были те люди, которых не стоило выдвигать, да расстроил все связи с группой «старцев», убрав их из Президиума ЦК (с А.И. Микояном, И.С. Исаковым, И.И. Кузьминым)» [4, с. 84].

Библиографический список

1. Войтиков С.С. Центральный комитет. Высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущёва. 1890-1964 гг. М., Центрполиграф, 2019.
2. Кабытов П.С., Козловская Г.Е., Рябов В.В., Мякотин А.А. Элиты Самарской (Куйбышевской) области в 1960-1990-е гг. Очерки истории: коллективная монография. Самара, 2014.
3. Пономарёв Л.Н. Исторический опыт КПСС по подготовке партийных и советских кадров. Часть I. М., 1989.
4. Хрущёв Н.С. Время, люди, власть. Кн. 2. М., 1999.

«УСТРАНЕНИЕ НЕРВОЗНОСТИ»: МЕХАНИЗМ СБОРА ПРЕДЛОЖЕНИЙ И КОММУНИСТОВ ПО ПОПРАВКАМ К УСТАВУ КПСС В 1965-1966 ГГ.

В марте 1966 г. на XXIII съезде КПСС в Устав партии был внесен ряд поправок, расширивших полномочия местных парторганизаций. Руководство партии утверждало, что выработанные изменения опирались на «предложения местных партийных органов и коммунистов» [2, с. 355]. Данный вопрос фактически не изучался в историографии, за некоторыми исключениями [напр., 1, 3, 5]. Цель исследования – изучить механизм выработки поправок к уставу КПСС на материалах куйбышевских парторганизаций.

Первое упоминание о данном процессе обнаруживается в выступлении на пленуме Ленинского райкома первого секретаря куйбышевского горкома В.Ф. Ветлицкого (29 сент. 1965 г.). В своем выступлении, сетуя на постоянную смену секретарей первичных парторганизаций, которые не успевают научиться правильно руководить, он заявил, что «ЦК партии внес поправку» [7, с. 24]. Любопытно, что в этот же день заканчивал свою работу сентябрьский пленум ЦК. Опубликованные 1 октября в «Правде» постановления Пленума сведений об этом не содержали [6, с. 1-2].

Первые предложения по изменению Устава были отправлены Куйбышевским обкомом в ЦК 23 ноября того же года. В справке «О ходе проведения отчетно-выборных собраний в Куйбышевской области по состоянию на 20 ноября 1965 года» перечисляются инициаторы поправок (партиработники г. Куйбышев) и предлагаемые ими изменения Устава [9, л. 244-245]. Иного документарного воплощения данные предложения не нашли, что говорит о том, что они могли сообщаться в устной форме. Партийные работники предлагали «исключить из Устава пункт, регламентирующий порядок обновления местных партийных органов», «заменить тайное голосование при выборах местных партийных органов открытым», «дать право райкомам окончательно решать вопросы исключения из КПСС» [9, л. 245]. На наш взгляд, подобные сведения были помещены в справку для того, чтобы указать ЦК на необходимость в интересах местных партийных организаций пересмотреть и другие положения Устава.

В конце декабря 1965 года обком инициировал сбор справок от районных и городских парторганизаций о предложениях коммунистов по изменению Устава КПСС [7]. Судя по всему, в некоторых случаях горкомы и райкомы запрашивали справки от первичных парторганизаций, и на их основе делали обобщающую справку: так обстояло дело, например, в Чапаевске [10]. Тексты справок, поступивших в чапаевский горком, показывают, что все предложения инициированы партийными работниками. Наиболее распространенным был иной способ сбора предложений: горкомы и

райкомы инициировали закрытые собрания секретарей первичных парторганизаций, на которых те высказывали «предлагаемые коммунистами» поправки к Уставу [напр., 8, л. 2, 19].

Каждая справка содержит в себе предложение частично или полностью отменить принудительную ротацию партработников (параграф 25 Устава). Так, «механик колхоза Львов» заявлял, что параграф 25 нужно изменить, «так как коммунисты сами знают, кого избирать в состав партийного органа...» [8, л. 29]. В других справках упоминается невозможность «организовать должным образом учебу партийного актива...» [8, л. 4], указывается на то, что пункт «создает нервозность в работе партийных организаций, отрицательно сказывается на подборе и расстановке партийных кадров» [8, л. 24].

Иные предложения также были направлены на расширение полномочий местных парторганизаций. В половине справок предлагалось предоставить райкомам и горкомам партии право окончательного решения вопроса об исключении из КПСС. В 40% справок предлагалось вводить должность освобожденного партсекретаря в парторганизациях численностью менее 150 человек. В трети справок предлагалось отменить тайные выборы в руководящие партийные органы и проводить их раз в два года. В некоторых случаях вносились и оригинальные предложения. Так, чапаевские партработники предлагали внести положение о «непримиримости к пьянке коммунистов». Они же предлагали установить партийный контроль над администрацией учрежденных организаций [8, л. 12-14]. Партработники Кинель-Черкасского райкома предлагали разрешить уголовное преследование коммунистов лишь с санкции райкома [8, л. 27]. На наш взгляд, весьма сомнительно, что подобные предложения высказывались рядовыми коммунистами.

Судя по всему, обобщающая предложения справка либо была составлена в единственном экземпляре и отправлена в ЦК, либо не составлялась. Вполне возможно, что предложения партсекретарей были обобщены и изложены работникам ЦК в иной форме. На XXIII Съезде был предложен целый ряд поправок к Уставу, в том числе и тех, которые указывались в справках местных парторганизаций. Так, был упразднен 25 параграф Устава, право окончательного решения вопроса об исключении из КПСС было передано горкомам и райкомам, в парторганизациях крупных предприятий выборы в партком проводились раз в два года [4, с. 27-29].

Брежневская политика «кадровой стабильности» нашла свое отражение в изменении Устава КПСС. Публичное обсуждение поправок к Уставу не проходило. Вполне возможно, что ЦК первоначально не планировал собирать информацию о поправках к Уставу. Однако местные парторганизации могли указать ЦК на необходимость подобного обсуждения ввиду «поступающих от коммунистов предложений». Поправки предлагались партийными работниками, в большинстве расширяли властные полномочия местных парторганизаций. Рядовые коммунисты либо совсем не принимали

участие в этом процессе, либо участвовали в нем опосредованно. Часть поправок к Уставу, высказанных куйбышевскими коммунистами, были приняты на XXIII Съезде. Это означает, что ЦК получал подобные предложения от других парторганизаций СССР. Принятые поправки стабилизировали положение секретарей парторганизаций и расширили полномочия парткомов. Брежнев пошел на уступки местным парторганизациям, показывая, что он готов, в отличие от Хрущева, действовать в интересах партийной бюрократии.

Библиографический список

1. Александров С.В. XXIII съезд КПСС и некоторые актуальные проблемы ленинизма. М., 1969.
2. Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 1. М., 1970.
3. Воронкова С.В., Кабанова И.Д., Москаленко И.М. XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. М., 1969.
4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.11. М., 1986.
5. Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945-1991 гг.). Пермь, 2003.
6. Правда. 1965. № 274 (1 октября).
7. СОГАСПИ. Ф. 1004. Оп. 72. Д. 8.
8. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 141. Д. 30.
9. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 142. Д. 2.
10. СОГАСПИ.Ф. 46. Оп. 43. Д. 43.

О.Д. Кожевникова

Московский государственный университет

ОТНОШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РФ К ИНТЕГРАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В 1990-Е ГГ.

Партийная система, сложившейся в России после 1993 года, включала четыре основных группы партий со сходными политическими принципами.

«Партии власти» (Партия российского единства и согласия, «Наш дом — Россия») формировались на основе поддержки политики президента и правительства, главными ценностями провозглашались стабильность и центризм. При этом содержание их «центризма» могло меняться, отражая изменения правительственного курса. В области внешней политики в первой половине 90-х гг. они разделяли устремления верховной власти к европейской и евроатлантической интеграции, а с середины десятилетия стали делать акцент на поддержке борьбы российского МИДа за «многополярность мира». По отношению к странам «ближнего зарубежья» проправительственные партии поддерживали политику экономической и военно-

политической интеграции стран СНГ под руководством России, приветствовали формирование сообщества, а затем союзного объединения с Беларусью, считали необходимым участие вооруженных сил РФ в урегулировании региональных вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве [1, с.229].

Либеральные партии – праволиберальный «Демократический выбор России» и леволиберальное «Яблоко» – провозглашали свою приверженность принципам демократии и международного права в мировой политике. Они с осторожностью относились к проектам военно-политической интеграции стран СНГ, опасаясь имперских рецидивов в российском внешнеполитическом курсе [2, с.22]. В экономической области либералы поддерживали развитие торгово-хозяйственных отношений со странами «ближнего зарубежья», формирование на территории бывшего СССР общего рынка и движение по пути строительства таможенного союза. Отношение либеральных партий к интеграции на постсоветском пространстве получило четкое отражение в их реакции на сближение между РФ и Беларусью после прихода там к власти в 1994 г. А.Г. Лукашенко. Тесный союз и перспектива государственного объединения авторитарным режимом Лукашенко активно критиковались либералами как противоречащие демократическим принципам. И даже экономическая интеграция с Беларусью ставилась в зависимость от политических перемен и, соответственно, экономической либерализации в республике.

Коммунистическая партия Российской Федерации, игравшая с 1993 г. важную роль в российской политике и являвшаяся доминирующей политической силой в Государственной Думе РФ второго созыва, строила свои подходы к отношениям со странами «ближнего зарубежья» на концепции восстановления Советского Союза. СССР [3, с.5], по мнению коммунистов, был сознательно разрушен буржуазными националистами и реставраторами капитализма вопреки воле советского народа. В марте 1996 г. фракция КПрФ в Государственной Думе удалось добиться официального осуждения парламентом Беловежских соглашений 1991 года о ликвидации СССР, однако этот шаг имел главным образом пропагандистское значение: президент и правительство РФ отклонили рекомендацию парламентского большинства о восстановлении СССР де-юре.

Формирование различных интеграционных объединений на постсоветском пространстве рассматривалось КПрФ как путь к возрождению единого союзного государства. Отсюда активная поддержка партией интеграции во всех возможных областях, и прежде всего в сфере безопасности. При этом приоритетным партнером РФ на территории бывшего СССР коммунисты считали Беларусь во главе с А. Лукашенко, проводившим политику сохранения государственной собственности на средства производства и противостояния США и Евросоюзу. Все российско-белорусские договоры и соглашения – о сообществе, союзе и образовании единого государства – с энтузиазмом приветствовались Коммунистической партией, несмотря на

ее резко негативное отношение к президенту Б.Н. Ельцину, чья подпись стояла под всеми этими документами.

Особую позицию по вопросам политики РФ в отношении «ближнего зарубежья» занимали национал-патриотические организации – Либерально-демократическая партия и Российский общенародный союз. Если КПРФ ориентировалась на возрождение на постсоветском пространстве СССР, то национал-патриоты стремились, в сущности, к реставрации государства типа Российской империи, в устройстве которого отсутствовал бы принцип национального федерализма. Предлагалось добиваться вхождения бывших союзных республик в состав России с использованием всего арсенала дипломатических, экономических и иных средств. [4, с. 2] По мнению В. Жириновского и его единомышленников, руководящие круги постсоветских республик были поставлены перед альтернативой: либо присоединение к России, либо потеря любой помощи (торговых льгот, военной поддержки и пр.) с ее стороны.

Таким образом, в России 1990-х годов был представлен целый спектр позиций политических партий по вопросам отношений со странами «ближнего зарубежья». Сформированный ими идейно-политический дискурс необходимо учитывать для понимания того контекста, в котором происходила эволюция внешнеполитического курса РФ на этом и последующем этапах.

Библиографический список

1. Абрамов Ю.К., Головина Т.Ю. Политические партии и движения России. М., 1996.
2. Лукин В.П. Общественное объединение «Яблоко» // Международная жизнь. 1995. №11-12.
3. Русская идея на языке законов России. Материалы парламентских слушаний. 15 октября 1996. г. М., 1997.
4. Жириновский В. Программные тезисы Либерально-демократической Партии // Либерал. 1992. №. 8-9.

С.Н. Абрашкин

Самарский национальный исследовательский университет

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГУБЕРНАТОРА САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ КОНСТАНТИНА АЛЕКСЕЕВИЧА ТИТОВА И ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РФ БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА ЕЛЬЦИНА

В формировании региональных элит в первом постсоветском десятилетии (1990-е гг.) наиболее важную роль представлял институт губернаторства, где главы исполнительной власти регионов назначались непосред-

ственно Президентом. [10, с. 217]. На протяжении 1990-х гг. Самарская область рассматривалась как пример области с «сильным губернатором». В связи с этим интересно проследить, какими были взаимоотношения К.А.Титова, председателя Куйбышевского городского Совета народных депутатов (1990-1991), а затем Главы областной администрации и Губернатора Самарской области (1991-2007), и первого президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина (1991-1999).

После событий 19-21 августа 1991 года, где проявилась нерешительность и «нейтральная позиция» областных властей, руководством РФСФР были сделаны определенные выводы из сложившейся ситуации. 21 августа президент РСФСР Б.Н.Ельцин подписывает указ №70, по которому председатель самарского облисполкома А.В.Тархов был отправлен в отставку [8, с. 222].

После переворота К.А.Титов посетил Комитет по местному самоуправлению Верховного Совета РСФСР [11, с.3]. Он уже был знаком с Ельциным по работе в Совете российских городов. Однако депутаты Верховного совета от Самарской области К.А.Титова не поддержали, и решение о назначении должен был принять лично президент РСФСР [12]. Руководитель секретариата в администрации президента России В.В.Илюшин считал, что Титова нельзя было назначать на тот момент Константина Алексеевича не поддерживали ни коммунисты, ни демократы [5, с.21]. У секретаря Госсовета при президенте России Г.Э. Бурбулиса возникли вопросы к личному делу Титова, так как в молодости Константин Алексеевич работал в комсомольских организациях и состоял в КПСС [6]. Но Б.Н.Ельцин принял иное решение.

Указом президента РСФСР № 98 от 31 августа 1991 г. К.А. Титов был назначен Главой Администрации Самарской области [1, л. 147].

К.А.Титов оправдал оказанное доверие. Во время противостояния между Президентом РФ Б. Н. Ельциным и Верховным Советом РФ в сентябре – октябре 1993 г. он безоговорочно поддержал Б. Н. Ельцина и осудил решение областного Совета, объявившего президентский Указ № 1400 антиконституционным, а также сложил с себя полномочия народного депутата Самарского горсовета. Впоследствии облсовет и городской Совет были распущены [9, с.1].

Впоследствии Титову удалось войти в число губернаторов, которые были наиболее приближены к Ельцину, и могли советоваться с ним по поводу указов, часто получали приглашение в Кремль или резиденцию Завидово [7, с.359]. Также Константин Алексеевич вел личную переписку с Борисом Николаевичем по тем или иным проблемам Самарской области [5, с.28-29].

Однако не обходилось без противоречий Б.Н.Ельцин критиковал К.А. Титова за кадровую политику в регионе, где в большинстве районов главами администраций работали коммунисты [5, с.51]. Однако Титов не боялся принимать самостоятельные решения и смог отстоять свою позицию, руководствуясь при кадровых назначениях не партийной принадлежностью руководителя, а его деловыми качествами.

Тем не менее, деятельность К.А. Титова на посту губернатора находила поддержку у президента. В ноябре 1994 года указом президента РФ за реализацию экономической реформы Константин Алексеевич Титов был награжден «Орденом Дружбы» [3, л.197], а после победы на губернаторских выборах 1996 года Борис Ельцин направил Константину Алексеевичу поздравительную телеграмму, где избрание Титова отмечалось как «общий успех реформаторских сил страны» [4, л.136].

В свою очередь, в январе 2006 года постановлением губернатора Самарской области К.А.Титова за большой вклад в социально-экономическое развитие Самарской области Б.Н.Ельцину было присвоено звание «Почетный гражданин Самарской области», что вызвало неоднозначную реакцию среди общественности Самары [1].

Таким образом, сотрудничество и доверительные взаимоотношения между губернатором Самарской области и президентом РФ Б.Н. Ельциным шло на пользу Самарской области-многие важные проблемы региона губернатор решал с президентом напрямую.

Библиографический список

1. Абдуллина Л. Бориса Ельцина попросили прислать награду по почте // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/661967> (Дата обращения 14.11.2019).
2. Архив Ельцин Центра. Ф. 8. Оп.1. Д.1.Л.147.
3. Архив Ельцин Центра. Ф.8.Оп.1.Д.4.Л.197.
4. Архив Ельцин Центра. Ф.6.Оп.1.Д.130.Л.136.
5. Игнашов А. Константин Титов. Фрагменты биографии. Запись бесед о жизни // Самарские судьбы. Самара, 2019. № 9.
6. Интервью с заместителем председателя Общественной Палаты Самарской Области К.А.Титовым от 28.05.19 // Личный архив автора.
7. Колтон Т. Ельцин / Тимоти Колтон; пер. с англ. Елены Перовой. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2013.
8. Матвеев М.Н. Титов и Тархов в августе 1991 г. Три мифа о руководителях самарских Советов // Самарский край в жизни и творчестве выдающихся личностей. Сборник статей и материалов III международной научно-практической конференции. Самара, 2003. С. 215-228.
9. Обращение к жителям Самарской области // Волжская коммуна. 8 октября. 1993. С.1.
10. Соловьев Д.С. Институт губернаторства в контексте трансформации российской государственности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. № 4. 2015. С.160.
11. Титов К.А. Спасибо всем, кто меня поддержал // Самарская газета. 1991. 9 сентября.
12. Титов К.: «У нас было много советников и не было опыта» // Коммерсантъ-Волга Online. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2935439> (Дата обращения 14.11.2019).

**РОЛЬ СССР В СРЕМИТЕЛЬНОМ ОБЪЕДИНЕНИИ ГЕРМАНИИ:
СОЗНАТЕЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ ИЛИ НЕПРАВИЛЬНАЯ ОЦЕНКА СИТУАЦИИ?**

В нынешнем году исполняется ровно 30 лет со дня падения Берлинской стены и начала объединения ГДР и ФРГ. Проблема объединенной Германии остается актуальной и сейчас, так как действия Советского Союза были неоднозначными и до сих пор неясно, чем они были обоснованы. Именно поэтому возникает необходимость анализа действий Советского Союза в отношении разделенной Германии для того, чтобы выяснить, что же стало причиной столь стремительного воссоединения страны.

Ключевую роль в этом процессе сыграл Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, занявший свой пост в 1985 году, которого одни считали ставленником Запада, другие же винили его в непродуманности и непоследовательности действий.

При Горбачеве вектор отношений СССР и ГДР изменил свое направление в сторону послабления контроля над Восточным Берлином. Это привело к тому, что ГДР начала постепенно отворачиваться от Советского Союза и все больше смотреть в сторону Запада, что, в свою очередь, было вызвано страхом того, что политические реформы СССР могут дестабилизировать внутреннее положение в ГДР. Более того, налаживание близких отношений Советского Союза с ФРГ служило определенным сигналом, содействовавшему вовлечению в политическую деятельность большей части населения ГДР, что шло вразрез с бездействием со стороны партийно-государственного аппарата.

Поэтому и результат был очевиден. К концу октября 1989 г. кризисные явления в ГДР достигли наивысшей точки, старое партийное руководство ГДР уже было не в силах контролировать ситуацию, что вынудило генерального секретаря СЕПГ Эриха Хонеккера подать в отставку. Новое партийное руководство во главе с Эгоном Кренцом также не смогло исправить обстановку в ГДР.

Дальнейшие события, как известно, развивались стремительно. Правительство ГДР разрешило немцам свободное сообщение между Западным и Восточным Берлином. Что послужило спусковым крючком для действий со стороны ФРГ. 28 ноября 1989 года канцлер ФРГ Гельмут Коль выступил в Бундестаге с программой по объединению Германии, получившей название «10 пунктов Коля», где прозвучали следующие формулировки: «открываются шансы для преодоления раскола Европы и тем самым нашего Отечества», «мы не можем спланировать дорогу к единству, сидя за «столом с зеленым сукном» или с рабочим календарем в руках. Абстрактные модели не помогут». Все эти заявления демонстрируют, что канцлер был настроен решительно и имел четкий план действий [1, с.254].

Но было ли падение Берлинской стены неожиданным событием для Советского Союза?

Изучение источников показывает, что во второй половине 1989 г. Горбачев придерживался неизменной позиции в вопросе объединения Германии, и сводилась эта позиция к тому, что этот вопрос представлялся ему неактуальным и не требующим срочных решений.

Более того, «10 пунктов Коля» подверглись критике не только со стороны СССР, но такие страны как Франция и Англия также не поддержали Коля, что очевидно, ведь это изменило бы баланс сил в Европе. В беседе с председателем Совета Министров Италии Джулио Адреотти, состоявшейся 29 ноября 1989 года, Горбачев выразил свою позицию четко: «Я прямо сказал: воссоединение ФРГ и ГДР не актуальный вопрос.» «...Так что пусть наш друг Коль не суетится, а то я вижу, что накануне выборов у него появляется соблазн поиграть на реваншистской нотке» [2, с.264].

Точно такую же позицию Горбачев занял и в переговорах с президентом Франции Франсуа Миттераном, которые состоялись 6 декабря 1989 года в Киеве, где он снова раскритиковал Коля: «...10 пунктов Коля не вписываются в современную ситуацию, противоречат достигнутому нами с ФРГ взаимопониманию, противоречат и принципам общеевропейского процесса». Когда же Миттеран спросил Горбачева о каких-либо конкретных действиях в решении Германского вопроса, то получил размытый ответ: «Прежде всего продолжить линию мирных перемен. Пусть каждая страна сама определяет их направленность. Мы убеждены в том, что нельзя допускать внешнего вмешательства, искажать волю народов» [3, с.286]. Все эти высказывания Горбачева, как представляется, говорят о том, что четкого плана действий у СССР не было. Но совершенно очевидно, что СССР, в отличие от ФРГ, не мог ничего предложить тем жителям ГДР, которые все же хотели сохранить ее, но с некоторыми демократическими изменениям.

Важную роль сыграло и то, что Горбачев, получая информацию о настроениях в немецком обществе, не придавал ей должного значения. В свою очередь Г. Коль, на мой взгляд, многое сделал для того, чтобы заручиться поддержкой населения ГДР, что позволило ему усилить там свое влияние.

По мнению В. Полынова митинг, который прошел в Дрездене во время визита Коля в ГДР 20 декабря 1989 года, и в котором Коль сам принял участие, стал для него решающим моментом, позволившим еще более уверенно продолжить свою политику по ускоренному присоединению ГДР [4, с.206–207].

Стоит отметить, что изначально Коль не называл четких сроков объединения страны, для начала он рассчитывал на создание своеобразной конфедерации, подробно описывал некоторые этапы, но об определенных сроках не было и речи. Канцлер выражал готовность вести процесс постепенно. Главной проблемой было то, что Горбачев не исключал возможного объединения Германии, но для него это было не приоритетной задачей, которая

могла быть решена позже, в будущем, поэтому он до последнего отрицал практическую возможность объединения Германии. Более того, СССР не мог оказать никакой поддержки ГДР в связи с внутренними событиями, что опять же было на руку ФРГ.

Подводя итог, можно сказать, что столь быстрое объединение Германии было связано с ситуацией внутри СССР, с отсутствием у Горбачева продуманной политики в отношении ГДР, которая была бы уместна в рамках «нового мышления», а применение старых методов не отвечало данной международной обстановке. Тот факт, что советская сторона не предприняла попытки как-то вмешаться в сценарий, по которому пошло объединение ФРГ и ГДР, объясняется скорее просчетами в оценке сложившейся ситуации, чем тем, что советское руководство и Горбачева лично этот сценарий вполне устраивал.

Библиографический список

1. «От конфедеративных структур к федерации». Выступление Федерального канцлера Г. Коля в бундестаге 28 ноября 1989 г. // Михаил Горбачев и Германский вопрос. Сборник документов. 1986-1991 / под редакцией Галкина А. А., Черняева А. С. М.: «Весь мир», 2006.
2. Из беседы М. С. Горбачева с Дж. Андреотти. Рим, 29 ноября 1989 г. // Михаил Горбачев и Германский вопрос. Сборник документов. 1986-1991. М.: «Весь мир», 2006.
3. Из беседы М. С. Горбачева с Ф. Миттераном. Киев, 6 декабря 1989 г. // Михаил Горбачев и Германский вопрос. Сборник документов. 1986-1991. М.: «Весь мир», 2006.
4. Польшов М. Ф. М. С. Горбачев и объединение Германии // Новейшая история России. СПб., 2011. № 1.

М.И. Коракова

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

RUSSIAGATE В МАТЕРИАЛАХ АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ

Летом 2017 г. начинается новый этап российско-американских отношений. Они постепенно ухудшались с знаменитой Мюнхенской речи В.В. Путина, произнесенной в 2007 г. Еще сильнее охладил двусторонние отношения украинский кризис. Победа Д. Трампа на выборах 2016 г. всколыхнула американскую политическую атмосферу, когда лидер демократов Х. Клинтон обвинила его в сговоре с Россией. Вскоре за эту мысль ухватились видные политические и государственные деятели, а также СМИ. В американской внутренней политике этот кризис получил название *Russiagate*.

Обстоятельства расследования встреч сотрудников предвыборного штаба Трампа с российскими гражданами и лицами, связанными с Россией, стали ведущей темой большинства крупнейших американских и, в меньшей степени, европейских газет. Встречи с российским послом С.И. Кисляком в Америке привели к завершению политической карьеры советника президента по национальной безопасности М. Флинна, генерального прокурора Дж. Сешнса и др. [1]. *The Washington Post* посвятила двум встречам Сешнса с Кисляком отдельную статью после того, как министр юстиции США под присягой поклялся, что не имел контактов с российскими представителями по вопросу выборов. Вынужденный оправдываться в связи с этой публикацией Сешнс заявил, что речь во время их сентябрьской встречи шла о борьбе с терроризмом и о ситуации на Украине [2]. О связях с Россией окружения президента писала *New Yorker*. Другая газета – *USA Today* – «разоблачила» еще двух представителей штаба Трампа – К. Пейджа и Дж. Д. Гордона. Поток подобных публикаций был нескончаемым [3]. Специалист по России С. Коэн в февральском номере *The Nation* высказал свои соображения о причинах антироссийской истерии [4]. По его мнению, сложившаяся вокруг победы Трампа ситуация оказалась выгодной: 1) сторонникам Х. Клинтон из Демократической партии, для которых данный сюжет стал оправданием в поражении; 2) членам Демократической и Республиканской партий, недовольных независимостью Трампа (он победил, не пользуясь серьезной поддержкой ни той, ни другой партии); 3) противникам провозглашенного Трампом курса на сближение с Россией. Выделив и разобрав главные обвинения, предьявляемые Трампу в прессе, Коэн находит их не очень убедительными, а некоторые даже глупыми.

Мнение Коэна в этом общем информационном потоке является скорее исключением, чем правилом [5]. Истерия по поводу недоказанного вмешательства России в выборы продолжается и по сей день. Независимо от того, действительно ли являются контакты людей Трампа с представителями российского бизнеса и политического истеблишмента свидетельством сговора или нет (по состоянию на сегодняшний момент расследование этих связей комитетом по разведке нижней палаты конгресса США не дает никаких весомых аргументов в пользу версии о сговоре), атмосфера двусторонних отношений между США и РФ, и без того испорченная в предшествующие годы, ухудшилась еще сильнее. 27 июля 2017 г. американские законодатели приняли большинством голосов закон о противодействии врагам Америки (H.R. 3364) [6]. Закон предполагает наказание тех компаний и банков, которые нарушают санкционный режим, в том числе находящихся вне юрисдикции США. Американские издания в большинстве своем выразили одобрение новым санкциям. Особенно следует отметить деловой журнал *Fortune*, который посчитал новый закон чрезмерно мягким, поскольку он оставляет много свободы президенту в процессе инициирования санкций [7]. Сомнения в их успехе высказала и *Bloomberg* [8].

Возможные ответные российские санкции, как правило, считаются неопасными, но чувствительными для отдельных отраслей американской экономики [9].

Подводя итоги, отметим, что одним из главных сюжетных лейтмотивов как в отечественных, так и в западных средствах массовой информации стали возможные последствия санкций и контрсанкций. Публикации на эту тему продолжают выходить и сегодня. Не имея возможности охарактеризовать их все, отметим главное – то, что их объединяет. Практически все обозреватели согласны в том, что возможности оказания экономического давления у США и РФ не сопоставимы. В то время как Америка способна глобально влиять на российскую экономику, варьируя в зависимости от обстоятельств и собственных целей наносимый противнику ущерб, ответные действия, которые Россия может потенциально применить, носят преимущественно либо локальный, либо секционный характер, причем среди них нет таких, которые при этом бы не причинили вреда самой России.

Библиографический список

1. Панов А. Этот опасный Кисляк // Новая газета. 2017. 4 марта.
2. Entous A., Nakashima E. Sessions met with Russian envoy twice last year, counters he later did not disclose // The Washington Post. 2017. 1 Mar.
3. Некоторые примеры: Reid J.-A. Don't Forget – Trump's Biggest Problem Is Still Russia // The Daily Beast. 2017. 25 Mar. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.thedailybeast.com/dont-forgettrumps-biggest-problem-is-still-russia> (дата обращения: 21.05.2018); Schmidt M.S., Mazzetti M., Auzzo M. Trump Campaign Aides Had Repeated Contacts With Russian Intelligence // The New York Times. 2017. 14 Febr.; The nation needs answers, not deflections, on Russia and Trump // The Washington Post. 2017. 15 Febr. Каждый выпуск *The Washington Post* в феврале 2017 г. был так или иначе посвящен предполагаемой связи новой президентской администрации с Россией.
4. Cohen S.F. Why We Must Oppose the Kremlin-Baiting Against Trump // The Nation. 2017. 22 Febr.
5. См. также Easley J. Diplomats Warn of Russia Hysteria // The Hill. 2017. 11 Mar. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://thehill.com/homenews/administration/323479-diplomats-warn-of-russia-hysteria> (дата обращения: 24.05.2018).
6. Полный текст: официальный сайт Конгресса США [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text> (дата обращения: 10.04.2018). Подписан президентом 2 августа.
7. Nephew R. Why New Sanctions Against Russia Might Not Actually Do Anything // Fortune. 2017. 26 July.
8. Harshaw T. Congress Slaps Putin With More Sanctions. Does He Actually Care? // Bloomberg. 2017. 29 July. Эта же мысль встречается у Cornish Ch. Heat of US sanctions leaves rouble twisting in the wind // The Financial Times. 2018. 10 Apr.
9. Kottasov6 I. How Russian retaliation could hurt America // CNN. 2018. 16 Apr. (<http://money.cnn.com/2018/04/16/news/russia-sanctions-retaliation-boeing-aerospace/index.html>).

СТЕНДОВЫЕ ДОКЛАДЫ

Д.М. Батырев

Оренбургский государственный педагогический университет

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК АРХИЕРЕЕВ ОРЕНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ

В разных источниках можно найти отличающиеся друг от друга сведения по вопросу численности оренбургских архиереев. Проанализировав имеющуюся информацию, можно сделать вывод, что с 1799 года до настоящего времени на Оренбургской кафедре находилось 40 преосвященных архиереев, 4 из которых являлись временно управляющими епархии. Митрополит Вениамин (Зарицкий) управляет епархией в настоящий момент.

Каждый православный христианин, регулярно посещающий богослужения обязательно знает по имени своего архиерея. Так, Вениамин – не самое известное, однако самое распространенное среди оренбургских архиереев, таких было трое. Из общего ряда выделяются владыки с наиболее редко встречающимися именами, это епископ Иоанникий (Образцов), архиепископ Мануил (Лемешевский) и архиепископ Палладий (Каминский), но есть и другие редко встречающиеся в миру имена, например Амвросий, Варлаам, Иоаким, Иаков и Иосиф.

Если говорить о месте рождения архиереев Оренбургской епархии, то складывается довольно интересная картина. Только 9 человек родились в городе. Это епископ Михаил (Добров) из Москвы, был херотонисан во епископа митрополитом Филаретом (Дроздовым); епископ Варлаам (Денисов) уроженец Великого Новгорода; епископ Николай (Адоратский) из города Казань; священномученик Иаков (Маскаев) родился в Уральске; епископ Арсений (Соколовский) из Тифлиса; архиепископ Мануил (Лемешевский) родился в городе Луга Санкт-Петербургской губернии; епископ Борис (Вик) родом из Саратова; епископ Иероним (Захаров) в/у из Москвы, а также митрополит Валентин (Мишук) родом из Бреста. Остальные были родом из сельской местности, в основном из центральной России: Московская, Тверская, Владимирская, Рязанская, Воронежская, Калужская губернии, а также Полтавская и Киевская губернии [3].

В сонме оренбургских архиереев представлены все сословия. В XIX в. многие были из духовного сословия, например, Николай (Адоратский) и Михаил (Воскресенский) представители старинных священнических родов. Есть те, кто имел и дворянский титул, это Амвросий (Келембет) и Мануил (Лемешевский). Варлаам (Казуля) был выходцем из зажиточных крестьян, а Варсанофий (Гриневич) из бедных. Путь служения выбирали люди и из рабочей среды, так Арсений (Соколовский) был сыном инжене-

ра-путейца, Борис (Вик), Валентин (Мищук) и Вениамин (Зарицкий) из семьи рабочих [2].

подавляющее большинство архиереев, возглавлявших Оренбургскую кафедру, имели не только высшее духовное образование, но и ученую степень, окончив духовную академию, некоторые получили образование и в училище, и в семинарии, и в академии. Помимо духовного, Арсений (Соколовский), Мануил (Лемешевский) и Леонтий (Бондарь) имели светское образование, Борис (Вик) имел только светское образование.

Первые семь архиереев до назначения на Оренбургскую кафедру являлись архимандритами монастырей, находящихся вблизи столиц и возведение в сан епископа было, безусловно, повышением, однако назначение на вновь открывшуюся кафедру на окраине государства возлагало на преосвященных большую ответственность. В последующем в Оренбург направлялись викарные епископы из епархий Центральной России, а также из Пермской и Тобольской епархий. [3] Но нельзя не отметить, что Оренбургскую епархию возглавляли архиереи, руководившие до этого, к примеру, Алеутской и Аляскинской епархией (Николай Адоратский), Владивостокской епархией (Павел Введенский) и Бакинской епархией (Арсений Соколовский). Их опыт миссионерской деятельности среди инородцев, был необходимым в многонациональной Оренбургской губернии.

На кафедру назначили людей разного возраста, самыми молодыми архиереями были Иннокентий (Егоров) (35 лет) и Михаил (Добров) (36 лет). Самым пожилым был Варсанофий (Грневич), который возглавил епархию в возрасте 75 лет. Средний возраст возглавлявших кафедру – 53 года, что является логичным, так как для управления епархией нужно не только образование, но и жизненный опыт.

В среднем каждый архиерей управлял епархией 3–5 лет, меньше всего – 20 дней на кафедре находился Иннокентий (Егоров), по состоянию здоровья был перераспределен на Пензенскую кафедру. Дольше всего – 36 лет епархию возглавлял митрополит Леонтий (Бондарь), первый митрополит в Оренбурге и единственный архиерей, кто до своей смерти руководил епархией.

Каждый владыка внес свой вклад в развитие епархии, особо нужно выделить Августина (Сахарова), который увеличил клир епархии на 216 священнослужителей, построил 46 храмов и систематизировал работу консистории. Епископ Амвросий (Морев) построил каменные здания для учреждений епархии, открыл новые монастыри, огромное внимание уделял духовному образованию [1, с. 202]. Инициатива епископа Варлаама (Денисова) по созданию приходских летописей, была распространена Синодом на всю Русскую Церковь. При епископе Вениамине (Смирнове) в Оренбурге открыта семинария, создана единоверческая община. Николай (Адоратский) положил начало созданию епархиального свечного завода. еп. Иоаким (Левитский) развивал миссионерскую деятельность среди иноверцев. Архиереи 20–40 гг. вели активную борьбу с обновленчеством. Митрополит

Леонтий (Бондарь) внес значительный вклад в восстановление церковной жизни во второй половине XX в. Митрополит Валентин (Мишук) восстановил Оренбургскую Духовную семинарию [2].

Ряд архиереев после служения на Оренбургской кафедре были переведены другие епархии, как в Центральной России, так и на Урале и Сибири, в сане епископа, некоторых перевели с возведением в сан архиепископа, например, Амвросия (Келембета) и Митрофана (Вицинского). Другие владыки ушли на покой, кто по состоянию здоровья, кто по возрасту, однако интересен тот факт, что через какое-то время некоторые из них вновь назначались на кафедры.

Библиографический список

1. Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии: вып. 1-2. Оренбург, 1900-1903.
2. Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravenc.ru>.
3. Открытая православная энциклопедия «Древо» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://drevo-info.ru>.

Е.И. Заседателева

Новосибирский радиотехнический колледж

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА И ЗАМЕДЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

XIX век был богат на ученых, давших значительный толчок российской науке. Многим известны имена К.Э Циолковского – основоположника теоретической космонавтики, биолога И.И. Мечникова, однако, имена Н.И. Кибальчича, создателя «воздухоплавательного прибора» и А.И. Ульянова, начинавшего как исследователя сегментарных органов пресноводных кольчатых червей, неизвестны широкой массе населения. Император Александр III предпринял все попытки для того, чтобы имена этих исследователей были забыты.

Н.И. Кибальчич более известен, как один из первоартиллеров, изготовитель метательных снарядов, «главный техник» убийства Александра II. Вместе с А.И. Желябовым, С.Л. Перовской и остальными народовольцами Кибальчич был казнен 3(15) апреля 1881 года.

Однако гораздо меньшему количеству людей Кибальчич известен, как создатель реактивного летательного аппарата, принципиальным отличием которого является то, что для полета данного изобретения атмосфера не только не являлась необходимой, но и была вредна, так как создавала дополнительное сопротивление.

Задолго до Циолковского Кибальчич обосновал выбор рабочего тела и источника энергии космического летательного аппарата, высказал идею о возможности применения пороха для реактивного двигателя.

Просьба Кибальчича о передаче рукописи в Академию наук следственной комиссией удовлетворена не была, проект был спрятан в архивах Охранного отделения, а впервые опубликован лишь в 1918 году в журнале «Былое», № 4-5 [1].

Вклад А.И. Ульянова в науку менее существенен, однако, его «Исследование строения сегментарных органов пресноводных Annelata» (1886) [2], отмеченное золотой медалью, вполне могло лечь в основу его диссертации. Но в истории А.И. Ульянов остался как один из организаторов и руководителей террористической фракции «Народной воли», казненный за подготовку покушения на императора Александра III.

Идеи Н.И. Кибальчича впоследствии были озвучены К.Э. Циолковским, однако, задержка в двадцать лет вполне могла сыграть немалое значение в истории развития космонавтики и инициировать более раннее ее возникновение и развитие. Вектор исследований, заданный А.И. Ульяновым, без сомнения, был продолжен другими учеными, однако, и здесь могла идти речь о задержке в развитии зоологии.

К сожалению, Александр III в своих попытках удержать самодержавие не просто не сохранил жизнь двум исследователям, которые могли внести значимый вклад в науку, но и, фактически, застопорил развитие космонавтики минимум на двадцать лет. Труды неблагонадежных ученых были преданы забвению.

Библиографический список

1. Николай Иванович Кибальчич – Изобретения и изобретатели России. URL: www.inventor.patm.ru. Дата обращения 24.10.2019.
2. Полянский Ю.И. Работа Александра Ильича Ульянова о строении сегментарных органов пресноводных кольчатых червей // Из истории биологических наук. Вып. 10. Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 16-17. (Труды Института истории, естествознания и техники; Т. 41).

А.В. Авданов

Самарский национальный исследовательский университет

МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ РОДЗЯНКО – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Михаил Владимирович Родзянко, один из виднейших политических деятелей России начала XX века, родился в 1859 году в селе Попасном Новомосковского уезда Екатеринославской губернии, в семье крупного

помещика, полковника гвардии Владимира Михайловича Родзянко. Миша Родзянко поступил в Пажеский корпус и в 1878 году стал офицером Кавалергардского полка, но вскоре вышел в отставку, предпочтя военной карьере жизнь провинциального помещика. Судьба и вправду готовила юноше отнюдь не военную карьеру: почетный мировой судья, председатель Екатеринославской земской управы. Родзянко импонировал «прагматизм» октябристов, привлекало то, что они, не увлекаясь политическими теориями и идеологией, пытались в духе времени, с учетом происходивших в российском обществе изменений отстаивать конкретные интересы крупного бизнеса и землевладельцев. В 1906 году Родзянко был избран от Екатеринославского земства в Государственный совет, а год спустя, при поддержке октябристов, стал депутатом Государственной думы Российской империи III созыва.

В Думе Родзянко «звезд с неба не хватал», хотя и занимал ответственные позиции. Земельная комиссия, возглавляемая Михаилом Владимировичем, относилась к числу ключевых — с учетом проводимых П. А. Столыпиным реформ, всецело поддерживавшихся октябристами. В марте 1910 года, когда А.И. Гучкова — лидера фракции и партии октябристов — избрали председателем Думы, Родзянко возглавил бюро фракции. И неизвестно, как сложилась бы его политическая судьба, если бы в марте 1911 года не грянул «конституционный кризис». Гучков ушел в отставку, протестуя против того, что Столыпин ради принятия весьма прогрессивного закона о западном земстве распустил на три дня Думу и Госсовет. Но, продемонстрировав принципиальность, октябристы не собирались отказываться от поста спикера. В качестве преемника Гучкова выдвинули Родзянко — представителя правого крыла октябристов, за которого проголосовало октябристско-кадетское большинство Думы. Другой компромиссной фигуры на тот момент не было [1].

Карьерный взлет Родзянко для многих его коллег оказался сюрпризом. «М.В. Родзянко мог бы повторить про себя русскую пословицу: без меня меня женили», — отмечал лидер кадетов П.Н. Милоков. «В сущности, Михаил Владимирович был совсем недурным человеком, — вспоминал Милоков. — Его ранняя карьера гвардейского кавалериста воспитала в нем патриотические традиции, создала ему некоторую известность и связи в военных кругах; его материальное положение обеспечивало ему чувство независимости. Особым честолюбием он не страдал, ни к какой «политике» не имел отношения и не был способен на интригу. На своем ответственном посту он был явно не на месте и при малейшем осложнении быстро терялся и мог совершить любой неловкий поступок. Его нельзя было оставить без руководства...» [3, с. 337]. Михаил Владимирович часто становился объектом сатиры и просто насмешек коллег. Поводы для иронии над собой Михаил Владимирович давал даже своим внешним обликом —

запоминающейся грузной фигурой, громким раскатистым голосом; и неслучайно его прозвали «самоваром».

Коллеги-политики позже упрекали Михаила Владимировича за то, что он, достаточно освоившись в спикерском кресле, проникся мыслью, что «Государственная дума — это я, Родзянко», и слишком часто выдавал свое личное мнение за «голос народного представительства». Действительно, Родзянко был убежден, что в первую очередь от него зависит, сможет ли Дума влиять на проводимый верховной властью политический курс, на решение значимых для всего общества проблем. В отличие от предыдущих председателей Думы, он очень активно использовал право «всепопданнейших докладов» государю. Предпочитая действовать кулуарным путем, Родзянко вскоре снискал репутацию человека, который «говорит правду царям».

Вступив на путь большой политики, Михаил Владимирович, психологически не лишенный честолюбивых амбиций, поначалу совсем не был настроен на конфронтационный стиль поведения. Но политическая логика выдвигала Родзянко в первый ряд лидеров оппозиции. Он прилагал усилия к сохранению «исторической власти», в том числе пытаясь подталкивать ее на путь либеральных реформ и конституционализма. Спикер Родзянко считал это своей главной миссией. Крушение государственного порядка императорской России в дни Февральской революции он воспринял и как свою личную трагедию. Судьба жестоко посмеялась над бывшим председателем Государственной думы М.В. Родзянко. Правый октябрист и монархист, крупный помещик, он не только дожил до гибели империи и собственного изгнания из пределов родины; махровые черносотенцы умудрились и там, в эмиграции, обвинить его в «революционности», в содействии «низложения царя». Его «своего человека, заклятого врага революции обвинили в том, будто «он заставил Николая II подписать отречение» [4, с. 3]. Последний председатель Государственной думы погибшей Российской империи незадолго до смерти часто сидел неподвижно за письменным столом. Он молился, глядя на портрет императора Николая II и часто плакал. Он просил прощения за свою невольную вину перед Россией [2].

Библиографический список

1. Архипов И. Люди и судьбы. М.В. Родзянко: Второй человек «думской монархии» // Звезда. №11. 2009.
2. Горбунова А., Рассказова И. Известные люди: Родзянко А.О.: Сага о Родзянко или «Американские горки» длиной в 100 лет // GMN. №1(158). 2016.
3. Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991.
4. Родзянко М.В. За кулисами царской власти. М.: Гудок, 1926.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НАУКИ О ДРЕВНОСТЯХ В САМАРСКОЙ И СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИЯХ ДО 1917 ГОДА

Со второй половины XIX в. во многих губерниях Российской империи местные любители старины стали объединяться в общества, изучающие древности.

С конца XIX в., в некоторых регионах страны, где не было университетов, центрами формирования исторических знаний становятся губернские ученые архивные комиссии (ГУАК), выполнявшие в том числе функцию научных обществ. При этом губернаторы продолжали исполнять свои обязанности по пересылке случайно найденных предметов древности от «находчиков» в Императорскую археологическую комиссию в Санкт-Петербург.

В Симбирске ГУАК была создана в 1895 г. — она объединила усилия нескольких местных любителей старины под председательством В.Н. Поливанова (1848 — 1915 гг.). Члены СГУАК занимались вопросами сохранения и обработки архивных документов, а также предпринимали археологические разведки и раскопки.

В.Н. Поливанов способствовал не только сбору сведений о памятниках старины, но и пополнению фондов музея Симбирской архивной комиссии [1, с. 36]. Именно В.Н. Поливанов явился инициатором создания археологической карты Симбирской губернии в 1900 г.

В Самарской губернии во второй половине XIX в. коллектив местных исследователей так и не сформировался. Изучением древностей при возможности занимался П.В. Алабин, который не только осуществлял первые разведки и собирал артефакты, но и опубликовал свод памятников археологии на территории Самарского края в 1895 г. [2; 3]. В 1886 г. П.В. Алабин учредил Самарский публичный музей. Своих научных изысканий музей не проводил, а формировал археологический фонд случайными находками или коллекциями предметов, добытых частными лицами. После смерти П.В. Алабина Самарский музей был закрыт на несколько лет, так как у него не было постоянного штата работников.

В конце XIX — начале XX вв. исследователями самарских древностей кроме П.В. Алабина были: Ф.Д. Нефедов, Н. Спиридонов, В.Н. Поливанов, П.Ф. Филатов, В.Н. Смольянинов, В.Н. Глазов, В.А. и М.А. Миллеры, Ф.Т. Яковлев [4, с. 20].

В 1913 г. Ф.Т. Яковлев взялся за разработку проекта устава Самарского археологического общества. В ноябре 1913 г. в регистрации общества было отказано с оговоркой, что означенными в уставе вопросами будут зани-

маться Самарская Губернская архивная комиссия и Губернский исторический архив [5, с. 134]. Тогда ценители старины организовали археологический кружок при городском музее. В 1916 г. он был преобразован в общество, которое возглавил А.Г. Елшин. В числе его членов были К.П. Голвкин, Г.П. Подбельский, А.А. Субботин, Ф.Т. Яковлев, П.А. Преображенский.

В 1916 г. после очередной попытки Археологическое общество в Самаре было создано. Предполагалось, что оно будет заниматься исследованиями древностей на территории Самарской губернии. Осенью 1916 г. САО запросило у Императорской археологической комиссии разрешение на проведение раскопок курганного могильника у железнодорожной станции Тимашево в 1917 г. В 1914 – 1916 гг. член САО Ф.Т. Яковлев занимался сбором сведений для археологической карты Самарской губернии [6; 7]. Революционные события 1917 г. помешали деятельности САО, но в 1919 г. Общество было реорганизовано, уже при Самарском университете [8, с. 70].

Самарская ГУАК была создана только в 1914 г., но какой-либо роли в изучении края не сыграла (распущена в 1917 г.) [8, с. 69].

На основании проведенного исследования сделаем следующие выводы:

1. Во второй половине XIX – начале XX века губернии России, как и Самарская и Сибирская, находились на разных уровнях вовлечения в общероссийские процессы изучения древностей.

2. В Симбирске с 1895 г. функционировала Симбирская губернская ученая архивная комиссия, проводившая археологические исследования не только в Симбирской, но и в Самарской губерниях.

5. Самарская губернская ученая архивная комиссия была создана в 1914 г., а Самарское археологическое общество – в 1916 г.

6. К 1917 году в Самаре и Симбирске сложились предпосылки для дальнейшей институционализации археологической науки.

Библиографический список

1. Гисматулин М.Р. Из истории формирования археологической коллекции музея Симбирской ученой архивной комиссии // Материалы третьей научной конференции, посвященной ученому и краеведу С.Л. Сытину. Ульяновск, 2006.

2. Серых Д.В. Новые документы об археологической и музейной деятельности П.В. Алабина // Самарский край в истории России: Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения П.В. Алабина. Вып. 2. Самара, 2004.

3. Алабин П.В. Древности, найденные в Самарской губернии и хранящиеся в Самарском Публичном музее. Самара, 1895.

4. Писарева О.К. Охрана археологических древностей в Самарской губернии в последней четверти XIX века // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета. № 1 (10). Самара, 2017.

5. Крайнова Т.В. Самарское археологическое общество (1916 – 1919) // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара, 1995.

6. ЦГАСО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 3.

7. ЦГАСО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 2.

8. Сташенков Д.А. Археологические исследования в Самарской губернии в 1910 – 1920-е гг. // 1917 год: российская археология на переломе эпох: материалы Международной научной конференции. М., 2017.

О.Н. Лаушкина

Самарский национальный исследовательский университет

ИСТОРИЯ ПУТЕШЕСТВИЙ А.И. СТРЕЛКОВОЙ ПО СРЕДНЕМУ ПОВОЛЖЬЮ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Среди богатой и разнообразной картины русской женской мемуаристики конца XVIII – первой половины XIX вв. особое место занимает «История моей жизни» – записки и воспоминания Анны Ивановны Стрелковой, урожденной Нееловой (1796-1853), которая по отцовской линии принадлежала к роду богатого казанского дворянина, помещика И.Я. Неелова, а по материнской – к известному роду костромских и тверских дворян, помещиков Овцыных. Мемуары охватывают почти весь период жизни А.И. Стрелковой и являются первыми в истории России мемуарами провинциальной дворянки.

Стрелкова очень много путешествовала по разным уголкам России: она посещала Кавказ, Астрахань, Сарепту, Царицын, Саратовскую губернию, Киев, Одессу, Воронеж. Иногда поездки приводили ее и в Среднее Поволжье. Так, в 1819 году, возвращаясь из путешествия на Кавказ, Анна со своей компанией останавливается в Саратовской губернии в селе Вырыпаевка Саратовской губернии [1], где их радушно встретила старушка помещица Л.Я. Киселева. Далее путешественники посетили село Киселёвку, там находилось имение брата Киселевой. Они бывали здесь в детстве, и поэтому Анну окутывают воспоминания: «Село сие превосходно, затмевает много богатейших; в нем имеется три церкви; крупнейший каменный дом наподобие замка, начавшийся еще строиться, но не совсем приведенный к окончанию; его окружает прелестная роща. Старый и уже слишком ветхий дом, память младенческого моего возраста, в сие время еще и поныне существует» [2].

Из мемуаров Стрелковой очевидно, что путешествия в первой половине XIX в. были долгими, непростыми, а порой даже опасными. Так, погостив около двух недель в селе Вырыпаевка у тетушки, Анна с мужем отправились домой, но, не доезжая села Головина, попали в «дорожно-транспортное происшествие»: пьяный ямщик, не усмотрев правильной дороги, съехал прямо в пруд. Все остались живы, тем не менее, путникам пришлось найти ближайший дом и остановиться там на некоторое время. Анна отме-

чает доброту местных жителей, которые помогли достать из пруда лошадей и экипаж.

Впоследствии связи Анны Стрелковой со Средним Поволжьем стали более прочными. Муж Анны, подав в отставку, пожелал ехать в Самару и пожить там некоторое время, чтобы наладить хозяйство в деревне на купленной им земле, купленной Стрелковым. Анна согласилась с мужем переехать в Самару, так как была наслышана «...о приятном там обществе, где весьма весело проводят время» [3]. Первое впечатление было благоприятным: Анна пишет, что город Самара, из лучших городов уездных, красующийся на берегу Волги, не уступает губернскому городу Симбирску. Однако мнение Стрелковой меняется, когда она начинает постоянную жизнь в городе. Они поселились в одном из огромных лучших домов города, окруженные их люди были из знатных семей, но все же Анна не находила той дружественной приязни, которая была бы ей по сердцу. Балы, собрания — всего этого было вдоволь, тем не менее, радости никакой не доставляло, и Анна «становилась уединенной» [3]. Так прошел год. Затем дети Стрелковых поступили в одно из частных учебных заведений, которые стали появляться в Самаре в первой четверти XIX в. — пансион г-на Моке.

Таким образом, мемуары Анны Ивановны Стрелковой как исторический источник имеют немаловажное значение для изучения повседневной жизни российского дворянства конца XVIII — первой половины XIX вв. Это первые в истории России провинциальные женские мемуары, и с точки зрения региональной истории значение памятника неопределимо, поскольку они отражают непосредственные впечатления мемуаристки о жизни в Поволжье. По объему произведение Стрелковой превышает все известные женские мемуары этого периода и энциклопедически отражает жизнь как столичного, так и провинциального дворянства.

Библиографический список

1. Древности Симбирского края. Ульяновская, Самарская, Нижегородская губернии, Татария, Мордовия, Чувашия. URL: <http://archo73.ru/Russian/20vek/seleniya/clushishisk.htm>
2. Прохорова Н.Ф. Россия конца XVIII — середины XIX вв. глазами провинциальной дворянки Анны Стрелковой: публикация, источниковедческий анализ и комментарии мемуаров. Самара, 2014.
3. Стрелкова А.И. История моей жизни. Кн. 3 // Российская государственная библиотека. Научно-исследовательский отдел рукописей. Ф. 218. Картон 67. Ед. хр. 3.

«И ПУСТЬ НАЗАД, НЕЛЬЗЯ НАЗАД ВЕРНУТЬ ТЕХ ДНЕЙ»: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИРИЧЕСКОГО ЖАНРА В СОВЕТСКОЙ ЭСТРАДНОЙ ПЕСНЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-Х – НАЧАЛА 1990-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА КОМПОЗИТОРА – ИСПОЛНИТЕЛЯ ВЯЧЕСЛАВА ДОБРЫНИНА)

Советская эстрадная музыка представляет собой значимое культурно-историческое явление, оказавшее существенное влияние на развитие советской музыкальной культуры в целом. Вместе с тем, в современной научной литературе, в том числе исторической, проблемы развития советской эстрадной музыки не получили достаточного освещения.

Целью настоящей работы является анализ основных направлений трансформации лирического жанра в советской эстрадной песне во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. на материалах творчества композитора – исполнителя В. Добрынина.

На протяжении всего периода своего существования советская песня развивалась и трансформировалась под влиянием западной и мировой музыки, несмотря на закрытые советские границы и так называемый «железный занавес». Одной из особенностей развития советской музыки был жёсткий идеологический контроль со стороны государственных органов. Лишь во второй половине 1980-х г., в условиях политики перестройки, демократизации и гласности цензура начинает ослабевать [1].

Поздняя советская музыкальная эстрада развивалась значительно динамичнее и свободнее, идеологический аспект песен уходит на второй план, преобладающим жанром становится лирика. В конце 1980-х гг. в стране стремительными темпами нарастает влияние рок-музыки: появляются многочисленные рок-группы, рок проникает в творчество традиционных исполнителей, происходит слияние рока с джазовым течением в музыке [3, с. 145]. Концертные площадки страны, теле- и радиоэферы заполняют новые исполнители, которые имели свои собственные художественно-эстетические установки. Среди них было немало композиторов, которые стали исполнять свои собственные песни (В. Добрынин, В. Мигуля, Ю. Антонов, И. Николаев) [2, с. 53].

Вячеслав Григорьевич Добрынин, начавший карьеру композитора в 1970 г., являлся представителем творческого направления в советской песне эстрадно-джазового направления [4, с. 45]. Несмотря на наличие в дискографии композитора песен идеологизированного содержания, В. Добрынин становится известным как композитор, творчество которого направлено на поп-музыку, с акцентом на любовные переживания [4, с. 68].

В творчестве В. Добрынина высокая динамика текстов нашла достойный музыкальный эквивалент в виде энергичного, акцентированно ма-

жорного ритма. Сотрудничество с поэтами-песенниками М. Пляцковским, Л. Дербенёвым, В. Харитоновым, И. Шафераном помогли Добрынину обрести свой собственный стиль и музыкальный почерк. Такие песни, как «Выросли дети» (М. Пляцковский), «Прощай», «Кто тебе сказал?» (Л. Дербенёв), стали основополагающими для развития джазовой советской лирики [5]. К началу публичной сольной карьеры Добрынина в стране уже вышло несколько грампластинок с его песнями. Популярные ВИА, такие как «Весёлые ребята», «Самоцветы», «Лейся песня», имели в своём репертуаре множество песен композитора. Как певец Вячеслав Добрынин дебютировал с песней собственного сочинения «Спасатель» (С. Осиашвили) в 1986 г. [4, с. 79] и быстро завоевал популярность по всей стране. Песни «Спасатель» и «Бабушки – старушки» в исполнении Добрынина стали конечным этапом монополизма джазовой лирики на советской эстраде. Первая пластинка под названием «Настроение», с одной песней в собственном исполнении Добрынина, выходит в 1987 г. Это был последний в его творчестве поп-альбом, свободный от выраженного влияния рока [4, с. 98]. В 1988 г. был выпущен альбом «Синий туман», аранжировка которого явно контрастирует с традиционным творчеством композитора [4, с.102]. Две из четырех песен, исполненных самим композитором, имели аранжировку, представляющую некую трансформацию советского джаза и рока («Синий туман», «Не сыпь мне соль на рану»).

В 1990 г. В. Добрынин выпускает свой первый сольный альбом «Колдовское озеро», который написан уже в новом стиле [4, с. 105]. В песнях меняется приоритет классового звучания мелодии. На первое место выходит электрогитара и духовые инструменты (саксофон), в более же ранних альбомах инструментальное предпочтение в ранжировании мелодии отдавалось преимущественно струнным и ударным инструментам. Усовершенствование звучания мелодии помогает Добрынину добиться всесоюзного признания в качестве певца музыкальной эстрады. В этом же году фирма «Мелодия» вручает композитору премию «Золотой диск» за рекордные продажи его альбомов «Синий туман» и «Колдовское озеро» (7 млн. экземпляров каждый) [4, с. 134]. Позднее В. Добрынин создаёт собственный ВИА «Доктор Шлягер», с которым гастролирует по стране с авторским репертуаром вплоть до распада СССР [6].

Библиографический список

1. Айдамирова И.Ш. Отечественная эстрадная песня. Определения, разновидности // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2017. № 3 (11). С. 1-7.
2. Цукер А.М. Отечественная массовая музыка: 1960-1990. РГК им. С.В. Рахманинова. Ростов-на-Дону, 2012.
3. Алексеева А.А. Песенное творчество (60-80-е годы) // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2015. № 2. С. 125-146.

4. Шабров М.З. Вячеслав Добрынин. Доктор Шлягер. М., Авантитул, Олма-Пресс, 2002.
5. Московский Комсомолец. Ежедневное издание. Звуковая дорожка. 1977. № 28.
6. Телевидение и радиовещание. Ежемесячный журнал. 1989. № 11.

А.В. Соколова

Самарский государственный социально-педагогический университет

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ США В САМАРСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Исследование сюжетов американской истории очень долгое время не входило в число приоритетных научных задач Самарского педагогического университета. В советское время в сфере внимания кафедры всеобщей истории вуза было изучение английской революции, рабочего движения, античной истории, колониальной политики Германии. При этом в Самарском государственном университете плодотворно работал Борис Дмитриевич Козенко и активно шло формирование школы американистов.

В первые годы постсоветского этапа развития исторической науки ситуация с тематикой исследований в педагогическом университете не сильно изменилась – история США оставалась на периферии внимания исследователей из вуза. Первые незначительные перемены происходят на рубеже XX – XXI вв. и связаны с интересом самарских ученых к истории образования США (здесь, безусловно, сказалась специфика педагогического вуза).

В 2008 г. происходит первая защита кандидатской диссертации по истории США, сотрудником пед.университета: старший преподаватель Сергей Буранок представил к защите работу «Пёрл-Харбор в оценке военно-политических деятелей США 1941 – 1945 гг.». С этого времени начинают регулярно появляться статьи об участии США во Второй мировой войне, а в 2009 г. – первая монография о США (так же про Пёрл-Харбор) в Самарском пед.университете [1]. Таким образом, в начале 2000-х годов американистика в пед.университете развивалась изолированно как от других региональных центров изучения США (Саратов, Тамбов, Киров и д.р.), так и от общероссийских академических структур.

Новый этап в развитии американистики Самарского пед.университета наступает в 2010-х гг. У С.О. Буранка выходят первые статьи в академических журналах (Вопросы истории, Новая и Новейшая история, ЭНОЖ История) – все посвящены анализу американской прессы, точнее – реакции газет США на сражения Тихоокеанской войны (Пёрл-Харбор, Мидуэй,

битвы за Гуадалканал, остров Уэйк) [2]. Так же с 2011 г. Буранок регулярно принимает участие в конференциях Института всеобщей истории РАН, Института Российской истории и института Востоковедения. Выходят монографии об адмирале Киммеле, Мидуэе, Хиросиме [3]. В тематике трудов возникает новый сюжет о восприятии сражений Великой Отечественной войны в США [4]. Другим новым направлением для Самарского пед.университета стала разработка темы Куйбышев – запасная столица СССР в оценках прессы США.

Следующий этап становления американистики в СГСПУ – период 2015 – 2018 гг. В 2015 г. С.О. Буранок защищает докторскую диссертацию «Тихоокеанская война в оценках американского общества», а первый его аспирант Ярослав Левин защитил диссертацию «ФБР и внутренняя безопасность США в 1908 – 1941 гг.». В это же время на изучение американских сюжетов переходит профессор СГСПУ С.Г. Малкин (в центре его научных интересов – внешняя политика США во второй половине XX века) [5].

Происходят в пед.университете и структурные изменения – создана лаборатория по изучению внешней политики США XX в (возглавил лабораторию профессор С.Г. Малкин). А кафедра всеобщей истории выигрывает несколько грантов на исследования по американской тематике: 1) грант РГНФ, посвященный американским оценкам Великой Отечественной войны; 2) грант РФФИ о городе Куйбышеве как одном из центров советско-американских отношений в 1941 – 1943 гг.; 3) грант правительства Самарской области о деятельности ФБР; 4) грант РНФ об анализе опыта колониальных империй в США в 1945 – 2001 гг. 5) грант Президента РФ молодым докторам наук. Результатами этой работы стала публикация за период 2011 – 2019 гг. 21 монография, посвященных истории США, 40 статей в журналах, входящих в базы цитирования SCOPUS и Web of Science, более 300 статей уровня РИНЦ (из них 10 статей в журнале «Новая и Новейшая история»), а так же 6 учебно-методических пособий.

Но кроме данных успехов существует и довольно значительные проблемы, связанные с изучением США в СГСПУ. 1) До сих пор не сформирована научная школа, хотя в других региональных центрах России за этот период появились свои сильные школы по изучению США (Киров, Тамбов, Волгоград). 2) Очень слабо американисты Самарского педагогического университета представлены в мировой американистике (можно отметить лишь несколько конференций в Великобритании и США за период 2011 – 2019 гг.). 3) Непривлекательность американской тематики (хотя, как в целом и исторической) для молодых исследователей.

Однако, позитивные тенденции последних лет (растущее финансирование, пополняемый кадровый состав – на данный момент в вузе 2 доктора, 1 кандидат и 6 аспирантов американистов) позволяют надеяться, что в среднесрочной перспективе Самарский педагогический университет сможет стать одним из центров изучения истории США.

Библиографический список

1. Буранок С.О. Пёрл-Харбор в оценках военно-политических деятелей США 1941 – 1945 гг. Самара: «Издательство АсГард», 2009.
2. Буранок С.О. Трагедия в Пёрл-Харборе и американская пресса // Новая и Новейшая история. 2010. № 5. М.: Наука, 2010. С. 210 – 220.
3. Буранок С.О. Сражение за Мидуэй и американское общество. Самара: «Издательство АсГард», 2011.
4. Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. В 12 т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М., 2013.
5. Малкин С.Г., Буранок С.О., Левин Я.А., Нестеров Д.А. Колониальное знание в постколониальную эпоху: историческое моделирование ассиметричных конфликтов. Том 1. Самара: СНЦ РАН, 2019.

А.М. Лощилова

Самарский национальный исследовательский университет

МЕСТО РОССИИ В СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ США

Отношения между Россией и США являются одним из важных вопросов современной ситуации на международной арене. Обе страны — постоянные члены Совета Безопасности ООН, ответственны за сохранение безопасности. Американско-российские отношения влияют на мир в целом и каждое государство в отдельности. Ухудшение ситуации может спровоцировать переход ее в стадию холодного конфликта, что спровоцирует напряжение экономики РФ и перемену курса внешней политики.

Чтобы проследить динамику официальной репрезентации РФ в США и наоборот, обратимся к официальным доктринам. Ключевой точкой возьмем украинские события, то есть 2013-2014 гг., которые изменили обстановку в мире. Первым документом будет Стратегия национальной безопасности РФ 2009 г., как наиболее близкая к украинским событиям.

Стратегия национальной безопасности России 2009 г. говорит, что РФ будет стремиться к выстраиванию полноценного стратегического партнерства с США на основе совпадающих интересов и с учетом ключевого влияния российско-американских отношений на состояние международной обстановки в целом. РФ на данный момент обладает достаточным потенциалом, чтобы войти в число держав-лидеров на мировой арене. Стремление к глобальной и региональной стабильности может быть подорвано размещением в странах Европы американских систем противоракетной обороны. То есть Россия тяготеет к региональному доминированию, а США размещением вооружений в Европе препятствуют этому [1].

1. В Военной доктрине РФ (в редакции 2015 г.) США как самостоятельная единица не упоминается. Делается акцент на роль НАТО, что призна-

ется основной внешней опасностью. Главными задачами являются налаживание равноправного диалога с НАТО и ЕС в сфере безопасности, а также противодействие попыткам отдельных государств (или группы государств) добиться военного превосходства, путем развертывания систем стратегической противоракетной обороны и размещения оружия в космическом пространстве. Здесь речь идёт о США, которые разместили свои системы в Западной и Восточной Европе. Косвенно мы говорим об ответе на действия США [2].

Стратегия Национальной безопасности РФ 2015 г. показывает стремление России вести самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, что встречает сопротивление со стороны США и их союзников, которые хотят усилить свое лидерство. Такое особое указание на самостоятельность означает готовность соревноваться с США за лидерство в мире.

2. В Концепции внешней политики России 2016 г. выражена необходимость укрепления РФ как одного из влиятельных мировых центров. Основным препятствием видится проведение США и их союзниками курса на сдерживание России. При этом США признаются важным партнером для России, «учитывая особенную ответственность» обоих государств за поддержание международного мира и безопасности [3].

В Стратегии национальной безопасности США 2010 г. Россия, Китай и Индия называются основными влиятельными центрами мира [4, р. 11]. Отношения с обозначенными выше странами важны по той причине, что продвижение интересов США в мире требует углубления кооперации с ними [4, р. 43]. США заинтересованы в сильной, мирной и стабильной России, соблюдающей международные нормы.

Стратегия национальной безопасности США 2016 г. признает Россию и Китай главными опасностями для Америки. При этом политика США направлена на обладание силой и лидерство в мире. В документе так же отражается, что Россия стремится снизить влияние США на мировые процессы.

В 2018 г. в США была принята Стратегия Национальной обороны. Мир входит в состояние дезориентации, а Россия и Китай стараются переделать его согласно своим авторитарным моделям. Россия стремится получить власть над правительствами близлежащих к ней стран, чтобы пошатнуть НАТО и изменить расстановку сил в Европе и на Ближнем Востоке [5, pp. 2-3].

До украинских событий США и РФ на официальном уровне признавали друг друга партнерами. Россия стремится занять место мирового лидера, а для США важность роли РФ и ее влияния в мире не ставится под сомнение. Несмотря на это, можно проследить черты соперничества РФ с США. Когда мы подходим к настоящему времени, представление США в РФ меняется. Они сдерживают усиление РФ. НАТО, где Америка играет одну из главных ролей, признается внешней опасностью. Похожая тенденция

прослеживается и в видении России в США. Так, в 2010 г. РФ является желанным партнером, а уже в 2016 — одна из главных угроз безопасности США. В 2018 г. мы видим, что Россия подрывает не только стабильность Америки, но и всего НАТО.

Такая тенденция является серьезным сигналом к построению биполярного мира (или его подобия) и начала очередного холодного конфликта. Кроме того, это может привести к углублению кризиса СБ ООН — то есть станет невозможным правильное и быстрое разрешение возникающих противоречий.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. №537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». // Российская газета. 19 мая 2009 г. URL: <https://rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html> (дата обращения: 10 ноября 2019 г.)

2. Военная Доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 25.12.2014 г. // Официальный сайт МИД России. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/976907 (дата обращения: 12 ноября 2019 г.)

3. Концепция Внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г. // Официальный сайт МИД России. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 11 ноября 2019 г.)

4. National Security Strategy. May 2010. // National Security Strategy archive. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2010.pdf> (дата обращения: 10 ноября 2019 г.)

5. Summary of the National Defence Strategy of the United States of America. 2018. // U.S. Department of Defence. URL: <https://dod.defense.gov/portals/1/documents/pubs/2018-national-defense-strategy-summary.pdf> (дата обращения: 11 ноября 2019 г.)

А.А. Панкратова

Самарский национальный исследовательский университет

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭМИГРАЦИЯ ИЗ РОССИИ В США В XX-XXI ВВ.

Термин «интеллектуальная миграция» впервые появился в 60-е годы XX века, обозначая массовый переезд ученых из Великобритании в США с целью реализации интеллектуальных возможностей и получения желаемого дохода и статуса [1]. Цель данной работы заключается в определении характера интеллектуальной эмиграции из России в США в XX-XXI вв.

С конца XIX — начала XX вв. ввиду крупных политических событий Россия пережила 5 волн массовой миграции. Наибольшее количество рос-

сийских мигрантов приняли США, Германия, Франция, Канада, Англия [3]. Только в первую волну миграции (в период с 1880–1910 гг.), по данным Министерства внутренней безопасности Соединенных Штатов, из Российской Империи в США эмигрировали более 1,5 млн человек [4].

В 1918 году М.Е. Вильчур писал: «...российские мигранты внесли большой вклад в развитие культуры, науки, промышленности Америки».[3] Действительно, вместе с представителями религиозных и этнических меньшинств в первую волну, русской интеллигенцией во вторую, в США эмигрировали тысячи именитых ученых. Среди наиболее значимых фигур: В.М. Карапетов, инженер-электрик, награжден медалью Эллиота Крессона; А.М. Понятов, под руководством которого созданная им в США компания Амрех выпустила первый коммерческий видеоманитофон, и многие другие [3].

Важно отметить, что в годы, последовавшие за распадом СССР (1990–2003 гг.), численность занятых в научно-технической сфере сократилась в РФ почти в 2 раза — с 1943 тысяч до 858,5 тысяч человек [5, с. 203].

В XXI веке главными участниками интеллектуальной миграции, по словам Л.Д. Гудкова, являются «образованные, успешные люди моложе 35 лет», желающие получить образование и трудоустроиться за рубежом [2, р. 14]. В связи с тем, что расходы России на гражданскую науку и исследования относительно небольшие, в последние годы наблюдается рост эмиграции высококвалифицированных специалистов. Основываясь на показателях ВШЭ, в России в 2016 г. объем внутренних затрат на исследования и разработки (ИР) достиг 943.8 млрд. руб., что составляет 37.3 млрд. долл. США, и 2,5% от общего бюджета страны [8]. Возможно, это стало одной из причин по которой в период 2013–2016 гг. состав российских ученых сократился на 2500 человек [2, с. 15].

По данным ЮНЕСКО за 2017 год около 57000 россиян обучаются за рубежом, что составляет около 1% всех российских студентов [6]. Стоит отметить, что их численность постоянно растет [7]. На сегодняшний день наиболее популярными направлениями эмиграции среди молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет являются Германия (16%), США (7%), Испания (6%) [8].

В отличие от многих стран Европы, иммиграцию можно считать одним из системообразующих факторов в развитии США [9]. Мигрант, претендующий на постоянную визу Соединенных Штатов, должен обладать наибольшими полезными навыками. Важным направлением в иммиграционной политике государства является иммиграция студентов [10]. Стоит отметить, что численность российских студентов, обучающихся в Соединенных Штатах, несмотря на то, что Посольство США ужесточило правила выдачи виз россиянам, не изменилась [7].

Миграция населения является неотъемлемой частью современного мира и обусловлена рядом факторов, главным образом, сводящихся к экономи-

ческой и политической ситуации в государствах. Именно политические потрясения, происходившие на территории современной России на протяжении XX века, послужили причиной волн массовой эмиграции из страны. Миграционные процессы XXI века связаны со стремлением молодежи к материальному благосостоянию и максимальной реализации своих способностей. Одним из наиболее популярных направлений эмиграции среди россиян остается США.

Библиографический список

1. Интеллектуальный капитал и интеллектуальная миграция в условиях глобализации/ Под ред. Должиковой А.В. М: Проспект, 2017. URL: https://litgid.com/read/intellektualnyu_kapital_i_intellektualnaya_migratsiya_v_usloviyakh_globalizatsii_monografiya/page-4.php (Дата обращения: 13.11.2019).
2. Gennadi V. Pronchev, Irina V. Kuznetsova, Inna V.Kolodeznikova. Intellectual emigration from Russia // AD ALTA: Journal of Interdisciplinary Research. Vol. 9, 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/333149895_INTELLECTUAL_EMIGRATION_FROM_MODERN_RUSSIA (Дата обращения: 12.11.2019).
3. The place of Russian emigration in US science and technology// Сайт European Russians. 15.12.2016. URL: <http://eurorussians.com/the-place-of-russian-emigration-in-us-science-and-technology/> (Дата обращения: 09.11.2019).
4. 2016 Yearbook of Immigration Statistics// Сайт US Department of Homeland Security. URL:<https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/2016%20Yearbook%20of%20Immigration%20Statistics.pdf> (Дата обращения: 10.11.2019).
5. Власкин Г.А., Ленчук Е.Б. Промышленная политика в условиях перехода к инновационной экономике. Опыт стран Центральной и Восточной Европы и СНГ. М: Наука, 2006.
6. Outbound internationally mobile students by host region// Сайт UNESCO Institute For Statistics. URL: <http://data.uis.unesco.org/> (Дата обращения: 11.11.2019).
7. У российских студентов появился стимул уехать учиться за рубеж// Сайт Независимая газета. 09.08.2018. URL: http://www.ng.ru/economics/2018-08-09/4_7285_working.html (Дата обращения: 13.11.2019).
8. Т.В.Ратай. Затраты на науку в России и в ведущих странах мира// Наука. Технологии. Инновации. НИУ ВШЭ. 27.02.2018// (Дата обращения: 12.11.2019)
9. Апанович М.А., Пареньков Д.А. Иммиграционная политика США: история развития вопроса// Сайт МГИМО МИД России. URL: <https://mgimo.ru/upload/2017/10/apanovich-parenkov.pdf> (Дата обращения: 08.11.2019).
10. Employment-Based Immigrant Visas// Сайт Travel. State. Gov. URL: <https://travel.state.gov/content/travel/en/us-visas/immigrate/employment-based-immigrant-visas.html> (Дата обращения: 12.11.2019).

**ПЕРИФЕРИЯ ГУБЕРНСКОГО ГОРОДА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

Во второй половине XIX – начале XX века темпы роста русских городов были настолько велики, что едва ли можно сравнить их со всеми предшествовавшими этапами урбанизации в Российской империи. В первую очередь эта тенденция коснулась крупных политических и экономических центров, которыми являлись губернские города. Для сравнения: население Самары в 1850 г. составляло не более 15 тыс. человек, а в 1897 г. почти 90 тыс. человек, население Саратова в конце 1850-х гг. составляло около 72 тысяч, а уже в 1897 г. в городе проживало более 137 тысяч жителей [5]. Экономическое развитие городов привело к значительному притоку крестьянского населения в город. По данным переписи 1897 года в среднем по Самарской губернии число крестьянского населения в городах достигло 39,3%, по Саратовской губернии 43,8%, по Симбирской 48,8%. Городское хозяйство губернских центров не было рассчитано на столь сильный наплыв мигрантов. В этой связи, во второй половине XIX века реальностью становится такой феномен как массовая стихийная застройка пригородных территорий. Возникали слободки и поселки, формально расположенные в городской черте, однако не предусмотренные планом городской застройки. Именно в этот период наиболее отчетливо проявляется взаимопроникновение города и деревни, что в конечном итоге придает урбанизации сложные и полигамные формы.

К периферийным поселениям Самары начала XX века можно отнести следующие территории: Засамарская слобода, Солдатская слобода, артиллерийские казармы, Молоканский сад, Николаевский мужской монастырь, Панской переулок, поселки Кавказ и Новый Оренбург, кладбище, ветряные мельницы, дачи и сады.

Опираясь на современные исследования [1, 2] и опыт изучения самарских поселков и слобод, можно выделить несколько характерных особенностей окологородских поселений изучаемого периода:

– Несмотря на развивающуюся промышленность, население поселков и слобод было слабо вовлечено в работу местных фабрик и заводов и в массе своей по инерции продолжало заниматься сельскохозяйственной деятельностью. Однако, стоит отметить, что все чаще крестьяне, проживающие в пригороде уходят от распашки земли, и сосредотачиваются на огородничестве.

– Облик пригородных поселений носил сельский вид. В отличие от центрально-делового и торгового районов, поселки и слободки не являлись центром культурной и социальной жизни города. Они выполняли функ-

цию спальных районов, куда редко заезжали приезжие, впрочем, как и именитые горожане, поэтому вопрос об их благоустройстве был далеко не на первом месте для местных органов власти. Один из самарских обывателей очень критически, оценивая благоустройство города в 1886 года, пишет: «Самара теперь неприступна извне и непроходима внутри», признавая «немного сносными» центральные улицы города, автор буквально кричит об ужасающем состоянии других районов, особенно поселков и слобод, так Засамарскую слободу он называет Венецией потонувшей в грязи [4].

– На периферии города оседало крестьянское население из соседних уездов, уходившее в город на заработки. Таким образом, запускается процесс взаимопроникновения города и деревни, что в конечном итоге приводит к мощным социальным сдвигам: падению авторитета общины, кризис ценностных ориентиров, и как следствие, к массовому проявлению девиантного поведения среди бывших крестьян. Неслучайно в конце XIX века в Самаре наблюдался всплеск криминальной активности, особенно мелких хулиганств и разбоя. Визитная карточка самарской криминальной жизни – горчишники, были выходцами из пригородных поселков города – Кавказ, Новый Оренбург – в простонародье Западной поселок, более 80% домовладельцев в этой местности принадлежало к крестьянскому сословию [7, л. 21-45].

– Стихийная застройка, так же является важной характерной черной околгородских территорий. Последний геометрический план дореволюционной Самары был утвержден в 1853 году, при том, что уже к концу XIX века население города увеличилось вдвое. Таким образом, городская застройка Самары, в пределах Молоканского сада с севера и городского кладбища с востока, является упорядоченной и ровной, а все, что находилось за пределами обозначенных мест, не имело никакой четкой организации и носило хаотичный характер. Только в начале XX века городские власти взялись за наведение порядка на этих территориях, например 17 февраля 1900 г. Самарская газета сообщает, что городским землемером «снят план и разбит на правильные кварталы» участок города «Ветряные мельницы» [3]. Более того, чаще всего стихийная застройка велась незаконно, что нередко приводило к конфликтам местных жителей и власти. В Центральном государственном архиве Самарской области сохранилось дело Городской Управы о сносе построек на городской земле в местности Кавказ [6]. Город предъявил жителям поселка иски о сносе 20 дворов, построенных на самовольно занятых землях, т.к. на этой местности планировалось строительство городской скотобойни и помещений для обслуживания железной дороги.

Таким образом, на примере Самары видно, что периферия губернского города второй половины XIX – начала XX века представляла собой симбиоз городской и сельской культуры, где рождается новый тип горожанина.

Именно через окрестные поселки в город массово проникает крестьянское население, привнося новые коды поведения в городское сообщество. Одновременно с этим околгородские поселения втягиваются в орбиту влияния крупного торгового города, постепенно эволюционируя из сельской местности в новые городские районы.

Библиографический список

1. Белов А.В. Москва, московские пригороды и пригородные поселения во второй половине XVIII – начале XX века (процессы урбанизации сельских окраин). М., Берлин, 2019.
2. Дегтярев Д. С. Основные объекты пригородной зоны Томска во второй половине XIX – начале XX вв., их типы и функции // Известия Иркутского государственного университета. Серия: политология, религиоведение. 2012. № 1. С. 100-107.
3. Самарская газета. 1900. 17 февраля.
4. Самарская газета. 1886. 28 сентября.
5. Тюрин В.А. Структура, численность, социальный состав городского населения Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Самарского государственного университета. 2013. №8/2 (109). С. 92-98.
6. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 153. Оп. 10. Д. 533.
7. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 10. Д. 899.

А.Д. Денисова

Самарский национальный исследовательский университет

ПРОБЛЕМА ОСВЕЩЕНИЯ АНТИКАТОЛИЧЕСКОГО РЕЛИГИОЗНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ ЭПОХИ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ

Религиозные преобразования в законодательстве Елизаветы Тюдор имели немаловажное значение для развития Реформации в Англии. Принятые законы, касавшиеся ограничений прав подданных-католиков, являлись значимым аспектом в установлении новой государственной религии.

В российской историографии проблема рассмотрения и определения роли антикатолического законодательства в основном не исследовалась. Таким образом, в ней отсутствуют специализированные объемные и качественные работы, посвященные изучению этой «формальной стороны» Реформации.

К дореволюционному периоду решения поставленной проблемы можно отнести исследования В.А. Соколова [1]. Автор отмечает, что после утверждения новых законов в 1559 году, королева «оставалась на середине между католичеством и протестантством» [1, с. 350], королева не была сто-

ронницей решительной реформы [1, с. 351], главной целью было стремление сохранить равновесие, установившееся в ранние годы ее правления [1, с. 368]. Огромная работа проделана А. Потехиным в изучении борьбы англиканства с пуританством при Тюдорах [2]. По мнению А. Потехина, королева ставила перед собой задачу создания одного единого церковного общества. Автор считает, что принятый «Акт о верховенстве» нанес смертельный удар папизму [2, с. 88]. Впоследствии Елизавета жалела о проведении реформ и затем пыталась сохранить «те остатки церковной старины, которые первоначально еще не были уничтожены» протестантами [2, с. 112]. Н.И. Кареев в своих исследованиях [3] отмечает, что королева не была сторонницей папизма или пуританизма [3, с. 222], а на сторону протестантов Елизавете пришлось встать из-за политического расчета [3, с. 223]. Заслуга Н.И. Кареева состоит в том, что им подробно освещено осуществление законов на практике, но в тоже время исследователь не показывает формальную сторону решения вопроса.

Советский период отечественной историографии представляет для нас немалый интерес. В.В. Штокмар пишет о том, что религиозные реформы Елизаветы восстановили английскую церковь, мало отличавшуюся от католической [4]. «Половинчатая» реформа была обусловлена тем, что Елизавета не была расположена «к последовательной протестантской церковной реформе, которая могла привести к полной республиканизации церковного строя» [4]. В целом, хочется отметить, что большинство исследований, проводимых советскими историками, посвящено изучению пуританизма в Англии. Тем не менее, исследования Т.А. Павловой, А.В. Исаенко, В.В. Лукоянова, И.Н. Осинковского, Ю. М. Сапрыкина и др. важны для наиболее глубокого понимания процессов и явлений в английском обществе второй половины XVI века [5, с. 5].

Обращаясь к современному периоду отечественной историографии, стоит выделить труд Л.В. Козыренко [6]. Огромное значение для изучения поднятой проблемы имеют работы А. Ю. Серегиной [7] в которых автор показывает политические конфликты, отражавшие жесткую борьбу за юридическое оформление прав исповедовать свою религию [8]. А.А. Трунов в своих исследованиях [9] приходит к важному выводу, что «произошло существенное усиление власти за счет последовательной политики, направленной против католиков» [9, с. 72], а политические и религиозные итоги Реформации получили «свое юридическое закрепление в период правления Елизаветы» [9, с. 74]. Как и А.А. Трунов, С.А. Артеменко придерживается мнения, что реформа 1558 года была реформой «срединного пути». К подобной точки зрения склоняется и О. Дмитриева [11]. Л.С. Хачатрян [12] стоит на позициях, что «половинчатость» проведенных реформ опирается на характер Реформации, она определяется как «аристократическая реформа, осуществляемая «сверху» [12, с. 58]. Интересна работа З.В. Васильевой [13], подводящая нас к выводу, что на законодательном уровне борьба

против католиков и пуритан велась в равной степени жесткой. Особую ценность имеет монография В.Н. Ерохина [14], в которой он отмечает, что в современной британской историографии особое внимание уделяется изучению «религиозно-политической ситуации в Англии после законодательного установления при Елизавете протестантского вероисповедания в стране» [14, с. 124]. В своей работе Н.Ю. Миронович [15], высказывает мнение, что через принятые законы наступил важнейший этап переоценки «значения и места своей нации в религиозной и политической жизни Европы» [15, с. 99]. Тем самым исследователь отводит большую роль складывающимся нормам права, регулирующим конфессиональные отношения, которые положили «начало становлению британской нации в XVII – XIX вв». В. Эрлихман, как и О. Дмитриева, в своем труде отмечает, что после мира с Францией Елизавета пошла на принятие «Акта о верховенстве», покончив с гегемонией католиков [16].

На основе проведенного анализа можно придти к выводу, что в обобщенных трудах по исследованию положения католиков в период правления Елизаветы религиозное законодательство подвергается анализу или упоминается в контексте решения иных поставленных проблем. Существует ряд статей, рассматривающих основные положения актов в отношении католиков как один из факторов проявления религиозной политики новой власти, не обращающих внимания на изменение правовых позиций подданных-католиков. Большинство историков склонно считать, что Елизавета придерживалась «срединного пути». Эта точка зрения не теряет своей актуальности на протяжении всех этапов написания историографических трудов, посвященных изучению католического сообщества и всей Реформации в целом. По мнению многих рассмотренных нами историков, именно законодательное оформление новой религии способствовало складыванию национальной идентичности англичан, создало возможность манипуляций в области не только внешней политики, но и внутренней политики, определило место Англии на международной арене и юридически закрепило итоги многолетней Реформации.

Библиографический список

1. Соколов В.А. Елизавета Тюдор, королева английская: [Актовая речь по кафедре новой гражданской истории] // Богословский вестник, 1892. Т.1. № 2. С. 313-380.
2. Потехин А. Очерки из истории борьбы англиканства с пуританством при Тюдорах (1550-1603 гг.). Казань, 1894.
3. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. В 7 томах. СПб., 1904. Т. 2.
4. Штокмар В.В. История Англии в Средние века (URL: <https://e-libra.ru/read/234570-istoriya-anglii-v-srednie-veka.html> Дата обращения: 30.10.2019).
5. Ерохин В.Н. Английское католическое сообщество в XVI – первой половине XVII века в современной британской историографии. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского государственного университета, 2012.

6. Козыренко Л.В. Генезис и эволюция англиканской церкви // Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 2006. (URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-i-evolyutsiya-anglikanskoj-tserkvi> Дата обращения: 27.10.2019).
7. Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII вв. СПб., 2006.
8. Серегина А.Ю. Английское католическое сообщество XVI – XVII вв. ви-конты Монтегю. М.-СПб., 2017.
9. Трунов А.А. Религиозные и политические итоги английской Реформации XVI В. // Актуальные вопросы современной науки, 2008. №2. С.62-74.
10. Артеменко С.А. Социальный состав и общественная жизнь ранних пуритан в Англии конца XVI – начала XVII вв. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы, 2011. № 1. С. 62-68.
11. Дмитриева О.В. Елизавета Тюдор. М., 2012.
12. Хачатрян Л.С. Специфика английской Реформации XVI века // Вестник Московского Государственного университета культуры и искусств, 2012. № 2 (46). С. 57-60.
13. Васильева З.В. Пуританизм в эпоху Елизаветы I: становление и развитие // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2015.
14. Ерохин В.Н. Становление нации. Религиозно-политическая история Англи XVI – первой половины XVII в. в современной британской исторической науке. М.; СПб., 2016.
15. Миронович Н.Ю. Религиозные реформы Елизаветы Тюдор в контекст формирования национального сознания англичан // Манускрипт. 2017. № 3. С. 98-101.
16. Эрлихман В. Английские короли // Ломоносов, М., 2015. (URL:<https://e-libra.ru/read/369733-anglijskie-koroli.html> Дата обращения: 05.11.2019).

А.С. Парахин

Самарский национальный исследовательский университет

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ СОРЕВНОВАНИЯ В КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941-1946 ГГ. ПО МАТЕРИАЛАМ СОГАСПИ

Во время Великой Отечественной войны необходимо было выпускать военную продукцию в удвоенном количестве, следовательно, необходимо было поднимать производительность труда. Одной из таких мер были социалистические соревнования, которые должны были мотивировать работников.

Социалистическое соревнование – совершенствование профессиональной инициативы трудящихся для улучшения (увеличения) производственных показателей [1].

Необходимо рассмотреть это явление на примере заводов г. Куйбышев.

Огромную роль в системе соцсоревнований в Куйбышеве сыграл Горьковский автомобильный завод, комсомольские организации города Горь-

кий развернули социалистические соревнования для помощи армии в виде создания фронтовых бригад, число которых возросло до 432.

Такую же активность проявили в Куйбышеве на заводе имени Фрунзе в том же 1942 году, отправив в апреле 84 бригады.

К этой работе подключились ремесленные училища, например, учащийся Майданский перевыполнил план не ниже, чем на 200 % [2, л. 6-7].

Данный факт свидетельствует о том, что к соцсоревнованиям подключались не только производственные предприятия, но и образовательные учреждения.

Особо тщательно предприятия готовились к соцсоревнованиям перед маем. 24 марта 1944 года комсомольская организация завода имени Фрунзе выдвинула идею о предмайских социалистических соревнованиях, о создании Сталинского фонда победы. [3, л. 2] К празднику первого мая комсомольцы и в первое время после Великой Отечественной войны стремились перевыполнить план. Например, на швейной фабрике №7 комсомолы пытались перевыполнить в апреле 1946 год план не ниже 125 %, такое же предприятие №12 – не ниже 150 % [4, л. 2-3].

Социалистические соревнования имели не только воспитательное значение, всякое достижение отмечалось наградами. 18 июля 1942 года проходил первый слёт стахановцев, членов комсомольско-молодёжных фронтовых бригад города Куйбышева.

На слёте отмечено, что коллектив завода №18 за перевыполнение программы до 105,2% награжден премией – красным знаменем ГКО. На предприятии выросло число фронтовых бригад до 304 в количестве 3135 человек.

Была и другая награда – Красное знамя исполкома и обкома ВКП(б), его получили станкозавод, хлебозавод №9 и швейно-трикотажный комбинат.

Но в тот период предприятиям ещё не удавалось выполнять все планы, в том числе была неготовность комсомольской организации. Например, завод имени Фрунзе выполнил майскую программу только на 84,7%.

Социалистические соревнования помимо воспитательного значения имели функцию технологического совершенствования. Например, передовик завода №18 Колошопов работал над многорядным приспособлением для фрезерного станка, способное обрабатывать в 3-4 раза больше деталей [5, л.34].

Во время социалистических соревнований особенно проявлялись рабочие-многостаночники. Например, на заводе №530 в 1942 году рабочий Пономарев работал на 9 станках вместо 4, Берднев – на 8 вместо 4, Кайкин на 7 вместо 3 [6, л.14-24].

Если говорить о размере денежной премии, то можно рассмотреть бригадира из Ленинского района Куйбышева Андреева, который за прогонку 30 метров штолли получил премию 2000 рублей [7, л.35-37].

Таким образом, явление социалистических соревнований было залогом эффективной работы советского тыла во время Великой Отечественной войны. Они подчёркивали трудовой энтузиазм, приносили технологические новшества, а также присутствовала материальная выгода от всех улучшений.

Библиографический список

1. Социалистические соревнования // Научный коммунизм: Словарь / Александров В. В., Амвросов А. А., Ануфриев Е. А. и др.; Под ред. А. М. Румянцева. 4-е изд., доп. М.: Политиздат, 1983. 352 с. URL: <http://tapemark.narod.ru/kommunizm/200.html>
2. Самарский областной СОГАСПИ Ф.2461. Оп.2 Д.2. Л.6-7 об.
3. СОГАСПИ Ф.2461. Оп.2. Д.6. Л.2 об.
4. СОГАСПИ Ф.2461. Оп.2. Д.127. Л.2-3 об.
5. СОГАСПИ Ф.2461. Оп.1. Д.628. Л.34 об.
6. СОГАСПИ Ф.714. Оп.1. Д.868. Л.14-24 об.
7. СОГАСПИ Ф.2461. Оп.1. Д.830. Л.35-37 об.

Научное издание

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XXV Всероссийская конференция молодых историков
(Самара, 13–14 декабря 2019 г.)

Материалы и доклады

Публикуется в авторской редакции

Художественный редактор *Л.В. Крылова*
Титульное редактирование *Л.В. Крыловой*
Компьютерная верстка, макет *Л. Н. Законовой*

Подписано в печать 12.03.2020.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл.-печ. л. 13,8. Уч.-изд. л. 15. Гарнитура «Newton».
Тираж 100 экз. Заказ № 0035
Самарская гуманитарная академия,
443011, Самара, ул. 8-я Радиальная, 31.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в цифровой типографии ООО «Прайм»
Самарская обл., Волжский р-н, с. Курумоч, ул. Полевая, д. 49.

